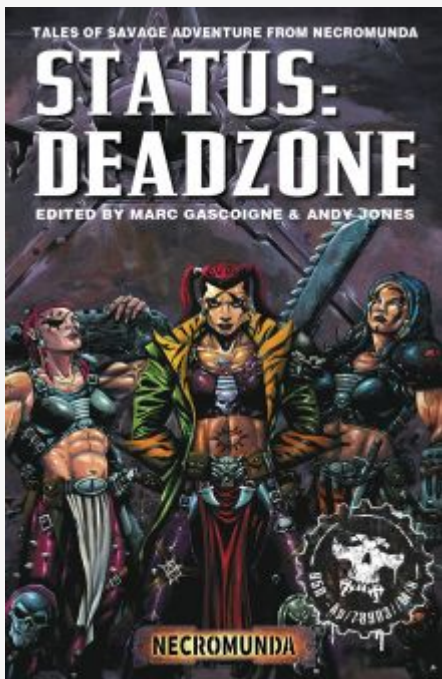

Спуск / Descent (новелла)

Спуск / Descent (новелла)

Автор	Саймон Джоветт / Simon Jowett
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Статус: Мертвая зона / Status: Deadzone
Год издания	2000
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

□

Содержание

- 1
- 2
- 3

4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

1

- Значит, этот старый мешок с гноем все-таки говорил правду.

Куллис Чен, капитан «Квиквега», стоял у перил рубки, обводя мрак туннеля лучом фонаря. Еще один фонарь, покрупнее, был вставлен в крепление на носу лодки вскоре после того, как они всплыли, и теперь его мощный луч пронзал более глубокую тьму впереди. Поверхность воды расцвечивали радуги масляных пятен. Пара лучей играла на ней, размеренно перемещаясь от одной стороны туннеля к другой, а затем обратно.

- Будто съезжаем в глотку рифового угря, - пробормотал Барак, первый помощник «Квиквега» и самоназначенный Глас Рока, который стоял позади приземистой рубки, возле латунных колонн перископной системы. Немногословный и сугубо пессимистичный человек, он, вероятно, имел наибольший стаж в команде. Вероятно, поскольку в экипаже подводного аппарата не было никого, кто сумел бы припомнить время, когда он не был первым помощником. Принимая во внимание его гладиаторское телосложение, а также практически нечеловеческий уровень жестокости, на который он был способен, Чен не мог представить, чтобы кому-либо хватило глупости претендовать на его должность.

Наклонив фонарь в подковообразном креплении, Чен провел лучом вверх по одной стороне плавного изгиба туннеля, вдоль низкого свода потолка.

- Слишком правильный, чтобы быть естественным, - тихо произнес он. - Должно быть, его пробурили сотни лет назад. Вирад говорил, что планы, которые он видел, датировались Великим крестовым походом.

- Великим крестовым походом, сморщенный мой конец! - кисло выплюнул Барак. - Этот подлый старый...

Его слова прервал свисток из переговорной трубки. Барак откинул крышку на петлях и наклонился послушать.

- Самое время! - рявкнул он в трубку. - И убедитесь, что батареи заряжаются. Мы не знаем, когда придется нырять и бежать.

Когда он снова защелкнул крышку, по кораблю пробежала неистовая дрожь, за которой последовал залп частых взрывов с кормы – поверхностные двигатели «Квиквега» с кашлем ожили и выбросили всю субстанцию Стока, которая скопилась в их выхлопных трубах за время пребывания под водой. Большую часть этого путешествия они провели, двигаясь как можно глубже для предотвращения варианта, что за ними последуют, полагаясь на эхолот^[1] для избегания столкновений, и поднимаясь наверх лишь тогда, когда воздух внутри судна становился невыносимо спертым и прогорклым. В результате заряд батарей, питавших корабль при погружении, опустился опасно низко.

Не сознавая того, Чен удержал равновесие, когда корабль закачался, а потом выровнялся и стал двигаться вперед с большей скоростью. Неожиданный рывок показывал, насколько сильно истощились батареи.

- Пора нам отвязывать ялики, – сказал Чен.

Теперь, когда они поднялись на поверхность, экипаж будет чего-то ожидать. Они были заперты в длинной и узкой капле корпуса «Квиквега» гораздо дольше обычного – не охотясь, просто прячась от тех, кто украл бы у них информацию, которая уже завела их так далеко. Им было известно, что это путешествие сулило богатейшую добычу в их жизни, и, по мере хода времени под водой Стока, предвкушение начало превращаться в нетерпение. Чен был не первым капитаном этого корабля и знал, что по меньшей мере одного из его предшественников выбросили за борт из-за неудовлетворенности команды выручкой под его руководством. Как и всегда, последнее слово по поводу замены сказал Барак – точно так же, как он это сделал по поводу передачи капитанства Чену, когда от Вейлана Гаффа осталось лишь размазанное пятно органической жижи из-за яда плотового паука, достаточно крупного, чтобы соперничать с мифическими Белыми Матками Варана.

- Ялики? Зачем? Мы даже не знаем, что в конце этого туннеля. – Барак успел перешагнуть через открытый люк на палубе рубки и теперь стоял рядом с Ченом у перил. Он всматривался вперед, словно пытаясь заглянуть за пределы действия носового фонаря. – Может статься, мы просто нашли еще одну шахту, на сей раз уходящую прямо вниз. Не удивлюсь, если Вирад дал нам маршрут до преисподней, лишь бы сбросить нас со своей спины.

- Если так, то он первым встретит нас по прибытии. – Чен улыбнулся, увидев озадаченное выражение на лице Барака. – После того, как он отдал карту и координаты, я велел Брилли втихаря добавить в его выпивку кое-чего в довесок.

Как и все крысокожие, Одноглазый Брилл, самый опытный гарпунщик «Квиквега», почитал яд плотовых пауков как святыню, источник экстатических видений для их гибридного рода и смерти для всех остальных. Он сидел в углу ветхого питейного заведения, сторбившись и расслабленно держа в руке полупустую кружку пойла, еще до того, как и Чен, и Наз Вирад, разорившийся торговец информацией, прибыли на свою встречу. После того, как Чен ушел, забрав с собой клеенчатый чехол для карт Вирада, Брилл с трудом поднялся на ноги и нетвердо побрел в направлении барной стойки. Очередной пьяный крысокожий в таком месте не привлечет ничего внимания. Брилл завалился на группу черпальщиков из Стока, споривших, стоит ли соглашаться на цену, которую им предложили за последний улов. Его вознаградили несколькими ругательствами и пинком, отправившим крысокожего в сторону кабинки Вирада. Удержав равновесие и не успев растянуться во весь рост на почерневшем до смоляного оттенка железном дереве стола, он невнятно пробормотал извинение, выровнялся и поковылял прочь, на сей раз направляясь к двери. Вирад никак не показал, что заметил или услышал его. Покидая бар, Брилл оглянулся назад и увидел, как Вирад поднял свою кружку и до дна выпил ее содержимое: эль и склянку

паучьего яда, которую туда опорожнил крысокожий.

- Я был на полпути к причалу, когда он начал кричать. Звучало так, словно за его душой явился Архизелот. Ну, или он только что увидел жену Брилла.

Барак всхрюкнул - это было самое близкое подобие выражение веселья в его жизни - и опять подошел к переговорной трубке.

Снова откинув крышку, он гаркнул еще один приказ тем, кто находился внизу. Через несколько секунд с лязгом открылись люки на носу и корме. Экипажи охотничьих яликов с отработанной скоростью двинулись по обтекаемому покатуному корпусу подводного судна к узким пятиместным лодкам, которые были при помощи болтов и линий из паучьих кишок закреплены килем вверх, будто остроугольные металлические волдыри на внешней обшивке «Квиквега».

Работая скорее наощупь и по памяти, нежели при помощи зрения, так как почти полную черноту туннеля освещали лишь отблески носового и башенного фонарей, экипажи яликов сняли болты и ослабили тросы. В быстрой последовательности прозвучало пять тихих всплесков, когда лодки кувырнулись через борта и приземлились на вязкую воду Стока правильной стороной вверх. Теперь их соединял с судном-маткой всего один линь. Команды хлынули на них, проверяя бензиновые подвесные моторы и пристраивая на нактоузные^[2] крепления гарпунные пушки. Крысокожие-гарпунеры на всех лодках нараспев декламировали ритуальное воззвание к таинственным богам Стока и охоты. Их монотонный распев перемежался криками: «Готово!» от старшего матроса каждого ялика.

- Что купишь на свою долю, Барак? - неопределенно поинтересовался Чен. Перспектива неизбежной охоты всегда побуждала его думать наперед, минуя опасность, о прибыли на той ее стороне. - Собственный корабль? Если информация Вирада хоть наполовину верна, мы все вынесем отсюда достаточно, чтобы каждый купил по флоту.

- Кроме «Квиквега» мне кораблей не надо, - проворчал в ответ первый помощник, после чего перегнулся через перила рубки и стал орать приказы экипажам яликов. Человек, менее уверенный в себе, чем Чен, мог бы различить в словах Барака угрозу. Напоминание о том, что на этом корабле капитаны являлись расходным материалом, что за Баракom всегда оставалось последнее слово об их назначении, и что без его поддержки они недолго держались после первой же неудачной охоты под их командованием. И он был бы прав. Чен не питал иллюзий насчет того, кто настоящий хозяин «Квиквега». Он знал, что его роль состоит в том, чтобы собрать информацию, направить корабль к следующей добыче - будь то паук, человек, или же какая-то непостижимая технологическая реликвия из более ранней эпохи - и предоставить Бараку с его командой сделать остальное. Значение имела лишь надежность информации и размер предстоящей прибыли.

А информация, унесенная им с его последней встречи с Вирадом, сулила богатства, которые бы заставили смутиться и Императора.

- Свет! Прямо по курсу! - крикнул Роарк со своего поста у носового фонаря. Чен взгляделся вперед. Виднелось едва заметное, переливавшееся свечение, почти на пределе возможностей зрения.

- Какой-то еще урод добрался туда раньше нас? - Барак уже присоединился к Чену в передней части рубки. - Может, Вирад изготовил не одну копию карт.

- Нет. Он знал, что я с ним сделаю, если он так поступит. - Чен моргнул, а затем попробовал более плотно сосредоточиться на свете. Тот был еще слишком далеко, чтобы разобрать, из одного ли

источника он исходит.

- Ты же все равно с ним это сделал! - Барак фыркнул, словно радуясь тому, что нашел еще один повод для пессимизма. - Может, он заранее решил отомстить.

- Это светящийся мох, наверняка. - Чен надеялся, что его голос звучит с положенной капитану уверенностью. Он повернулся лицом к первому помощнику. - Полный вперед, командир Барак. Скажите этим крысам в машинном отделении, чтобы жали до красной линии.

Барак снова потянулся к переговорной трубке.

- И, Барак...

- Кэп?

- Достаньте автопушку и дробовики. Чисто на всякий случай.

Гремящий ритм двигателей эхом отразился от стен туннеля и сотряс палубу под ногами Чена. Корабль рванулся вперед, все еще привязанные ялики плясали у него в кильватере, словно «Квиквег» был гигантским и древним пауком, а они - попав в цель всеми своими пятью гарпунами - гнали его, дожидаясь пока он устанет, прежде чем приблизиться и нанести смертельный удар.

С каждым ударом двигателя росли и огонь впереди, и уверенность Чена. Свечение было слишком рассеянным, чтобы исходить от фонаря другого корабля. Оно заполняло туннель по курсу, поглощая луч, который тянулся с носа «Квиквега». Чен велел передать ему карты Вирада. Он проверил и перепроверил каждую опорную точку, промеры и торопливо скопированную выдержку из журнала последнего корабля, который проходил этим путем, десятки, а может и сотни лет назад. Вирад утверждал, будто имел доступ к забытому имперскому архиву, однако этот старый лжец сказал бы что угодно, посчитай он, что это может спасти ему жизнь. А поскольку он продал подробности прошлого путешествия «Квиквега» не одной, а двум группам начинающих пиратов, но увидел, как корабль вернулся, оставаясь в руках своей изначальной команды, то понял, что его жизнь отчаянно нуждается в спасении.

- Пауки.

Слово едва можно было различить. Голос Вирада звучал сдавленно, пискляво и испуганно.

Капитан сидел за столом напротив него, в кабинке, которую, сколько все могли упомнить, всегда использовал в качестве офиса, покупая и продавая информацию, назначая свой процент с любых прав на трофеи. Чен никогда не нравился Вираду. Он слишком часто улыбался, как многие из тех торговцев, кого он знал в свои более юные, богатые дни. Такие улыбнутся, похлопают тебя по плечу и купят тебе выпить - а потом ударят в спину, избавят от товаров и передадут Судьям по какому-нибудь сфабрикованному обвинению. У Вирада на левом плече до сих пор оставалось клеймо Адептус Арбитес в форме буквы А, хотя от времени оно уже поблекло и посинело. Это был знак всем, кто его видел, что он побывал в одной из их исправительных бригад, скованный с другими нарушителями и отправленный работать на расчистке обломков от последнего ульетрясения, бродя без защиты по стокам из разорванных магистралей и сражаясь с гигантскими крысами и миллиазаврами при помощи кирки и лопаты. С тех самых пор он настороженно относился к людям, кто слишком много улыбается.

Однако сейчас Чен не улыбался. Его правый глаз заплыл, а у правого уха не хватало половины. Вираду

почудилось, что он видит следы от укусов на помятой плоти щеки и шеи. Следы от человеческих укусов. Еще на его массивном жилете из паучьей кожи были свежие подпалины, будто залп лазеров недавно попал до некомфортного близко.

Недостаточно близко, решил Вирад.

- Я не вижу тут пауков, - прошипел Чен, не повышая голоса. - Только вероломного вышедшего в тираж старика, который пытался продать меня, мой корабль и мою команду тому, кто больше заплатит. Итак, ты пойдешь тихо, или мне придется воспользоваться вот этим?

Он распахнул свой жилет достаточно широко, чтобы показалась рифленая рукоятка лазпистолета в кобуре сбоку на груди.

- В-выстрелишь из этого здесь, живым ни за что не выберешься, - запинаясь, выговорил Вирад.

- Ты правда думаешь, будто кому-то тут охота получить выстрел за тебя? - Уголки рта Чена приподнялись в натянутой улыбке. - А даже если и так, тебе уже будет все равно.

- Просто бизнес, только и всего. - Вирад предпочел сменить тему. - Гляди... Я задолжал кое-каким людям. Я... я хочу поблагодарить тебя за то, что стряхнул их с моей спины.

Улыбка Чена стала шире, словно капитану доставляла искреннее удовольствие сбивчивая попытка Вирада отбрехаться от той медленной, мучительной смерти, которую запланировала для него команда «Квиквега».

- О, мы с радостью, - отозвался он. Его голос сочился иронией. - А теперь ты должен нам, кровью.

- Я... Я могу сделать больше. - Голос Вирада надломился, подскочив еще выше. - Я могу дать вам пауков. Больше, чем ты когда-либо вообще мечтал...

- Мы можем найти пауков без твоей помощи, - перебил Вирада Чен. Его улыбка погасла, терпение вышло. - Поднимайся на ноги. Ты пойдешь со мной.

- Нет!

Внезапный крик Вирада заставил нескольких прочих посетителей вертепа обернуться, и их руки непроизвольно дернулись к оружию. Впрочем, увидев сцену в кабинке, они отвернулись обратно. Деловая сделка пошла наперекосяк - ничего нового в этой части подулья.

Вирад осознал, что Чен был прав. Если бы тот пристрелил Вирада на месте, все бы лишь пожаловались владельцу бара на запах пережаренного мяса.

- погоди! - Вирад вскинул руки в жесте униженной капитуляции. - Слушай. Информация, которая у меня есть, могла бы обеспечить тебя на всю жизнь. И твою команду тоже. Я говорю не просто об одном или двух пауках, или даже о гнездовье. Я говорю про инкубатор - сотня пауков, а может и того больше, все откладывают яйца в одном месте!

- Я слишком стар для сказок. - Чен казался нетерпеливым, презрительным, однако Вирад, который всю жизнь слушал не только то, что говорят люди, но и как они это говорят, понял: он только что продлил свой предполагаемый срок как минимум еще на несколько минут. Чен командовал «Квиквегом», самым необычным судном, какое когда-либо ходило по водам Стока, но он был просто еще одним пиратом, а всех пиратов интересовало только одно: прибыль.

- Это правда! У меня есть карты и координаты. Они столетиями были под Имперской Печатью. Но я знал кое-кого, который знал кое-кого, кто хотел кое-что такое, что я мог предоставить, и...

Что-то в выражении лица Чена заставило его умолкнуть. Время подходило к концу.

- Как я и сказал, сотни пауков, тысячи яиц. Все в одном месте. Не знаю, почему - может, это более социальная разновидность пауков. Как бы то ни было, в каждом яйце паук-детеныш, слишком молодой, чтобы защищаться. Тысячи пауков-детенышей. Десятки тысяч глаз. Конечно, они будут не такими большими, как глаза взрослого паука, но при таком количестве кого это волнует? Капитанская доля такого улова сделает тебя богатейшим человеком в подулье! Черт, ты мог бы купить подулье!

Вирад сделал паузу.

Чен молчал как будто целую вечность.

- Разумеется, тебе не случилось иметь эти карты при себе, - в конце концов произнес он. Его интонация была ровной, бесстрастной.

- Ну, нет. Они слишком ценные. Я всегда хотел собрать собственную команду, но...

- Но ты можешь довольно легко их достать. Неси их сюда.

- Да! Я мог бы вернуться сюда через час, может и меньше. - Пронесшееся по телу Вирада чувство облегчения было до того сильным, что когда пришло время встать и выйти из бара, он испугался, что ноги не смогут его нести. - Клянусь, ты об этом не пожалеешь.

- За тобой будут наблюдать. Поумничай, попробуй сбежать, и, есть карты или нет, но мне доставят твою голову.

- Я был прав, - проворчал Барак. Свечение мха придавало его лицу нездоровый зеленоватый оттенок. - Вирад послал нас в преисподнюю.

Чен обвел взглядом стеклянную гладь бассейна, в который они вышли. Тот был размером с небольшую пристань, практически словно его высекли в скале именно для этих целей. По половине его периметра, обращенной ко входу в туннель, тянулся неровный уступ, уходивший в чернильный сумрак. Ржаво-красный светящийся мох покрывал шероховатый свод увешанного сталактитами потолка и местами рос настолько густо, что свисал вниз радужными полосами, похожими на ветхие паникадила.

- Возможно, если ты паук, - сказал Чен, указывая на один из неподвижных трупов, плававших неподалеку от правой скулы. Всего их было девять, и они дрейфовали в бассейне, будто массивные острова с серыми шкурами. Судя по тому, что просматривалось над поверхностью, чтобы уложить каждого из них, потребовались бы все пять яликов «Квиквега» при поддержке залпа автопушки подводного судна. Нигде во фрагментах журнала, которые Вирад отдал вместе с картами, не упоминалось о взрослых пауках, выступающих в роли стражей инкубатора - хотя, думай Чен о чем-либо, кроме наличия огромного богатства, этого следовало бы ожидать. Может статья, Барак был прав. Возможно, Вирад, предполагая, что Чен все равно его убьет, оставил все подобные предостережения в тайнике, рассчитывая отправить капитана с командой навстречу гибели.

Однако нечто вмешалось и сорвало план Вирада. На каждом из плававших трупов были видны огромные раны, пробоины в шкурах и прочной ткани под ними, обнажавшие разорванные органы или же

образовывавшие пустоты, где уже скопился и начал загустевать липкий иخور из крови и яда. Роарк, гарпунщик на том ялике, которому Чен приказал тщательнее осмотреть ближайший труп, нюхнул эту смесь и отпрянул, бешено лопоча о святотатстве и порче. Он даже отказался забирать глаза твари, предоставив эту работу остальной команде ялика. Все остальные гарпунеры, даже обычно решительный Брилл, поступили так же, когда другие ялики двинулись среди притопленных тел, и не-крысокожие члены экипажей стали вырезать из глазниц пауков драгоценные камни размером с кулак.

- Что бы это ни сделало, оно может еще быть здесь, - отозвался Барак, решительно глядя на темную сторону.

- Этого мы не знаем, - возразил Чен. - Откуда нам знать, что они не сами это с собой сделали? Возможно, вышел какой-то спор о том, чьи яйцевые сумки получают почетное место.

Барак уставился на него, словно не был уверен, шутит капитан или нет, а затем махнул рукой в направлении уступа. Посмотрев мимо него, Чен заметил, что ялик Джостина уже почти достиг платформы, к которой он их послал. Также он заметил, что Брилл, гарпунщик Джостина, который на его глазах вставал и с ревом бросал вызов пастям живых пауков, как минимум столь же крупных, как те, что сейчас бездеятельно плавали вокруг них, отступил на корму лодки.

- И поэтому там не осталось ни единой целой яйцевой сумки? - поинтересовался Барак. Стену, которая загибалась вверх над кромкой воды, покрывали изодранные остатки большого количества яйцевых сумок, чем можно было сосчитать с такого расстояния. Молочно-белые оболочки сумок дрябло свисали, словно проколотые пузыри и драные праздничные флаги, а от их содержимого остались только потеки и пятна повсюду на скале вокруг них.

Чен снова перевел взгляд на первого помощника. В голосе того была нотка, которой Чену прежде не доводилось слышать: беспокойная, почти что опасливая. Если это место оказывало такой эффект на обычно невозмутимого Барака, Чен мог быть уверен, что остальная команда чувствует себя так же.

Пора все утихомирить, решил он. Взять ситуацию под контроль, собрать добра, сколько сможем, и убраться отсюда.

- Слушай, - произнес он вслух. - Я не эксперт по воспитательским привычкам плотовых пауков. Мы пришли сюда убивать их, разве нет? Ну, похоже, они избавили нас от забот. Глаза одних этих тварей стоят вдвое больше обычной годовой добычи. Пускай Джостин и его люди по-быстрому глянут на уступе - там может быть еще молодняк, чьи глаза стоит заполучить. Отзови остальные ялики, привяжите их. Сможем отправляться, как только Джостин осмотрится. Ты не хуже меня знаешь: ничто так не успокаивает нервы, как доля от славного улова.

За первым залпом выстрелов с уступа последовал хор встревоженных криков и всплеск тела, упавшего в воду. Снова раздались крики, но их поглотил совокупный шум огня дробовиков десантной группы.

Пробормотав богохульство, Барак приложил ко рту сложенные рупором руки и принялся орать другим яликам приказы приблизиться к уступу и поддержать команду Джостина. Чен переключил свое внимание на источник неожиданной сумятицы, но не смог разобраться, что происходит. Трое из отряда Джостина стояли на уступе, беспорядочно паля из дробовиков в сумрак; Брилл так и оставался на борту ялика, не выказывая никаких признаков желания выбраться на берег. Пятого члена команды нигде не было видно - Чен мог лишь предположить, что тот в воде, и потому ему не помочь. Ядовитые химикаты под слегка переливавшейся поверхностью бассейна уже разъедали моряка, разлагая тело обратно на составные части. Не имело значения, толкнули его, или же он всего лишь оступился - экспедиция

понесла первую потерю.

Чен поднял макро-очки, которые висели у него на шее на кожаном шнурке. Прижав сдвоенные цилиндры к глазам, он повернул рифленое латунное колесико, вставленное между ними, и картина на уступе тут же приобрела резкость. Он увидел троих членов команды, двое из которых продолжали вести огонь, а третий – Джостин – рылся в кармане своей куртки в поисках новых боеприпасов. Слегка сместив взгляд, капитан попытался углядеть какие-то признаки того, по чему они стреляли. Сперва он видел только тени, а потом в поле зрения вышла громоздкая фигура. Похоже, это был человек, носивший броню, которая придавала его рукам и плечам гипертрофированные, обезьяноподобные очертания. Ему в плечо попал заряд дробовика, от удара он отступил на шаг назад и повел обеими руками, словно для проверки на предмет повреждений, после чего продолжил двигаться в направлении отряда.

Он был не один. На свет выступили и другие фигуры: еще две с такими же крупными габаритами, как у первой, а также пара, облаченная в броню полегче, но выглядевшая не менее угрожающе. Один был вооружен мечом и щитом, на котором вспыхивал отраженный свет; у второго вместо кистей рук как будто были длинные, сходящиеся на конус когти. Этот последний сделал всего один шаг, а затем подпрыгнул, чтобы уклониться от залпа выстрелов, который прошел под ним, не причинив вреда. Слишком высоко, слишком быстро для простого человека. Это зрелище напомнило Чену о внезапных скачках, которые совершали застигнутые врасплох пауки. В тот же миг, как ноги существа коснулись земли, оно выбросило одну руку вперед, словно кидая в членов экипажа, уже начавших отступать к краю уступа, какой-то метательный снаряд. Чен не заметил, чтобы с его руки что-либо срывалось, но когда он снова переключил внимание на отходивших моряков, то увидел, как один из них выронил свой дробовик, и незримая сила как будто связала ему руки, а потом рывком приподняла в воздух и поволокла брыкающегося и вопящего человека в сторону фигуры.

К тому времени нападавший с мечом уже успел выйти перед своими тяжеловесными товарищами. Отведя залп ружья Джостина своим мерцающим щитом, он одним нисходящим взмахом меча рассек спаренные стволы оружия. Джостин вскинул обрубок дробовика, пытаясь ударить противника прикладом, словно дубинкой, однако одно из массивных созданий схватило его за горло и подняло над землей.

В этот момент Чен понял, что может сделать только одно.

– Барак, отзывай ялики. Сейчас же! – заорал он первому помощнику, а затем перегнулся через перила, обращаясь к расчету автопушки, которую вынесли наверх и закрепили на лафете посередине между носом и рубкой. – Цельтесь по выступу! – скомандовал он. – Оттесните этих ублюдков и дайте нам время закрепить ялики!

Ялики уже закладывали крутые развороты в ответ на выкрикнутые Бараком приказы, когда автопушка открыла огонь, и за ее низким гортанным кашлем последовали разрывы снарядов о скалу над уступом. Поправив прицел, расчет орудия опять начал стрелять, на сей раз взметнув с уступа завесу каменных осколков перед приближавшимися созданиями. Снова прижав глаза к макро-очкам, Чен с удивлением увидел, что существо, одна из огромных рук которого была сжата на горле Джостина, развернулось, словно защищая сопротивлявшегося моряка от дождя осколков, подброшенных второй очередью автопушки. Острые как бритва куски камня отскочили от пластинчатой брони, прикрывавшей его спину.

Третий член команды, оставшийся на уступе перед двумя другими громадными созданиями, которые надвигались на него с обеих сторон, явно решил последовать примеру яликов. Бросив свой дробовик, он с разбегу прыгнул с уступа в направлении лодки десантной группы – только для того, чтобы обнаружить,

что Брилл уже погнал судно прочь от временной стоянки. Он врезался в воду и с плеском исчез под ее поверхностью. Спустя секунду или две он появился снова, тщетно трепыхаясь с раскрытым ртом, но его вопли утонули в реве автопушки. Потом он снова ушел вниз.

Корпус «Квиквега» звенел, когда каждый из яликов на скорости возвращался к кораблю-матке. Чен неосознанно считал удары, прикидывая, сколько времени понадобится командам, чтобы закрепить лодки, и как быстро подводное судно сможет отправиться в путь. Оставался только ялик десантной группы, который мчался по воде в их направлении. Брилл низко пригнулся на корме, а над его головой грохотали снаряды автопушки.

Фигуры на уступе отошли под обстрелом орудий. Они стояли на границе сумрака, как будто раздосадованные бегством последней из возможных жертв. Брилл находился на полпути от уступа к «Квиквегу», и по раздававшимся с кормовой палубы крикам Чен понял, что последний из яликов закрепили, а их экипажи валяются в задний люк. Барак рявкнул распоряжения в машинное отделение; холостой гул двигателей изменился, становясь громче, настойчивее, словно им не терпелось оказаться вдали от этого места.

- Прижимайте их, пока мы не стартуем! - крикнул Чен вниз, расходу автопушки. - Не хочу выяснять, умеет ли кто из этих монстров плавать!

Чен собирался вывести «Квиквег» из грота на максимальной скорости, после чего погрузиться вскоре после входа в туннель. Если кто-то из атакующих и мог за ними последовать, то к тому моменту, когда они доберутся до зева туннеля, уже будет казаться, будто подводное судно исчезло.

А потом он увидел это, взмывшее вверх с уступа, словно угольно-черная хищная птица. Угольно-черная, если не считать крыльев - жестких, остроугольных перьев, которые сияли изменчивым размытым переливом цветов, копировавшим пленку на воде внизу. Оно по быстро восходящей траектории ушло выше угла обстрела автопушки, почти до светящегося, увешанного мхом потолка - а затем вниз, прямо как стрела, к точке примерно посередине между уступом и «Квиквегом». Точно к ялику Брилла.

- Брилл! Уклоняйся! - Барак тоже увидел его и теперь орал, предупреждая гарпунера. Брилл, то ли оглохший от шума автопушки, то ли попросту слишком сосредоточенный на дороге до «Квиквега», чтобы заметить предостережение первого помощника, никак не показал, что услышал. Он удерживал ялик на изначальном курсе, не предпринимая попыток сбросить летучую угрозу с хвоста. Чен сомневался, что крысокожий вообще знал о бронированном хищнике, который падал на него.

Глядя в макро-очки и следя за призраком с металлическими крыльями, будто это была всего лишь какая-то интересная новая разновидность птиц, Чен увидел, как его крылья преобразились: остроконечные секции каждого из них разошлись, замедляя спуск. За считанные удары сердца до столкновения тело качнулось в вертикальное положение, его руки и ноги потянулись вперед, как пальцеобразные псевдоконечности прыгуна-потрошителя, и через несколько секунд сжались вокруг головы добычи.

Брилла выдернули из мчащейся лодки, словно настоящую крысу, которая попала воздушному хищнику, прежде чем успела добраться до безопасного логова. Слишком пораженный, чтобы даже вскрикнуть, он унесся вверх, а ялик пьяно свернул с курса, направившись в стену грота. Похититель же тем временем исполнил сочетание бочки и разворота, ошеломившее Чена своим изяществом и непринужденностью. Капитан бездумно отметил, что тыльные стороны крыльев существа были окрашены в вороной цвет, будто для готовности раствориться в сумраке, откуда оно появилось.

Чена вырвал из состояния фуги внезапный рев болт-пистолета рядом с ним на рубке. Барак высаживал в воздух болт за болтом, явно не обращая внимания на тот факт, что, сбив создание, он также обрек бы Брилла на разьедающую смерть в мерцающей, смертоносной воде бассейна. Возможно, ему было все равно. Возможно, его заботила только какая-то месть чудовищу, которое забрало члена команды, служившего на борту «Квиквега» почти так же долго, как и он.

Чена, тем не менее, заботило и еще кое-что: спасение. Шагнув к переговорной трубке, он выкрикнул приказ погружаться, ответом на который, почти немедленно, стал пронзительный свист воздуха, выходящего из емкостей для ныряния.

Услышав этот звук, расчет автопушки прекратил огонь, отцепил оружие с лафета и заторопился под палубу. За ними последовал носовой смотрящий, захлопнувший за собой передний люк.

Барак все еще без толку палил вслед крылатому похитителю Брилла, который с практически презрительной легкостью уходил от зарядов болт-пистолета, скользя в воздухе неуловимым зигзагообразным маршрутом при помощи одного искусного взмаха крыльев за другим.

- Барак, давай вниз! - крикнул Чен, но первый помощник с остекленевшими глазами ничем не показал, что услышал его. Звук сбрасывающих воздух баков со свиста сменился на хриплое бульканье - корабль начал погружение. Через несколько секунд через перила рубки перехлестнула бы вода Стока.

- Я сказал, давай вниз! Брилла больше нет! Мы уходим! - повторил Чен свой приказ и подкрепил его, треснув Барака в плечо. Первый помощник обернулся. На его лице была гримаса смеси кровожадной ярости и дикого ужаса. Мгновение он таранился на Чена, пока капитан «Квиквега» гадал, не получит ли в живот следующий болт, а потом Барак моргнул, убрал оружие в кобуру и спрыгнул в люк рубки. Чен позволил себе на секунду перевести дух, поскольку оказался избавлен от зрелища собственных внутренностей, размазанных по перископной системе, а затем последовал за Бараксом и захлопнул за собой люк.

Чен никогда еще не так не радовался ощущению знакомой смеси застарелого пота и машинного масла, покрывшей заднюю часть горла. Это означало, что он упакован в тесный металлический кокон «Квиквега», невидим для нападавших, скоро окажется вне их досягаемости, под защитой вод едкого моря, которые приведут их домой.

Чен раздал указания рулевому и оператору локационной панели - звукового зондирующего устройства в латунной обмотке, чьим сигналам, которые передавались от антенн, установленных на серединной оси корабля, до кружкообразного аппарата, прицепленного к ушам оператора, предстояло вести их обратно в зев туннеля, а оттуда по изгибам и поворотам прохода, мимо рифов и внезапных изменений ширины с глубиной, в открытый Сток. Затем, прокричав через еще одну переговорную трубку комбинацию из угроз и ободрений в машинное отделение, он шагнул к перископу.

Пока один из членов экипажа крутил ручку, установленную в задней части перископной системы, и смотровое стекло поднималось на уровень глаз, Чен бросил взгляд на Барака. Первый помощник тяжело привалился к вогнутому корпусу. Его глаза все еще были стеклянными, словно он не мог или не желал признать, что видел. Чен знал, что каждый из команды, кто находился на борту других яликов, разделял по крайней мере часть ужаса Барака. Джостина, Брилла и остальных будет не хватать, однако капитан понимал - когда искрящиеся фасетчатые глаза, которые они выдрали из плававших трупов, будут проданы, а прибыль поделена между экипажем, деньги волшебным образом подействуют на память. События этого дня, потеря товарищей будут обсуждаться и пересказываться, постепенно становясь еще

одной легендой в дополнение ко множеству других, формировавших репутацию «Квиквега» среди прочих Стокоплателей. В честь мертвых поднимут бокалы, много бокалов. И еще будут женщины, пообещал себе Чен. Много женщин.

Картинка в треснутом окуляре сдвинулась вбок – Чен осматривал поверхность в поисках любых признаков бронированного врага. Ничего. Уступ был пуст, трупы пауков все так же дрейфовали, уменьшаясь в размерах по мере того, как подводной судно несло ко входу в туннель. Удовлетворившись, капитан перекинул рукоятки к перископной трубке и жестом велел опустить ее. Он уже собирался сказать что-нибудь воодушевляющее для экипажа кабины управления, когда Ставек, оператор локационной панели, воскликнул:

- Контакты сзади, быстро приближаются! – Он повернулся, и пучок кабелей, соединявших его наушники с панелью, качнулся вокруг плеч, словно чрезвычайно роскошная шевелюра. – И есть еще что-то. Похоже на... насекомых.

Интонация голоса Ставека и озадаченное выражение его лица демонстрировали, что он сознавал, насколько нелепо прозвучит последняя часть доклада. Он сдвинул один наушник с головы и предложил Чену послушать.

Чен наклонился, приставил ухо к решетке, шедшей по верху металлической чашечки... и тоже услышал. Пронзительная мешанина щелчков, присущих насекомым, которая перемежалась внезапным писком или волной чего-то, похожего на белый шум от ненастроенного радиоприемника. Ставек был прав, сравнив это со звуком, издаваемым большим количеством вредителей. Чену доводилось слышать похожее, когда рой стальной саранчи обрушился на поселение Утес Картера, дом его детства, и содрал со стен и потолка все металлические детали, из-за чего обвалилось больше половины строений в колонии. Однако тут присутствовало что-то еще, что-то неестественное. Что-то механическое. У Чена вдруг возникло ощущение, будто он подслушивает высокоскоростные переговоры между несколькими экземплярами тонкой аппаратуры.

- Маневры уклонения! – приказал капитан.

А затем они услышали это: ритмичный стук, передававшийся сквозь толстый металл корпуса. Потом еще один, исходивший с другой части внешней обшивки корабля. Потом еще один. Там снаружи что-то было.

Что-то, хотевшее попасть внутрь.

2

«Времена раздора – благодатная почва для Искупления».

Слова последней проповеди Пастора Зидо прозвучали в памяти Полдара, когда в его руках застучал и задергался автомат. Трое из четверых падалюг в лохмотьях, которые соскочили с фургона, чтобы избежать очистительного пламени огнемета, окатившего их транспорт, заплясали нелепую джигу, брызгая кровью из вонючих складок своей одежды, а потом повалились отдельными истрепанными грудями. Четвертый, каким-то образом оставшийся невредимым, продолжал бежать вдоль уходящего вниз откоса шлаковозного пути, пока его не снесло вбок ударом снаряда из стаббера Хастора. Хастор возник из-за передней части старинного трактора, который тащил фургон по дороге, пока прямое попадание из гранатомета Малека не превратило его хрипящий артритный движок в еще одну порцию

шлака и подало сигнал к началу атаки.

Полдар вскинул руку, признавая меткость Хастора. Последний, переломив свое оружие и вставив очередной снаряд, улыбнулся в ответ, так что под изукрашенным краем маски показалась перекошенная ухмылка, после чего снова исчез за другим краем трактора.

- Времена войны и народного волнения, - обращался Зидо к собравшимся бандитам на складе одного из нижних уровней промышленных владений Дома Кавдор. - Во времена вроде нынешних каждый человек должен заглянуть в свое сердце и сделать выбор: вместе ли он с Искуплением, с воплощенной судьбой человечества, как ее провозгласил наш Верховный Владыка, Император Людей. Или же он заодно с тьмой, которая повсюду вокруг и грозит поглотить всех нас?

Боевики в разных частях склада закричали в ответ, все одно и то же:

- Искупление!

- Я здесь, дабы сказать вам, что Последние Дни уже почти настали. Подулье полнится слухами об очередном проявлении греха и скверны, в котором погрязают все, кроме праведников. Существа, что ходят, как человек, но говорят языками насекомых и машин. Некогда будучи людьми, они приняли все нечеловеческое в свои сердца и души, готовясь к апокалипсису, последнему пожару, который без сомнения скоро придет к нам!

- Эти твари таятся среди отбросов дна улья, дожидаясь подходящего момента, копя силы. Сейчас их всего несколько, но они бродят во мраке между поселениями, мусорными лощинами и шлаковыми равнинами, выискивая обращенных. Им должно воспротивиться!

- Всех, кто нечист, чьи пропащие души могут дать приют новой тьме, которая использует их в собственных целях, необходимо спасти. Необходимо очистить болтером, мечом и огнем!

- Искупление! Искупление! - разнеслось по складу пение боевиков. Полдар ударял по воздуху кулаком, снова и снова. Со своей импровизированной кафедры на верхушке контейнера, на котором стояли метки Дома Кавдор и Гильдии Торговцев, Зидо обозрел море вскинутых кулаков. Он удовлетворенно кивнул, а затем поднял свою руку, призывая к тишине.

- Ступайте же и ищите свою судьбу, судьбу Человека. Вас затронул огонь Искупления. Вы - орудия его очищающего прикосновения. Вы благословлены!

«Вы благословлены!».

Полдар вспомнил финальное напутствие пастора, двигаясь вдоль фургона в направлении его кормы и высматривая других падаюг, которые могли избежать пламени. Впереди, немного выше по шлаковому склону, стоял второй трактор, вынужденный остановиться после уничтожения машины, шедшей по дороге перед ним. Водитель трактора был вооружен, равно как и несколько рябых пассажиров фургона. Первый уже превратился в истекающую кровью марионетку с оборванными нитками, сжимавшую свой пистолет хваткой мертвеца. Однако стрельба пассажиров фургона вынудила братьев Полдара прервать атаку, найти укрытие и вести ответный огонь.

К тому времени, как Полдар добрался до конца первого фургона, он уже обильно потел под капюшоном

из-за сильного жара от горящих тел пассажиров повозки – единственный подходящий конец для всех падалюг, независимо от того, приняли ли они ту новую тьму, о которой говорил пастор.

Тошнотворный аромат поджаривающейся плоти волной накрыл Полдара, заставив поперхнуться. «Почему Малек не всадил среди оставшихся падалюг одну-две гранаты?», – задумался он, сплюнув в тщетной попытке избавиться от тяжелого, маслянистого привкуса. Выглянув из-за края первого фургона, он увидел, почему: Малек лежал на открытом пространстве, а его маску и лицо сорвала пуля падалюги. Гранатомет валялся в нескольких футах от него.

Полдар произнес клятву Архизелоту и открыл огонь по второму фургону. Первый выстрел угодил женщине в верхнюю часть спины и вышел из груди, разбрызгав кровь и кости. Какой-то последний нервный импульс заставил ее выгнуться и перевернуться через борт фургона. Пока она падала, из ее рук вывалился сверток, замотанный в тряпье. Он ударился о землю с пронзительным визгом, который усилился и превратился в характерный завывающий плач: ребенок, еще один из извращенной, мутировавшей породы своей матери.

Полдар проигнорировал ребенка. Слишком мелкий и безвредный, чтобы тратить пулю. Он поищет его, когда битва будет выиграна. Кавдорец продолжил всаживать заряды в фургон, надеясь оттянуть огонь кого-то из вооруженных пассажиров и дать товарищам возможность подойти ближе, подтянуть огнемет в радиус действия.

Глухой раскатистый грохот взрыва баков огнемета стал для всех неожиданностью. В миг затишья посреди стрельбы отчетливо слышались крики Неррана, почти такие же пронзительные, как издаваемые ребенком, который так и лежал около одного из колес трактора. Сам того не сознавая, Полдар вышел в просвет между первым и вторым фургонами. Просто повернув голову, он смог отчетливо увидеть Неррана, который, продолжая вопить, ковылял вперед, полностью окутанный летучей, пылающей жидкостью из баков. Бедняга сумел сделать три или четыре шага, прежде чем его ноги подогнулись, и он повалился вперед, все еще полыхая, но не издавая ни звука.

Сперва Полдар подумал, что огнемет дал сбой. Выстрелы, взметнувшие пепел со всех сторон от укрывшихся бандитов, заставили его изменить свое мнение. Оторвав взгляд от продолжавшего подергиваться тела Неррана, он увидел людей, несущихся вниз по склону шлаковой кучи, которая возвышалась за спинами боевиков – одной из вереницы таких куч, нависавших над дорогой с обеих сторон. Кое-кто из братьев Полдара сменил позицию за менее крупными горами пепла и клинкера, которые они использовали в качестве укрытия от огня падалюг, и палил в ответ. Впрочем, у атакующих было преимущество. Они уже нащупали свою дистанцию и двигались слишком быстро, чтобы бандиты смогли точно по ним прицелиться. В сущности, они проделывали с боевиками именно то, что те проделали с колонной из пары машин – и проявляли ровно столько же милосердия.

Нечто, похожее на удар кулаком сбоку по шее, застало Полдара врасплох. Он качнулся вбок на вдруг утративших твердость ногах, но врезался в корму первого фургона и пьяно отлетел назад. Одно колено подломилось, и он распростерся среди гари.

С трудом приняв полулежачую позу на зернистой поверхности дороги, он снял одну перчатку и приложил голую руку к шее. Возможно, это было просто попадание по касательной, видимо от рикошета, но оно вспороло что-то жизненно-важное. Горячая кровь толчками лилась между пальцев, окрашивая землю широкими росчерками.

Скорее сбитый с толку, чем напуганный, Полдар рассеянно отметил, что ноги похолодели и онемели, а

грудь как будто охвачена огнем. Моргнув, чтобы отогнать дымку, которая теперь напознала в глаза, он снова посмотрел на перестрелку, шедшую на краю дороги. Бандитов, угодивших под перекрестный огонь тех, кто сидел в засаде, и падалюг из фургона, который хоть и стоял всего в паре шагов от места, где лежал Полдар, но с тем же успехом мог быть припаркован на самых верхних уровнях Шпиля, громили в пух и прах. Ужас, отчаяние, праведный гнев – наблюдая, как уложили Хастора, последнего из его товарищей, Полдар понимал, что должен что-то чувствовать. Похоже, у него просто не было сил.

Когда убийцы его братьев достигли теперь уже стихших позиций бандитов, Полдар стал смотреть, как они обыскивали тела, собирая оружие и упаковки с боеприпасами. Похоже, их было десять: жители подулья с автоматами, поперек груди накинута перевязи. Они носили пеструю коллекцию всевозможной защитной экипировки, которую, вероятно, подобрали на промышленных уровнях – каски, брызгозащитные жилеты и щитки, рабочие ботинки с металлическими носами – но никаких цветов банды. Стало быть, просто шайка вольных, вышедшая поживиться, чем получится.

Нет. Не десять. Одиннадцать. Этого человека Полдар не видел во время атаки. Выше остальных, шире в плечах, явно продукт более комфортного воспитания, чем считалось нормой в подулье. Он держал болтер, необычный и дорогой предмет снаряжения для независимого разбойника, а еще был одет иначе.

У Полдара поплыло в глазах. Огонь в груди выгорел. Часто заморгав, он на краткий миг восстановил концентрацию и за это время с почти сверхъестественной ясностью увидел, что под закинутыми на плечи перевязями и застегнутом на поясе патронташем этот последний человек носил изодранные, но все еще безошибочно узнаваемые остатки рясы Искупителя.

Искупитель? Невозможно! Дом Кавдор являлся Домом Искупления. Ни один аколит Архизелота не возглавит нападение на банду Кавдора!

А потом он услышал. Торжествующие разбойники пели – нет, декламировали – что-то. Одно слово, видимо имя: Векс.

Это слово ничего не значило для Полдара, и тот слишком устал, чтобы продолжать думать о нем. Он завалился на спину и обнаружил, что над ним кто-то стоит. Падалюга, с рябым и испещренным язвами лицом. Падалюга с пушкой.

Когда он уставился в дуло оружия падалюги, темнота как будто устремилась ему навстречу. Откуда-то издали снова послышались слова Пастора Зидо: «Вы благословлены».

Ох, подумал Полдар. В самом деле?

Услышав одиночный выстрел, Векс крутанулся на месте, напрягая чувства в поисках очередной возможной угрозы и обеими руками подхватив болтер. В промежутке между сожженным фургоном и трактором, избежавшим внимания огнемета бандитов, стояла молодая женщина из падалюг, которая держала нечто, похожее на старинную однозарядную винтовку. Ружье было направлено вниз, на безголовое тело еще одного боевика. Женщина отбросила оружие в сторону, а затем зашла за трактор. Через несколько секунд она появилась снова, баюкая в руках разлохмаченный сверток. Из лохмотьев донеслось слабое, изможденное хныканье.

– Кто-то вершит небольшую праведную месть, пастор. – Рядом с ним стоял Раскосый Микк, запихивавший в подсумки своей перевязи автоматные магазины.

- Мечь - это грех, - ответил Векс, опуская болтер. Вокруг молодой женщины собралось еще несколько падалюг, которые ворковали над ребенком у нее в руках, словно это был талисман, амулет на удачу, или же просто неясная перспектива будущего.

- Но уж точно святой грех, - улыбнулся Микк. Его неровно посаженные глаза и кривой рот создавали впечатление, что все черты лица собрались с одной стороны, - Если мстишь за злодеяние?

- Священный Поход выпустил какой-то новый эдикт, о котором мне неизвестно? - поинтересовался Векс.

- В смысле, после того, что призывал доставить твое еще бьющееся сердце к обеденному столу Архизелота? Не думаю.

- По крайней мере, прекратилось это пение. Последнее, что нам нужно, так это оповещать о своем местонахождении. - Векс сделала паузу, после чего добавил: - Разве люди не знают, что мне от такого делается неуютно?

- Эй, я им говорил, - притворно защищаясь, отозвался Микк. - Даже альтернативу предложил. Они обратили внимание, что кричать «Микк» совершенно не так вдохновляюще, как кричать «Векс». И кроме того, я-то никого не спасаю.

- Не смей начинать эту ерунду. - Векс закинул свой болтер за плечо, а затем осмотрел шлаковые дюны по обе стороны от дороги. - Выставь дозорных, а остальные пусть помогут сдвинуть эту развалину. - Он указал на выгоревший фургон и трактор. - Мы уже должны быть в пути. Император его знает, сколько других банд прячется тут в поисках крови.

- Пусть приходят, - заметил Микк, прежде чем удалиться от Векса. - Мы дадим им кровь. Конечно, это будет их кровь, но кто отличит, когда ею залит весь пол?

Эту историю Векс слышал уже бесчисленное число раз, но в последние несколько месяцев гораздо чаще: по сектору прокатывались Искупители, вооруженные до зубов и обезумевшие от ханжеской злобы, при поддержке армии пехоты Кавдора. Богат или беден, человек, крысокожий или падалюга - не щадили никого.

Иронично, но их спасло именно положение падалюг на дне общества подулья. Обитая в маленьком палаточном гетто в тени леса труб, отходивших от комплекса переработки отходов сектора, они слышали звуки резни раньше, чем та добралась до них. Свернув шатры и собрав пожитки, они забрались на борт фургонов и двинулись прочь, спускаясь по лабиринту туннелей и пандусов, пока не добрались до шлаковых дюн.

- Бандиты набросились на нас из ниоткуда, - сказала Вексу падалюга по имени Ниса, идя вместе с ним перед хрипящим трактором. Ее голос был сиплым, булькающим от слизи, словно покрывавшие ее кожу язвы также поразили и внутренние поверхности. Она так и держала ребенка - своей сестры, как она пояснила, когда Векс предложил ей дать кому-нибудь понести его какое-то время. Ее товарищи-беженцы ехали в фургоне, исключая тех, кто уже был вооружен или забрал оружие у мертвых бандитов. Эти объединили силы с людьми Векса и либо разведывали дорогу впереди, либо прикрывали тыл.

- Наверное, они не входили в тот отряд, что напал на ваш сектор, - прокомментировал Микк, который шагал около них, небрежно держа автомат на сгибе руки. - Скорее всего, просто рыскали по округе в поисках проблем. Такое часто бывает по нынешним дням.

- Они верят, что настали Последние Дни, когда подулье будет очищено от грешных и недостойных.
- Под грешными и недостойными они имеют в виду всех, кто не из Испытателей, - сардонически добавил Микк.
- Твое понимание хитросплетений теологии Священного Похода продолжает поражать меня, - отозвался Векс. Микк весело фыркнул и переместил свое оружие на сгиб другой руки.
- Но ты ведь Испытатель, - наконец-то задала Ниса тот вопрос, который, как представлялось Вексу, она хотела задать уже какое-то время. - Твоя ряса...
- Верно, - ответил Векс. - Или, по крайней мере, был. У меня и моих братьев вышло то, что можно назвать разладом.
- Богословское разногласие, - вставил Микк. Векс бросил взгляд на него.
- Боле или менее. Достаточно сказать, что мы больше не общаемся.
- С теми, кто еще способен говорить, то есть, - жизнерадостно добавил Микк. Его ухмылка увяла при виде выражения лица Векса. - Пойду проверю разведчиков, - пробормотал он и переместился вперед.
- Так почему ты до сих пор носишь рясу? - поинтересовалась Ниса. Казалось, прошло очень много времени, прежде чем Векс ответил.
- Как напоминание.

Поселение располагалось в естественном амфитеатре, образованном высоким, изогнутым скальным фасадом и низиной в земле, которую, возможно, вычерпнула несколько эонов назад какая-то гигантская богоподобная рука. Несколько путей проходили через стихийный городок из палаток и ветхих хижин, сбившихся вокруг кольцевой стены, которая окружала более основательные на вид здания поселка. Саму стену, похоже, соорудили, используя разбитые машины и фургоны, камни, балки из давно заброшенных строений и всевозможный промышленный мусор. Все дороги вели к двойным воротам, которые, возможно, давным-давно были дверями погрузочного ангара космолета.

Ниса остановилась в той точке дороги, где та начинала круто спускаться к поселению, и слушала поднимающийся оттуда шум, сфокусированный и усиленный скальной поверхностью.

- Конец Надежд. - Рядом с ней стоял Микк. Векс уже ушел вперед. Фургон удалялся от них вниз по дороге. Он дожидался, пока к ним доберется арьергард. - Последний рабочий сортир перед Стоком и дом для бездомных, благодаря Пастору Вексу.

Ниса посмотрела на него.

- Это он построил? - спросила она.

- Ну, тут было поселение до его прибытия, но он навел порядок. Построил стену, всякое такое. Сделал его безопасным, чтобы могло расти. При обычных обстоятельствах сюда бы перебралась одна из банд, или могло заявиться с чисткой Испытание, но Векс умный и крутой - и я не шучу про крутизну. В бытность верующим он наверняка был настоящим бедствием. Имел неслабую репутацию, как мне сказали.

По голосу Микка Ниса поняла, что тот высокого мнения о Вексе – более высокого, чем когда-либо признал этот жилистый коротышка с кривым лицом.

- Он организовал ополчение, ходит с нами в патрули вроде этого, но я готов поклясться, что это его репутация отгоняет большую часть неприятностей – или отгоняла до настоящего момента.

- Почему ты так говоришь?

- Что-то изменилось. Ты ведь наверняка это чувствуешь? По округе носится целая куча новых слухов – существа, которые выглядят, как люди, но не являются ими – и я не про зомби. А еще есть Искупление. Даже Векс говорит: то, что они делают теперь, серьезнее всего, что они пробовали раньше. Один из своих планов на Последние Дни они называют Финальным Походом. Векс считает, что именно этим они сейчас и занимаются. Те палатки и хижины снаружи стены – месяц назад их не было. Много народу в пути, как вы. Что-то происходит, и готов поспорить, оно приближается к нам.

Крик сзади на дороге заставил Микка вздрогнуть. В поле зрения появился арьергард. Микк махнул им, а затем повернулся к Нисе. Невеселое, отстраненное выражение, возникшее у него на лице, пока он говорил, пропало и сменилось очередной скособоченной ухмылкой.

- Идем, – произнес он, ведя ее по дороге вниз, к поселению. – Давай-ка тебя устроим.

3

Заводная птица по спирали снижалась в столбе солнечного света. Ее крылья, украшенные драгоценными камнями, сверкали разноцветным огнем. Кружась в полете от высокого сводчатого потолка, она прозвонила гармоничную, но печальную последовательность нот. Предсмертное падение.

Тай Гелиос Кейн следил за спуском птицы и желал оказаться где-нибудь, где угодно, лишь бы не здесь.

Казалось, что нисходящий путь птицы ведет ее в направлении одного из вереницы декоративных фонтанов, тянувшихся вдоль галереи, вода в которых ловила свет, струившийся через высокие арочные окна, и превращала его в тысячу маленьких радуг. Где-то в метре от фонтана птица вдруг сменила направление. Ее внутренний механизм, вновь заведенный движением при падении, снова погнал ее вверх, к сводчатому потолку и стае таких же игрушек, обитавшей на верхних уровнях галереи. Поднимаясь по более плавной траектории, чем во время спуска, она снова издала звон: нарастающую, веселую каденцию.

Кейн предоставил птицу ее полету и выглянул со своего места на возвышении, которое возвели перед алтарем. Перед ним строем стояли охотники, державшие шлемы на сгибе руки и старавшиеся не ерзать и не дергаться от сдерживаемого волнения. Он знал, что у них на уме будет не церемония, проводимая в их честь. Они будут пытаться представить грядущую охоту, силясь вообразить виды и запахи подулья, мира под Стеной, под Шпилем, где они провели всю свою жизнь. Больше никаких тренировочных схваток друг с другом и членами милиции Дома Тай, заучивания основ сражения в созданных за пределами планеты боевых костюмах. Следующая битва, в которой они окажутся, будет настоящей, и успех или иной исход во многом определит их будущее состояние. Удачливый охотник не будет испытывать недостатка сторонников в калейдоскопическом мире меняющихся союзов и мелочного политиканства между благородными семействами Дома Тай и, в более широком смысле, между Правящими Домами Улья Примус.

Кейн одернул себя перед самым зевком – что легко скрыть, будучи просто одним из сотен посетителей, заполнявших основную часть галереи, и непростительно, когда стоишь перед алтарем, представляя свою семью. Он стиснул челюсти и постарался подавить позыв. Как отцу удавалось выдерживать такие вещи? Не будь старик прикован к кровати на фоне обычных слухов об отравлении и попытке убийства, Кейн не стоял бы здесь вместе с прочими аристократами из Дома Тай, еще острее обычного ощущая нежеланное внимание, которое было направлено на него с момента возвращения с последней охоты, освященной в этом месте.

Старик Кэл вполне мог быть нездоров – Кейн практически слышал шепотки, которые гуляли среди собравшихся прихожан, чьи животы наполнились на банкете, предшествовавшем благословению, а языки развязало вино – однако вместо него там должен был стоять Баэль, а не Кейн. Баэль был чистокровным, а не плодом чресел какой-то конкубины^[3].

Не имело значения, что целых четыре пятых из числа присутствующих также являлись продуктом полуофициальных любовных связей в сералах своих семей. Все негласные разговоры о родословных, «годности» и «чести» представляли собой закодированный язык, прикрывавший то единственное слово, произнесение которого могло привести исключительно к официальному вызову и к крови: трусость.

– Да наделит Император, что наблюдает за всеми нами, вас отвагой, удачей и хитростью, – провозгласил священник, стоявший у алтаря, озирая возвышение и галерею за ним. Массивный резной монолит нес на себе изображение Императора-во-Славе, торжествующего после своей победы над Еретиком, Гором. Глянув с платформы, Кейн заметил чернорясую свиту живых представителей Императора, выделявшуюся среди ярко наряженной толпы как пятно неестественного сумрака.

Инквизитор Цинар уже завершил свой визит в Шпиль и дожидался прохода имперского транспорта, который должен был прибыть в сегментум через несколько дней. Он и его аколиты перемещались от Дома к Дому, принимая ритуальные увеселения, полагавшиеся ему, и как будто почти ничем более не занимаясь. Разумеется, мельница слухов выдавала рассказы о тайных встречах, даже о путешествиях за Стену, но не было никаких арестов, никаких показательных судов: никого из благородных семейств не изобличили как гнездо еретиков.

Кейн задался вопросом, достигла ли ушей Цинара его собственная история. Семеро спустились в подулье, согласно обычаю юной знати Дома Тай, однако вернулся лишь он один. Его старший брат – истинный наследник их отца – был среди них. Он утверждает, что видел, как его товарищей убили, что еле спасся живым. Несомненно, подулье опасное место, но...

Кейн мог представить себе Цинара, перемещавшегося в толпе на очередном нескончаемом банкете и рассеянно кивавшего, пока лебезящий аристократ, которому не терпелось показать себя доверенным лицом Инквизиции, заговорщицким шепотом изливал повествование. Возможно, мелкая заметка в отчете инквизитора о посещении, или всего лишь еще одна сплетня на выброс, забытая через несколько мгновений после того, как Цинар двинулся через толпу дальше. Кейн знал, какой из вариантов он бы предпочел.

– Доброй охоты, – пропел священник.

– Доброй охоты, – повторила паства. Кейн с облегчением осознал, что церемония близится к концу. Скоро охотники покинут галерею, проведут последние проверки своих костюмов и начнут спуск.

– Ступайте же и вернитесь со...

Заключительное слово жреца, «славой», свел на нет внезапный резкий звук стрельбы с дальнего конца галереи, за которым последовали сдавленный вопль и грохот, а одну изукрашенную дверь из закаленного стекла сорвало с петель.

Шум вызвал в заполненной галерее мгновенную реакцию: панику. Ближайшие к источнику сумятицы устремились на противоположный край галереи. Те, кто уже стоял ближе к алтарю, поступили таким же образом, пытаясь избежать давки. Со своей наблюдательной позиции на платформе Кейн следил, как приливная волна богато одетых тел катится к нему. Снова раздались выстрелы, снова крики, когда люди падали под ноги другим. В воздухе, над головами бегущей толпы, пролетела фигура в форме, судорожно вертевшая ногами и руками. Кейн, силившийся разглядеть, что происходит на дальнем конце галереи, заметил огромный силуэт с широкими, бронированными плечами, который выбросил вперед громадный кулак, расплывавшийся в движении на поршневом приводе, и впечатал еще одного милиционера в спины перепуганных людей. О нагрудник незваного гостя разбилась ливень автоматных зарядов, выпущенных лихорадочно отступавшим милиционером. Бронированный гигант надвинулся на него, протягивая вторую руку, и скрылся из виду за дальним фонтаном.

Время застыло, а потом побежало вспять, унося с собой Кейна. Стекло и позолота галереи растворились, и их сменил раскуроченный ландшафт подулья. На невозможное, бесконечное мгновение Кейн оказался в том моменте и месте, где в последний раз видел такую фигуру, двигавшуюся с той же самой смертоносной целеустремленностью...

Удар отбросил Кейна к самому краю возвышения, едва не скинув на свободный участок пола у ног охотников, которые спустя секунду, потраченную на обмен недоуменными взглядами, пристегивали свои шлемы и запускали костюмы. Кейн повернулся и увидел, что его бывшие спутники по платформе устроили недостойную свалку за более высокую позицию на алтаре. Священник уже отступил за монолит: Кейн мельком заметил его бледное лицо с широко раскрытыми глазами, таращившееся из-за одного края громады.

У подножия возвышения шеренга милиционеров, выделенных, чтобы образовать почетный караул охотников, с большими усилиями развернулась встретить атаку, но лишь оказалась перед набегающим валом перепуганной знати. В необдуманной попытке остановить волну один из почетного караула выстрелил из своего автомата вверх голов толпы. Волна сломалась, люди стали продираться во всех направлениях, толкая, пиная и царапая окружающих. Раздался ужасный треск, когда один из декоративных фонтанов сдвинуло с места внезапным напором врезавшихся в него тел. Из сломанной трубы ударил столб воды, сбивавший людей с ног и смывавший их обратно под хорошо подбитые каблук толпы.

Сориентировавшись на характерное шипение лазера, попавшего в плоть, Кейн заметил инквизитора и его свиту, закрепившихся у одной из стен в промежутке между двумя пьедесталами, каждый из которых был увенчан бюстом бывшего правителя Дома Тай. Вся чернорясая свита достала из-под складок своих одеяний лазпистолеты и отстреливала всякого члена толпы, кому хватало неблагоразумия искать убежища в их стороне. В ситуациях вроде этой все оружие, кроме церемониального, находилось под запретом – сам Кейн носил отцовскую инкрустированную самоцветами, затупленную и абсолютно бесполезную саблю. Надо полагать, никто не осмелился наложить это ограничение на представителей Императора. С головы одного из свиты свалился капюшон; Кейн мельком увидел рубиновое свечение глазного протеза техноадепта, прежде чем низкий гортанный кашель болтерной установки, за которым последовал хор новых криков, воплей и проклятий, резко вернул его внимание обратно в зону непосредственно перед платформой.

Монстр стоял посреди внезапно расчистившегося пространства, как будто возник из потайного люка в плитах мраморного пола по воле сценического фокусника. В одной громадной металлической лапе он держал обмякшее тело члена фамильной милиции. Кейна опять атаковали воспоминания: нарушитель носил боевой костюм типа «Оррус», так же, как и он сам во время путешествия ниже Стены, равно как и трое из тех охотников, кого должна была почтить эта церемония. Однако этот доспех нес на себе шрамы от бесчисленных битв. Когда-то гладкие поверхности плит брони были обильно покрыты язвами и выбоинами; пластины, прикрывавшие одно плечо, похоже, отогнула куда более тяжелая артиллерия, чем доступная милиционерам в галерее, так что стала видна часть проводки и приводных механизмов костюма. Появившись из толпы сбоку от возвышения, создание как будто помедлило. Его голова качнулась из стороны в сторону, словно что-то выискивая. Оно задрало голову вверх, вперив взгляд в Кейна, к этому моменту оставшегося единственным человеком на платформе. Он отчасти ожидал, что оно издаст рев какого-то дикого зверя, который вот-вот прыгнет.

Двое охотников в «Оррусах» открыли огонь из установленных на перчатках болтеров, поразив нарушителя в середину груди. Незванный гость отшатнулся назад, но сумел удержаться на ногах. Упало несколько незащищенных зрителей и милиционеров, попавших под осколки от спаренного попадания. Хорошая атака. По идее, угроза уже должна была быть устранена – от груди создания остались только дымящиеся руины. Но, невероятное дело, оно стояло, упрямо отказываясь умирать.

Хуже того, оно нанесло ответный удар. Выпустив болты с обоих кулаков, оно снесло обоих нападавших назад, на их товарищей-охотников и хаотично кружившуюся толпу за ними. При иных обстоятельствах это могло бы смотреться комично – несколько ярчайших звезд Дома Тай, облаченные в боевые системы, которые за колоссальную цену собрали иномировые мастера, повалились нескладной кучей сервоприводных рук и ног. Но когда чудовище, на чьем панцире еще дымились и капали на пол приводной жидкостью свежие раны, снова обратило свой взгляд на одинокую фигуру на возвышении, Кейн обнаружил мало поводов для смеха.

Не было смысла пытаться бежать. Повернуться к этой твари спиной означало пригласить болт между лопаток. Чувствуя себя полным идиотом, он обнажил меч. Похоже, даже нарушитель оценил абсурдность того, что Кейн стоит над ним, размахивая антикварным оружием перед оппонентом, который, раненый или нет, обладал достаточной огневой мощностью, чтобы размазать его по алтарному камню и всем тем, кто сейчас укрывался позади него.

Кейн швырнул меч в неизвестного и спрыгнул с платформы, приземлившись рядом с распростертым телом одного из членов почетного караула охотников. Когда он нагнулся, чтобы выдернуть автомат из бесчувственных рук, павший дернулся и застонал. Кейн проигнорировал его и направил оружие на незваного гостя. Выстрел в голову мог бы сработать, но примерно на фут ниже, в точке, где гибкая кольчуга, защищавшая шею, и более твердые пластины, прикрывавшие грудь...

Когда пуля попала в цель, нарушитель качнулся назад на пятках, но выровнялся. На мгновение показалось, словно этот выстрел он тоже не заметит. Потом оба колена подогнулись. Извернувшись в падении, он грохнулся на пол лицом вверх.

Кейн первым оказался возле тела, все еще держа автомат наготове. Его цель вполне могла сойти за статую, упавшую со своего постамент. Кейн наклонился, протянул одну руку и расстегнул замки с обеих сторон шлема, после чего сдернул его.

Светло-серые глаза еще были открыты.

- Брат.

Слова Баэля сопровождалась мельчайшими капельками крови, которая пузырями поднималась из его горла, разорванного единственным выстрелом Кейна.

- Мы все еще там... где ты нас оставил.

Он закашлялся, сиюсь продолжать. Свет в его глазах угасал.

- Ждем тебя.

4

«Мы все еще там... где ты нас оставил».

А что еще он мог сделать? С самого момента его возвращения ходили слухи, невысказанные подозрения, которые повсюду преследовали его, разнясь от трусости до братоубийства. Никак не способствовало их стиханию и ухудшение здоровья его отца: возвращение из подулья в одиночестве поставило Кейна на место очевидного наследника.

Он мог лишь заниматься своими делами, притворяясь, будто не слышит перешептываний и не видит насмешливых улыбок, отмечавших его путь, пока придворные сплетники не устанут от этой истории и не найдут новую, неповрежденную репутацию, которую можно разорвать на куски.

Так было до тех пор, пока Баэль не вернулся в Шпиль - и Кейн убил его.

Перед входом в галерею Болум, личный слуга Кейна, проверил системы и уплотнения костюма своего хозяина. При нормальных обстоятельствах это бы сделал один из прочих охотников, но Кейн ощущал себя в большей безопасности, зная, что человек, проверявший целостность доспеха, не заинтересован в его внезапном и таинственном исчезновении вскоре после выхода в подулье. Покинув свои покои, Кейн в полной броне зашагал по коридорам, флигелям и галереям апартаментов Дома Тай, на ходу гудя сервомоторами доспеха. Он хотел, чтобы все видели, чтобы верили: Тай Гелиос Кейн возвращается в подулье спасти своих пропавших товарищей или умереть при попытке это сделать.

В галерее было тихо, пусто. Все следы вчерашнего разгрома убрали: со стен и пола смыли кровь, поврежденный фонтан отремонтировали. Заводные птицы все так же поднимались и падали, бездумно звеня. Вышагивая по галерее под гулкое эхо поступи своих тяжелых ботинок по мрамору, Кейн устоял перед соблазном сбить одну из них выстрелом из болтеров, установленных на перчатках доспеха.

Всего их было шестеро, не считая священника: Мот, Гизе, Шулар, Тельмак, Маас и Николь. Они щеголяли «Малкадоном», «Йелдом», «Джакарой» и тремя «Оррусами», ему предстояло стать четвертым носителем такой системы. Состав каждой охотничьей команды определялся древней традицией. Тот факт, что Фидор, четвертый «Оррус» отряда, пострадал в ходе короткой перестрелки с Баэлем, был воспринят некоторыми как знамение. Казалось, судьба постановила, что Кейну надлежит сопровождать их за Стену.

Священник приподнял бровь, когда увидел, что Кейн уже успел надеть и закрепить свой шлем, скрыв глаза за радужным отливом фотовизора и вставив на место затычки носового фильтра. На миг Кейн решил, что жрец может велеть ему снять шлем, коль скоро он стоит перед алтарем Императора, однако,

спустя секунду, тот взял себя в руки и приступил к благословлению. Он проскакивал ритуал с практически непочтительной скоростью, подумалось Кейну, еле-еле давал охотникам время произносить предписанные ответы. Тут напрочь отсутствовала чинная помпезность предыдущего дня, не было гостя-инквизитора, которого требовалось впечатлить.

- Именем Императора спрашиваю вас: каков ваш обет?

- Отыскать тех, кто ушел до нас и пропал, - в унисон откликнулись охотники. Эта клятва заменила традиционную: «Искать чести и славы во имя Дома Тай». Она была составлена накануне вечером, священником и собранием глав семьи. Что особенно важно, отца Кейна исключили из обсуждения.

- Возвратиться с ними, - продолжили охотники, или же с вестями об их участии.

Кейн не стал присоединяться к ним в последней части обета. Повысив голос, он произнес поверх их слов:

- Или умереть!

Головы повернулись. Мот, еще один отпрыск гарема Тая Гелиоса Кэла, открыл рот, словно собираясь выбрать сводного брата. Это был поджарый человек худосочного вида, доспех «Малкадон» подчеркивал угловатость его телосложения. Кейн помнил его тихим ребенком, который вырос в коварного мужчину, постоянно искавшего способы снискать расположение отца.

Кейн мгновение смотрел остальным в глаза, а затем повернулся к жрецу.

- Мы благословлены? - спросил он.

- Вы благословлены, - отозвался священник, застигнутый врасплох и торопившийся завершить ритуал.

- Хорошо.

Кейн обошел строй охотников и зашагал к двери сбоку от алтаря. Она вела от золоченого фасада апартаментов Дома Тай в более функциональные служебные зоны, к коридорам и подъемникам, которыми пользовались огромные количества слуг и чернорабочих, чьи семьи могли бы проследить свою родословную так же далеко, как и представители благородных кровей, если бы кто-то проявил достаточно интереса, чтобы задать вопрос. А за этими помещениями находились другие шахты, покинутые, полузабытые, назначение которых было простым: спуск.

Совсем как в прошлый раз...

- Ты притих, брат, - произнес Баэль. - Беспокоишься?

- Нет, - сказал Кейн. Его голос сбивался. Ржавая клеть подъемника дребезжала и тряслась при спуске. Апартаменты Тай уже остались далеко наверху, изъеденные язвами и обесцвеченные звенья лифтовой цепи оставались последней связью с тем миром. А когда клеть достигнет дна шахты, не станет и этого.

- Наверное, просто тошнит от всей этой дерготни, - заметил Айдор, который, как обычно, жаловался. - Подумать бы, чтобы сюда послали кого-нибудь с банкой смазки.

- Кто станет тратить ее на ветхий старый подъемник? - поинтересовалась Вольк. Ее злую усмешку искажал загубник «Малкадона».

- Уж не ты, судя по тому, что я слышал, - рассмеялась Питар. Даже в замкнутом пространстве лифтовой клетки для Кейна оказалось невозможным различить очертания тела Питар, завернутого в крылья «Йелда», чей хамелеоновый покров копировал поднимавшиеся полосы света и мрака, через которые опускался подъемник. Ясно просматривалась только голова, словно парившая в воздухе без поддержки.

Подтрунивание практически не прекращалось с того момента, как они покинули высокую галерею, словно в качестве реакции на торжественность ритуала перед охотой. Милиция Дома расчистила им дорогу по служебным коридорам. Суетливо двигаясь вперед по проходам, где их бронированные тела смотрелись причудливо непропорциональными, они смеялись и шутили, будто были просто группой друзей, направляющихся в театр или на вечеринку. Веселье продолжилось, когда они добрались до шахты лифта, провели финальные проверки костюмов друг друга, а затем втиснулись в слишком маленькую клеть.

При иных обстоятельствах Кейн бы к ним присоединился. Однако на сей раз он обнаружил, что у него мало или вовсе нет слов.

- Ему не терпится поохотиться, - сказала Мила. - Предстоит потеха. Я знаю, каково ему.

- Я знаю, каково мне, - произнес Баэль. - У меня нос зудит. Но как мне его почесать вот этим?

Он поднял руки, закованные в массивные перчатки доспеха «Оррус», и все засмеялись. Даже Кейн наконец-то засмеялся, отчасти сбросив то напряжение, которое охватило его, когда священник произносил последнее напутствие.

- Предстоит потеха. - Мономолекулярный меч Джорджи был закинут на плечо. Драгоценные камни на щите его костюма «Джакара» тускло поблескивали в мерцающем свете, который был слабее, чем раньше, что указывало: они находились уже почти на дне шахты.

Баэль неожиданно хлопнул Кейна по спине, заставив его дернуться. Он понадеялся, что никто не заметил.

- Честь и слава, а, брат?

Кейн посмотрел на него и кивнул, радуясь, что забрало не позволяет Баэлю увидеть неуверенность в его глазах.

- Честь и слава, - тихо ответил он.

Клеть грохнулась на пол шахты, рывком вернув Кейна обратно в настоящее. Он посмотрел на своих спутников на этом задании. Хотя их доспехи выглядели привычно, но лица, у кого они оставались на виду, были лицами незнакомцев. Он долго и пристально глядел на маску «Малкадона» по левую руку от него, напоминая себе, что за прорезиненным загубником и круглыми линзами очков обнаружатся черты Мота, а не Вольк.

- Какая-то проблема, брат? - поинтересовался Мот.

- Нет, Мот. Никакой проблемы. - Кейн обернулся к Николь, которая стояла, прислонившись к сетке-концертине ворот подъемника. - Открой ворота. Продвигайся осторожно.

С некоторым трудом развернувшись в тесном пространстве, Николь сжала бронированную кисть руки на

рукояти ворот и откинула их вбок – слишком резко, поскольку переоценила свою увеличенную костюмом силу. Несколько охотников, включая Мота, вздрогнули от грохота, с которым открылся проход. Звук эхом разнесся по трем замкнутым служебным коридорам, уходившим от лифта.

- Почему бы не рассказать всему улью, что мы идем? – вяло сострил Гизе. Держа крылья сложенными сзади, он вышел из клетки вслед за Николь.

- Тем лучше забава, если добыча знает о нашем приближении. – Маас хлопнула Гизе по плечу, последовав за ним. Именно она в основном говорила по пути вниз. Прочие молчали, украдкой – Кейн был в этом уверен – бросая взгляды в его направлении.

Кейн последним вышел из лифта. Низкий уровень освещенности уже активировал его фотовизор, который заливал пространство бледным зеленоватым свечением. Он увидел, что Маас и Тельмак проделывают короткую серию упражнений, предназначенных для подготовки их тел и костюмов к предстоящей охоте. Остальные глядели в жерла служебных туннелей, вполголоса обсуждая какой выбрать.

Кейн прошел между ними и двинулся в квадратный зев левого прохода. Вровень с потолком металлического туннеля были встроены осветительные панели; все они не работали, кроме одной, где-то в сотне шагов впереди. Кейну не требовался свет или усовершенствованное зрение, которое давал его визор, чтобы знать, что еще в сотне шагов за единственным источником света обнаружится перекресток, еще один служебный проход, пересекающий конец этого туннеля под прямым углом.

- Оставайтесь начеку. – донесся до остальных голос Кейна. – Мы не знаем, кто мог порыскать тут с прошлого раза.

У входа в туннель Гизе повернулся к Моту.

- Возможно, от того, что он с нами, все-таки есть польза, – пробормотал он, а затем шагнул в проход, по которому в прошлый раз пошли Кейн и его спутники.

- Впереди чисто.

Баэль и Питар отсутствовали почти час, разведывая нижние уровни. После выхода из подъемника их продвижение было неравномерным. Один из трех служебных коридоров, представших им на дне лифтовой шахты, вскоре оказался бесполезным. Его металлические стены были скручены и искорежены какой-то непостижимой силой, превратившись в тупик. Второй вывел их на открытую рампу, которая уходила под углом вверх через непроглядную бездну. Баэль медленно прошел по уклону несколько шагов, пока его нога не встретила только пустоту. Еще один тупик.

Третий туннель показал себя более многообещающе и провел их через замкнутый лабиринт коридоров, а затем в паутину открытых переходов, где лишь решетчатые металлоконструкции уберегали охотников от будто бы бесконечного падения.

- По крайней мере, так было бы быстрее, чем пешком, – пошутила Вольк, глядя в дырку за изъеденные ржавчиной перила одного из мостиков. Снизу набегал теплый воздух, из-за чего металл издавал тихий гул. Сверху – издали сверху, подумалось Кейну – доносился глухой повторяющийся стук.

- Какая-то вентиляционная шахта, – предположил Айдор. Словно в ответ на его слова по шахте вдруг

разнесся надрывный скрежет. Охотники застыли, резко вскинув головы, словно ожидали увидеть обрушивающуюся вниз смерть в обличье какого-нибудь огромного куска механического мусора, который благодаря времени и отсутствию присмотра освободился от своих креплений.

Шум стих, снова сменившись размеренным стуком.

- Пора бы нам найти себе другое место, - пробормотал Джорджи, а в это время на дальнем конце мостика появились Баэль с Питар и поманили остальных переходить. Помимо разведки маршрута, они выискивали возможные опасности - как природные, так и рукотворные. Бывали случаи, когда две и более группы охотников неожиданно встречались на ничьей земле, которой стали эти древние шахты и коридоры. Внезапные схватки накоротке между охотниками из соперничающих Домов унесли жизнь не одного юного аристократа еще до того, как тот вообще успел добраться до подулья.

Кейн последовал за другими по оставшемуся переходу в направлении дальней стены шахты, где его дожидался Баэль.

- Скоро, брат, я уверен, - произнес тот. - Мы перестанем шнырять, как паразиты. Тогда сможет начаться настоящая потеха.

Кейн кивнул. Баэль улыбнулся, а затем развернулся и пошел за прочими во вспомогательный туннель. Кейн двинулся было за ним, потом остановился и бросил взгляд назад. Дорога домой.

- Честь и слава, - прошептал он, после чего заторопился догонять остальных.

Будто воплотившаяся в жизнь память о кошмаре, из тьмы стремительно вылетела турбинная лопатка, которую сопровождал дождь менее крупных обломков. Гизе первым заметил ее. Завопив предостережение на фоне заполнившей шахту какофонии шума рвущегося и падающего металла, он бросился через перила, раскрыв свои крылья и взмыв вверх в струе нагретого воздуха.

Потерявшись в своих мрачных воспоминаниях, Кейн уже стоял на пороге служебного туннеля, к которому вел охотников. Услышав крик Гизе, он обернулся и увидел Тельмака, возглавлявшего забег по трапу в его направлении. Сорвавшиеся фрагменты металла и камня отскакивали от мостика, рикошета от доспехов охотников. Сперва Тельмак, затем Маас промчались мимо него в туннель. Мот и Шулар немного отставали. Кейн посмотрел вверх, пытаясь найти Гизе.

Тогда-то он и увидел ее: узкую каплю из закаленной стали, которая провела бесчисленные десятилетия в роли элемента вентиляционной установки, расположенной высоко в шахте, а теперь стрелой неслась вниз.

Пора бы нам найти себе другое место, произнес знакомый голос из воспоминаний Кейна за считанные секунды до того, как свободно падавшая лопатка врезалась в трап.

Сотрясение от удара швырнуло Шулар мимо Кейна, в руки Тельмака и Маас. Мот оступился, восстановил равновесие, когда мостик резко накренился, грозя опрокинуть его обратно в провал, и метнулся в сторону сводного брата. Кейн потянулся вперед, схватил Мота за руки сразу над буграми моноволоконных выбрасывателей доспеха, и втащил его в туннель.

- Николь! - Тельмак перекрикивал звук падения металла. - Где Николь?

Кейн оглянулся на трап, который теперь наклонился вниз под самоубийственным углом. Излохмаченный

конец пьяно раскачивался. Падающая лопатка ударила по мостику, словно клинок палача, разрубив его около середины, снесла секцию и унесла ту вниз по шахте. В последний раз, когда Кейн видел Николь, она пробиралась по трапу к нему. Сейчас же он видел только пустое место.

- Кейн, назад!

Услышав команду, которую выкрикнул Гизе, Кейн резко вскинул голову. Крылатый охотник находился в нескольких метрах над входом в туннель, описывая в воздухе неровную восьмерку и сию же секунду спустившись против потока разогретого воздуха, поднимавшегося вверх по шахте. Не дожидаясь ответа, он скользнул к дальней стене колодца, исполнил крутой разворот, а потом сложил крылья и понесся к зеву туннеля.

Быстро попятившись назад, Кейн закричал, предупреждая остальных. Отступая, он не сводил глаз с квадрата входа и крылатой фигуры, которая разрасталась и заполняла его. При малейшей ошибке в расчетах Гизе бы врезался в стену шахты с одной из сторон. Потерять одного охотника столь рано уже было скверно. Потерять двух...

Издав резкий треск разворачивающегося металла, крылья Гизе загребли по воздуху, стремительно останавливая его полет. Качнувшись и переведя свое тело в вертикальное положение, он ногами вперед ворвался в коридор, звеня и царапая по стенкам снова складывавшимися крыльями. Гизе попытался коснуться пола на бегу, чтобы погасить оставшуюся инерцию, однако та была слишком сильна. Он врезался сперва в одну, потом в другую стену, после чего влетел в Кейна, упершегося ногами посреди туннеля.

Гизе потребовалось немного времени, чтобы осознать, что он остановился. Потом, выругавшись от удивления и облегчения, он высвободился из исполинских объятий Кейна.

- Молодец, что поймал, - произнес он, после чего закашлялся. - Думаю, ты сломал мне всего половину ребер.

- По крайней мере, ты еще дышишь, - пробормотала Маас. Гизе бросил на нее озадаченный взгляд, и она указала в сторону Тельмака, который стоял чуть дальше по проходу, с пустым лицом уставившись в стену. Тот без предупреждения впечатал поршневой кулак в тонкую металлическую обшивку туннеля.

- Где Николь? - спросил Гизе. Кейн покачал головой. Снова выругавшись, Гизе прошел мимо него и направился успокоить Тельмака.

- Николь и Тельмак... они были близки? - уточнил Кейн.

- Хорошая догадка, - сардонически отозвалась Маас.

- Мы должны двигаться дальше. Это не детская игра. Такие вещи случаются. - Кейн зашагал прочь от нее, миновал Гизе и Шулар, все еще утешавших убитого горем Тельмака, и двинулся к Моту, который стоял и ждал их у следующего перекрестка.

- Уж тебе-то, наверное, об этом известно, - прошептала Маас в спину уходящему Кейну. Тот обернулся: должно быть, коммуникатор доспеха уловил ее слова.

- Что? - переспросил он.

- Ничего, - ответила она с каменным лицом. - Давайте отправляться. Мне по-настоящему хочется что-нибудь убить.

Тогда, в первый раз, они вышли из лабиринта будто бы забытых шахт в сектор, который выглядел так, словно был отведен под гидропонное сельское хозяйство. Под ними располагалась череда низких куполов с непрозрачными колпаками цвета яичной скорлупы, освещенных огромными блоками люминесцентных элементов, сконструированных для копирования ровного, рассеянного света солнца, не заслоненного многими милями густых промышленных выбросов. За некоторыми из куполов хорошо ухаживали, длинные ряды питающих баков заполняли плотно посаженные базовые культуры. Гораздо больше было практически заброшено: мертвые осветительные элементы висели над вереницами треснувших и пустых емкостей. Растения, которые должны были расти в этих баках в подвешенном состоянии, ныне безвольно свисали через их борта, побурев листьями и разлагаясь. Кое-где пол был скользким от коричнево-зеленого слоя вонючего овощного перегноя.

Охотники осторожно перемещались от купола к куполу, вжимаясь в тени, более многочисленные в запущенных зонах. Сперва Баэль, потом Кейн пошел впереди, медленно двигаясь между баков и емкостей для хранения удобрений, пригибаясь под вязанками труб толще человеческой груди. Усиленные доспехом чувства были начеку, сердце колотилось, во рту пересохло.

На всех баках, емкостях для хранения и соединительных шлангах стояли отметки Ван Сааров – ничего удивительного, учитывая то, что этот Дом славился своими технологическими достижениями – однако многие были соскоблены, или же покрашены эмблемой Дома Эшер. Столь ценное сооружение, как это, явно стало объектом хорошей сделки или же территориальных претензий.

И – судя по звуку стрельбы, который привлек охотников, словно ночных летунов на пламя – спор был еще далеко не окончен.

Насколько можно было судить, Орлоки откусили больше, чем сумели прожевать, или же они попросту не обладали навыками скрытного проникновения, как у Баэля, Кейна и их товарищей по охоте. В любом случае, теперь они оказались прижаты ожесточенным перекрестным огнем со стороны женщин-Эшеров на служебных мостиках по периметру зоны, выделенной под аппаратуру контроля производства. Половина от изначального числа Орлоков лежала мертвыми в проходах между рядами рычагов, манометров и систем клапанов, которыми при нормальных обстоятельствах управляли бы представители услужливого, интеллектуально дефективного мужского населения Дома Эшер – если бы не тот факт, что их трупы, изрешеченные пулями и болтами, также распростерлись на плиточном полу. Было лишь вопросом времени, когда Эшеры перестреляют незваных гостей, или же когда придут подкрепления, и те насядут на них все разом. Эшеры знали об этом. Орлоки знали об этом.

Охотники тоже об этом знали.

Конечно, у Баэля был план. Охотники разделились, трое направились к подножию одного мостика, трое к другому. Остался только Кейн, который присел среди переплетения труб, отмечавшего конец последнего ряда баков перед производственной зоной.

Хотя он знал, что его сердце стремительно бьется, перед каждым ударом как будто проходило все больше времени. Рот, и так уже пересохший, сейчас казался невероятно обезвоженным: собственный язык представлялся Кейну растрескавшимся и опухшим. Когда он задействовал механизм целеуказания доспеха, в один из глаз затек жгучий пот. Сморгнув его, Кейн поднял правую руку и свел пару перекрестий, паривших перед его усиленным визором взглядом, на изгибе клапанного блока посередине между обоими переходами, за которым укрылись осажденные Орлоки.

Кровопролитие на открытом пространстве перед ним с тем же успехом могло бы быть спектаклем, потешным сражением, срежиссированным для воссоздания эпизода истории Имперiums для развлечения благородной аудитории высоко в Шпиле. Кейн дожидался шепчущих сигналов из коммуникатора, сообщавших ему, что остальные на позиции.

- Мы готовы, - протрещал у него в ухе голос Баэля.

- На старт, Кейн, - быстро последовал голос Милы.

Кейн попытался заговорить, сглотнул, попробовал снова.

- Кейн? - В голосе его брата слышалось беспокойство.

- Честь и слава, - прохрипел Кейн через сухую, сдавленную гортань, а затем привел в действие свой болтер. Несмотря на механизм подавления отдачи, встроенный в оружие на предплечье, он ощутил, как сотрясение от выстрела пробежало по руке и вниз по позвоночнику.

Оставляя за собой туманный шлейф из резервуара с метательным веществом, болт пронесся через перестрелку, словно челнок по ткацкому станку, и врезался в систему клапанов. Удар отогнул трубопроводы, выпустив наружу поток перегретого пара под давлением. Орлок, который прятался позади клапана, вскочил на ноги и отшатнулся от обжигающего гейзера. Благодаря какому-то невероятному везению он избежал травм как от взрыва, так и от последовавших за ним осколков раскаленной докрасна шрапнели. Стрелки-Эшеры на обоих мостиках позаботились о том, чтобы у него осталось мало времени насладиться своим везением. Когда сотни автоматных зарядов обрушились на него со всех сторон, он заплясал сперва в одном направлении, потом в другом, а затем наконец упал на пол, будто кусок полуразжеванного мяса.

Восприняв выстрел Кейна как сигнал им, прочие охотники атаковали. Из-под опор мостика слева от Кейна вырвались искры - Джорджи промчался между ними, полосуя их неостановимым клинком своего мономолекулярного меча. Переход над ним просел, а затем, под звук срезаемых заклепок и корезающегося металла, рухнул вниз. Те Эшеры, кто пережил падение, обнаружили, что на полу их поджидали Айдор и Баэль, широко раскинувшие громадные руки с поршневыми приводами.

Со второго перехода раздались изумленные крики, за которыми быстро последовали вопли ужаса и боли. Шок от вида Питар, по-паучьи перебравшейся через перила мостика в облегающем костюме «Малкадон», должен был выиграть для ее напарника достаточно времени, чтобы выбрать цель. Как представлялось Кейну, для большего выигрыша времени она опутала не одну жертву твердой как железо псевдопаутиной из мундштуков своего доспеха, прежде чем пошла вперед, вытянув лапы.

На фоне шума криков слуховые усилители в шлеме Кейна уловили тихое шипение лазерного разряда, когда Вольк, раскинувшая крылья, спикировала на Эшеров сверху. Любой, достаточно удачливый, чтобы добраться до лестницы мостика, оказался бы перед Милой, которая грохотала подошвами своего «Орруса», поднимаясь на галерею более традиционным маршрутом.

Ошеломленно осознав, что так и не шевельнулся с тех пор, как выпустил первый болт, Кейн вырвался из укрытия. В голове вдруг запел восторг, и он понесся к скоплению консолей, за которыми прятались Орлоки, и откуда уже успело появиться несколько из них, на чьих лицах было почти комичное выражение от неожиданного поворота событий.

Заметив бегущую фигуру Кейна, один из Орлоков повернулся, наводя свой автомат. Кейн выстрелил навскидку. Болт мелькнул мимо Орлока и пробил зияющую дыру в блоке манометров. Орлок даже не

дернулся, даже когда позади него промчался силуэт со щитом, поднятым, чтобы отводить прерывистый град выстрелов, и опускавшимся клинком. Не изменился он в лице и когда его тело распалось надвое, аккуратно рассеченное от плеча до противоположного бедра.

Кейну потребовалась секунда, чтобы осознать, что же произошло, но к тому моменту он уже высаживал болты в направлении Орлоков, которым хватило глупости открыть огонь по Джорджи, устремившемуся ему на помощь. Один из его болтов попал боевику прямо в грудь, превратив того всего лишь во много литров крови и разжиженной кости. Зрелища взрывного растворения своего товарища оказалось достаточно для остальных. Они бросились прочь, исчезая среди баков, предпочитая встретиться с гневом босса своей банды, нежели с верной смертью здесь.

- Кровь Императора! - Лицо Айдора сияло, пока они с Баэлем шагали навстречу Кейну и Джорджи. - Инструкторы никогда не говорили нам ожидать такого! Я никогда не чувствовал себя настолько живым!

- Это обратная связь от твоего костюма, которая подстегивает нейросистему, - сказала ему Мила, которая вместе с Вольк направлялась к ним с другой стороны. Кейн видел по выражению ее лица, что она тоже это ощущает.

- Как будто мне есть дело до того, в чем причина! - рассмеялся Айдор. - Я просто не хочу, чтобы это прекращалось!

- Когда память наших доспехов очистят, запись об этой охоте будет сохранена, - произнесла Питар, легко опустившись на землю и при этом складывая свои крылья. Она подошла ближе и присоединилась к ним. - Каждый инструктор будет использовать ее, чтобы показать каждому охотнику, что значит охотиться для Дома Тай.

- Никто не охотится так, как Дом Тай! - заорал Айдор, сорвался в очередной приступ истерического хохота, а потом впечатал кулак в панель управления, разнеся ее в дожде искр.

- Нам придется за ним приглядывать, - пробормотал Джорджи.

- Он к этому привыкнет, - наставительно сказал Баэль. - Но теперь мы действительно должны выступать. Мы пришли охотиться, а не вести ожесточенные сражения с подкреплениями Эшеров, которые выйдут мстить.

Охотники двинулись дальше, направляясь к гидропонным куполам в стороне, отличной от той, которую выбрали убежавшие Орлоки. Айдор не переставал смеяться до тех пор, пока они не покинули сектор.

«Никто не охотится так, как Дом Тай!»

Смеющееся лицо Айдора, которое никогда не забудется, промелькнуло перед мысленным взором Кейна, когда он сжал кулак в стальной перчатке на нижней челюсти подульевича с огнеметом и надавил. Между пальцев брызнули кровь, зубы и фрагменты костей. Не обращая внимания на свою подергивающуюся жертву, Кейн стряхнул ихор с перчатки. Подульевич пробирался между опорами потолочной транспортировочной системы, которая, похоже, проходила по всей длине заброшенной плавильни, куда он и остальные последовали за охотниками. Вместе с еще двумя падальщиками, вооруженными автоматами, он пытался зайти с фланга к Шулар и Гизе, которых прижали за кольцами громадной цепи, давным-давно упавшей с системы блоков и направляющих, что до сих пор тянулись поперек высокого потолка завода, а ныне наполовину погребенной под серой металлической пылью,

которая покрывала пол. Они стремительно перебежали от опоры к опоре, не зная о том, что и их тоже обходят с фланга.

Кейн не спеша прицелился по первому из них, а затем бросился вперед, пока двое оставшихся застыли от шока, вызванного внезапным и как будто спонтанным взрывом их товарища. Снеся второго автоматчика в сторону взмахом одной руки, раздробившим грудь, он настиг последнего, прежде чем тот успел навести дуло огнемета.

«Никто не охотится так, как Дом Тай?» – мрачно подумалось ему. «В этот раз нам повезет, если мы не закончим жизнь в качестве трофеев, которыми торгуют на каком-нибудь кишашем крысами подпольном рынке».

Должно быть, Тельмак уснул на ходу, или же был слишком занят тяжелыми думами об утрате Николь, чтобы заметить, что за ними по пятам идет еще кто-то. Судя по количеству падальщиков, которые нажились на них вскоре после того, как охотники зашли на плавильный завод в поисках шахты вниз, они наверняка создавали так же много шума, как особенно скверно дисциплинированная армия на марше. Когда они вышли из вспомогательных шахт в эту заброшенную промышленную зону, а не в сектор гидропоники, который ожидал Кейн – хотя он был уверен, что следовал по забытому лабиринту тем же маршрутом, каким шел с Баэлем – Тельмаку был поручен арьергард, чтобы дать ему какой-то иной объект для концентрации, отвлечь от потери.

Баэль бы не совершил такой ошибки.

Кейн отмахнулся от этой мысли, но подозрение осталось: это Баэль должен был вернуться в Шпиль после прошлой охоты, а не он. Однако подобного никогда бы не произошло. Ведь Баэль никогда бы не сбежал.

– Маас на связи. Меня кто-нибудь слышит? – протрещал в ухе Кейна ее голос, за которым последовали подтверждающие возгласы других охотников. Не ответил только Тельмак.

– Тра^[4] с Тельмаком. Нам кажется, мы нашли выход с этого уровня, – продолжила Маас. – Погрузочная рампа, ведет вниз. Идите вдоль транспортера, магнит к западу.

– Проще сказать, чем сделать, – отозвался Гизе. Справа от Кейна раздался звук очередной канонады падальщиков, которые прижали Гизе и Шулар. Сосредоточившись на охотниках, спрятавшихся среди упавших цепей, они явно не заметили, какая участь постигла фланговую команду. Кейн переместился к соседней опоре и выглянул из-за нее.

Падальщики укрылись между разбросанных остовов всевозможных тележек и бункеров, устлавших пол плавильни. Их было слишком много, чтобы пытаться перебить из болтеров. Как только он откроет огонь, они пристреляются по нему, заставят отступить. Потребуется всего один удачный выстрел, и его охота может завершиться здесь.

На него обрушился поток воспоминаний: Баэль, смеющийся Айдор и остальные, которых захлестывает вал галдящих подонков из подулья, не обращающих внимания на огневую мощь охотников и неустойчивых, словно океан.

А он, Тай Кейн, мгновение стоит на открытом пространстве, и в коммуникаторе звенят крики его брата.

Под напором памяти Кейн непроизвольно сделал шаг назад. Почувствовав, что его нога на что-то попала, он повернулся и посмотрел вниз. У него под ногами был падальщик без лица, изуродованную

голову окружал венец ржаво-бурой крови, которая сочилась в серую пыль на полу. Тело лежало навзничь, выгнув спину вверх баллонов огнемёта и подающей системы.

Кейн опустился на колени рядом с трупом, сорвал лямки оружия и откатил мертвеца в сторону. Поднявшись с огнемётом в одной руке, он осознал, что за ним наблюдают.

В нескольких шагах от него стоял падальщик, который бессильно держал в одной руке автомат, а другую плотно прижимал поперек груди, куда его ударил Кейн. Дышал он неровными судорожными глотками, а лицо под слоем пыли, покрывавшей большую его часть, было бледным. Он неотрывно глядел на Кейна, словно не был уверен, что делать дальше.

- Ну? - спросил Кейн, стремясь отвлечь падальщика, пока разворачивал свою свободную руку в положение для стрельбы. Перекрестья системы целеуказания медленно ползли к точке посередине груди сгорбившейся фигуры.

- Шпилевик! - отрывисто прохрипел падальщик. Кейна уже давно так не называли. Это слово являлось одновременно оскорблением и наименованием, которое давали таким, как он: непрошеным визитерам в преисподней под Стеной.

Как бы то ни было, падальщик принял решение. Позволив автомату упасть в пыль, он повернулся и побежал, петляя между металлическими стволами опор транспортера страдальческой, хромающей поступью.

Кейн недолго проследил за его движением, а затем снова развернулся к перестрелке. Практически не сделав паузы, чтобы учесть факторы дистанции и траектории, он швырнул огнемёт по высокой дуге, которая должна была пронести оружие над головами большинства падальщиков, продолжавших осыпать огнем Шулар и Гизе. Когда оно приблизилось к апогею, он прицелился и выстрелил.

Баллоны огнемёта взорвались с мощным глухим ударом, пролив пылающий дождь на ряды падальщиков. Несколько из них вскочило. Их головы и плечи горели, пламя жадно лизало одежду. Кейн наблюдал, как они носятся, будто исступленные марионетки, вопя и тщетно хлопая по огню, сталкиваются с теми из своего числа, кого еще не затронуло пожаром, и распространяют его.

Одну из полыхающих кукол срезало лазером - Гизе явно решил немного отомстить собственноручно.

- Не трать время, - рявкнул Кейн в коммуникатор. - Направляйся к позиции Маас. Мы здесь не за этим.

Он увидел, как Гизе и Шулар появились из-за витков цепи и двинулись прочь, следуя по линии транспортера. Бросив взгляд назад, на тот путь, который выбрал спасавшийся падальщик, Кейн ощутил неожиданный приступ зависти, а затем снова развернулся и тяжеловесно зашагал за остальными.

Они все еще находились слишком высоко, даже здесь, посреди словно бескрайней тьмы подулья. Требовалось идти дальше. Идти вниз.

6

Сломанная колонна, к которой он привалился, была на удивление удобной. Не такой удобной, как его обычное место в «Ведре грога», но... Но именно там началась эта дурацкая затея! По темному, прокуренному питейному заведению гуляли сплетни, как водится, но одна тема всплывала снова и

снова. Археотех. Новая золотая жила.

Он закашлялся и сплюнул, скривившись от ощущения, прострелившего грудь: что-то там было не закреплено. Оно скребло еще обо что-то всякий раз, когда он вдыхал слишком сильно. Чудо, что ему удалось выбраться из старой фабрики, не вырубившись от боли. Судя по тем воплям, которые грянули вскоре после того, как он сбежал от шпилевика, следовало считать себя удачливым, коль скоро он вообще мог хоть что-нибудь чувствовать. До тех пор, пока он не добрался до широких дверей, ведущих в заброшенный двор завода, он ожидал, что каждый шаг станет последним – первым, что он увидел, когда очнулся с забитыми пылью носом и ртом, был труп Френка. Он опознал того по куртке – окровавленные остатки лица могли бы принадлежать кому угодно. К счастью для него, у шпилевика на уме, должно быть, имелись другие дела.

- Будь я проклят, если я не самый везучий парень в улье, пробормотал он, после чего пожалел об этом, поскольку сломанные детали внутри него потерялись друг о друга.

Знай он, что они выслеживают, никогда бы не пошел за остальными на завод. Ему доводилось слышать рассказы, будто это души, проклятые самим Императором и прячущиеся от его гнева в недрах подулья – ну, или просто богатые детишки из роскоши Шпиля, ищущие острых ощущений. Так или иначе, это были плохие новости.

Внутри прокатилась волна тошноты, от которой свело кишки, а в глазах поплыло и затуманилось.

- О да, – пробормотал он сквозь сжатые зубы. – Реально везучий.

- Слышал я эти клятые истории, – сказал Клайд, сидя за столом напротив Френка и Клемма. – И знаешь, что я думаю? Я думаю, кое-кто проповедей Искупителей переслушал.

- Не надо ж быть Искупителем, чтоб в богохульство-то верить, – защищаясь, отозвался Клемм.

- Кабы твоя мать в него верила, она бы разок глянула на твое лицо, да задушила тебя при рождении! – рассмеялся Френк, после чего отхлебнул из своей кружки. На середине глотка он остановился и с подозрением всмотрелся в содержимое.

- Я, мож, и не самый красивый парниша, – согласился Клемм, и любому, кто заметил бы его нелепо перекошенные черты под пятнистой, неровной линией роста волос, было бы тяжело не сойтись с ним во мнениях, – но я ж и не совсем дурак. Тут внизу шарятся штуки, каких никто прежде не видал.

- Тут что-то шарится, и впрямь. – Френк перевернул свою кружку. Жук размером с большой палец упал на столешницу вместе с остатками эля и поспешно удрал прочь, прежде чем представилась возможность прихлопнуть его кружкой.

- Знаю, я уже спрашивал, – продолжил Френк, – но какого лысого я пью в этом месте?

Френк не чувствовал себя комфортно здесь, так глубоко в подулье. По слухам, у его семьи имелись связи с гильдейцами. У него были манеры человека, которому хватило времени и денег, чтобы обзавестись подобными вещами. Он преуспевал, как поговаривали, пока как-то не спутался с женой торговца. Или дочкой. Френк был симпатичным парнем, так что могло быть и то, и другое. Однажды он попросту появился в баре – должно быть, Клайд был одним из первых, с кем он заговорил. С тех пор он занимался тем же самым, что и все прочие тут: сводил концы с концами.

- Эти твари не обычные мутяры или зомби, – упрямо гнул Клемм свой рассказ. – Я ж слышал, они тебя

не убивают. Они с тобой-то всякое творят. Делают тебя вот таким вот, как один из них. – Его и без того приглушенный голос стал на ступень тише. – Они душу твою забирают.

– Я слышал другие рассказы про этих так называемых чудовищ, – произнес Френк, игнорируя сердитый взгляд Клемма. – Слышал, они точно такие же, как ты и я, вот только они кое-что нашли: археотех, все еще рабочий, и они используют его для защиты своей территории, чтобы могли раскопать еще. Я знаю человека, который собирает небольшую охотничью команду. Говорит, у него есть гильдеец, готовый хорошо заплатить за образец.

При упоминании археотеха Клемм встал и удалился. Хотя он и не был особо сообразителен, его верность и храбрость не подвергались сомнению – он бы без раздумий вышел драться на арене с самим Быком Горгом – однако Клемм проводил границу на любых делах с археотехом. Для его незамысловатого ума это отдавало нечестивостью. Клайд проследил, как он уходит, а потом снова развернулся к Френку.

– Ты ведь не в Два Туннеля заходил, с Джерико не говорил, верно? – спросил Клайд. – А то ж ему верить-то нельзя. Всегда вот у него план есть, но когда отбросы налетают на стены, он постоянно выход находит. Я уйму народа знаю, кого он в беде оставил.

– Это не Джерико, – ответил Френк, – хотя, по слухам, он может собирать свою охотничью команду, и он не единственный. Клемм, Искупители и все остальные суеверные недоумки в подулье могут орать «богохульство», сколько хотят. А я хочу денег заработать.

– Отряд Бевана встречается у старых очистных через час. Он говорит, что раздобудет кое-какое тяжелое снаряжение у знакомого дельца, но приносить все железо, которое есть. – Френк поднялся на ноги. – Интересно?

Клайд секунду посмотрел на него снизу вверх, а потом, толком не зная, зачем, пожал плечами и сказал:

– Почему бы и нет?

Почему бы и нет? Потому что если да, то останешься без оружия и один, с грудью, заполненной колотым керамитом.

Мир снова вплыл в фокус как раз вовремя, чтобы Клайд увидел в ярком цвете сгусток слизи с красными прожилками, только что отхаркнутый им в грязь... между парой потертых ботинок, которых, как он точно знал, минуту назад там не было.

Ему потребовалось колоссальное усилие, чтобы приподнять голову, упавшую на грудь. Грудь казалась натянутой туго, как барабан. Он задался вопросом, не истекает ли кровью внутри, помимо простого ощущения, что весь переломан. На его глазах такое произошло с Торусом, еще одним старинным собутыльником из «Ведро грога». Там случилась драка – из-за игры в кости? – но Торус вышел из нее без единой царапины. А потом, немного погодя, просто помер. Апотекарий вскрыл его и обнаружил, что легкие были заполнены кровью. Повреждения нанес маленький кусочек ребра; должно быть, оно треснуло в бою...

Чтобы вернуть свой разум обратно к настоящему, понадобилось почти столько же сил, как на подъем головы. Все ускользало. Земля перед ним, та земля, на которой стоял владелец потертых ботинок, могла выглядеть весьма твердой, но и она тоже ускользала, он это чувствовал.

Владельцем ботинок была женщина, из падалюг, судя по виду. Кожа на ее бледном плоском лице была рябой; казалось, будто кто-то поднес свечу слишком близко к одной из ее щек – кожа там опала

неровными складками. Она держала голову под странным, скособоченным углом, глядя на него.

Клайд попытался заговорить, закашлялся, снова сплюнул в грязь покрасневшую мокроту, попробовал еще раз:

- У... у меня нечего красть, но... но если сможешь мне вернуться в «Ведро грога»... Я тебе могу показать, как туда добраться... Я при деньгах... хозяин их держит за стойкой для меня.

Женщина продолжала пристально смотреть на него сверху вниз. Клайд заметил, как безвольно обвисала ее нижняя губа с одной стороны рта. Она какая-то идиотка? Если так, он точно тут умрет.

- Зовут... зовут Клайдом, - предпринял он попытку, чувствуя себя одновременно отчаявшимся и глупым.
- А тебя?

Женщина внезапным, практически механическим рывком открыла рот. Поток пронзительных щелчков и писков, донесшийся откуда-то изнутри нее, не был похож ни на что из того, что Клайду доводилось слышать раньше. Машина? Почти. Насекомое? Почти. Но не человек. Определенно не человек.

Когда женщина наклонилась к нему, Клайду захотелось подняться на ноги и бежать, как он убежал от шпилевика, однако его ноги отказывались шевелиться. Женщина протянула руку, ладонью вперед. За несколько мгновений до того, как та накрыла его лицо, он был уверен, что видел какое-то движение под кожей с коркой грязи.

Ее рука прижалась к его рту, а потом он почувствовал это - оно надавило на губы, протиснулось между них, разжало стиснутые зубы, прошло по языку.

Что-то острое укололо Клайда в небо, и он обнаружил, что в последние секунды своей жизни снова может двигать ногами. Он лихорадочно забрыкался в грязи, вцепился в нее руками, но было уже поздно.

Его последняя, абсурдная мысль была о том, что не так ему представлялось ощущение, когда умираешь, когда тебя убивают. Это походило скорее... скорее на опустошение.

Женщина отняла свою руку от рта трупа - щель у нее на ладони закрылась сама собой - и встала. В ее жилах пела только что полученная информация: образы одинокой жизни, проведенной среди сотен тысяч прочих жизней, но при этом такой же обособленной, как и они. Она слышала голоса, обрывки музыки, мимолетные воспоминания о телесных удовольствиях. И о конфликтах тоже: споры, драки, схватки между бандами. Ее внимание приковало одно такое воспоминание, один голос:

- Ну?

Детали лица и фигуры скрывал тяжелый боевой костюм, хотя тип доспеха и был ей знаком. Но вот голос. Она узнала этот голос.

Запрокинув голову назад, она издала поток звука. Достигнув высоты за пределами человеческого слуха, тот заставил паразитов всех сортов искать убежище, а диких псов - завывать в страдальческом, испуганном протесте. Летучие насекомые из-за него бешено закружились в воздухе по спирали, внезапно утратив способность ориентироваться.

Поступил ответный сигнал такого же вида, который проинформировал ее, что послание получено и уже передается дальше. Рот женщины захлопнулся, и она на миг ощутила то, что когда-то назвала бы предвкушением.

Он вернулся. Тай Гелиос Кейн.

Блудный сын.

7

- Мы же здесь как раз за этим, верно - охотиться?

Мот поднял кусок паутины «Малкадона», чтобы они смогли восхититься тремя человеческими ушами, нанизанными на него. По поджатым губам Кейна ему стало ясно, что тот не впечатлен.

- Не в этот раз, - с напором произнес Кейн сквозь сжатые зубы. - Знаешь, сколько времени мы потратили впустую, дожидаясь тебя? Лучше бы тебе помнить свою клятву.

- Я ее помню! - прошипел в ответ Мот. По интонации его голоса и языку тела Кейн понимал, что био-накачка от доспеха оказывала дестабилизирующий эффект на его нервную систему. - Возможно, мы бы не вели этот разговор, помни ты свою. «Честь и слава» - ты действительно с этим вернулся в Дом Тай, брат?

- Думаешь, мог бы справиться лучше? - прорычал Кейн, сокращая расстояние до него. Мот отступил на шаг назад, уже наполовину перейдя в боевую стойку, но Маас поспешно встала между ними.

- Мы все помним свою клятву, - сказала она. - У нас есть шанс не просто заслужить честь и славу. Если мы останемся сосредоточены, будем работать вместе, то можем привести домой наших потерянных охотников, подумайте об этом!

Пристально глядя в прикрытые визором глаза Кейна, она продолжила:

- Баэль сказал, что они все еще живы. Ты можешь отвести нас к ним - или хотя бы туда, откуда мы сумели бы начать наш поиск.

Она обернулась, вперив свой ровный взгляд теперь уже в Мота.

- И будут другие охоты, Мот, где ты сможешь облечь себя еще большей славой.

Кейн вспомнил, что отец Маас был уважаемым дипломатом, постоянно участвовавшим в переговорах между Домом Тай и прочими Правящими Домами, Торговыми Гильдиями или же другими организациями из-за пределов планеты. Она явно унаследовала некоторые из отцовских умений.

- То, чего я хочу, у всех на последнем месте в списке, - недовольно пробормотал Мот. Маас приподняла бровь. - Другие охоты, - согласился он, после чего умолк.

- Верно, - мягко произнесла она, а затем продолжила более энергично: - Нам следует выдвигаться. Мы же не хотим, чтобы нас застал врасплох еще кто-нибудь из местных.

К этому моменту плавильный завод находился уже несколькими уровнями выше их. Погрузочная рампа, которую нашли Маас и Тельмак, вела вниз, в многослойный складской комплекс. Некоторые из ячеек были гулкими и пустыми, другие же забиты контейнерами, выброшенными деталями для громадных машин. Один уровень был избран на роль гнезда семейством крыс размером с ребенка и стал сценой скоротечного, кровавого ближнего боя и быстрого отхода охотников, пока крысы накинута на своих

раненых братьев.

Теперь они стояли среди руин того, что когда-то было фабрикой по переработке отходов, чьи трубы и баки успели зарости аляповатыми разновидностями гигантских грибов, явно находивших токсичные жидкости, которые теперь протекали через комплекс шлюзов без обработки, крайне питательными. Хотя Кейн и не признался в этом остальным, но он испытал облегчение, когда вышел на этот галлюцинозный ландшафт из широких пятнистых колпаков и луковицеобразных оранжево-синих дождевиков. Впервые с того момента, как он провел их по вспомогательным шахтам, у него была уверенность, что они следуют его прошлым маршрутом – не спуска с Баэлем, Питар и прочими, а обратного пути в Шпиль. Он уже проходил здесь, нервозно проверяя, устойчивы ли фильтры костюма к дымке спор, висевших в густом неподвижном воздухе.

- Может, ты хочешь вести? – спросила Маас у Кейна. – Как-никак, ты наш следопыт.

Кейн кивнул и двинулся первым по дощатому настилу, который, как он помнил, вел к узкому мосту через широкий подземный канал, где текла нездорово выглядящая жижа, чей прогорклый органический запах был достаточно силен, чтобы пробиться сквозь фильтрующие затычки.

Охотники шли по этому пути колонной по одному. В арьергарде Гизе постучал Мота по плечу.

- Хорошее убийство? – поинтересовался он. Мот лишь кивнул, явно продолжая вынашивать обиду. Сколько Гизе его знал, он всегда был сердитым, злопамятным человеком, который чувствительно воспринимал свое положение третьего сына Тая Гелиоса Кэла, быстро оскорблялся на любое воображаемое неуважение к его статусу и всегда был готов распространять вредоносные слухи за спинами врагов. Как-то раз он спьяну хвастался Гизе, что договорился с агентами Дома Ран Ло об «исчезновении» дочери другого семейства Тай, которая отвергла его ухаживания, но тогда Гизе списал это на нетрезвую выдумку. Подобное было бы равносильно измене Дому.

Гизе указал на уши, которые сейчас свисали на нити с одного плеча костюма Мота.

- Почему только три? – спросил он.

- У них всего столько было, – отозвался Мот, пожав плечами, от чего уши заплясали на струне.

- Думаешь, Кейн действительно знает, куда ведет нас? – произнес Гизе. Было в голосе Кейна что-то – неопределенность, неуверенность – всякий раз, когда его звали для выбора маршрута.

- На самом деле это не имеет значения, – сказал Мот, после чего ускорил шаг. Гизе задумался о его словах, не зная точно, что они означали.

- Полагаю, ты прав. Через сотню лет, или около того, ничто из этого не будет иметь значения. Ты это имел в виду, верно?

Мот оглянулся на Гизе через плечо. Лицо было скрыто под маской, поэтому Гизе не мог распознать выражения, но в интонации – ровной, безучастной – присутствовало нечто, беспокоившее его.

- Да, – произнес Мот. – Именно это я и имел в виду.

В тот первый раз охота следовала за охотой по мере того, как Кейн, Баэль и остальные двигались вниз по словно бесконечным уровням подулья. Время от времени их забава перемежалась периодами, когда

отряд отдыхал в центре сложной сети растяжек и полуавтономных датчиков движения. Пока механизмы самовосстановления их костюмов занимались всеми мелкими повреждениями, полученными в процессе охоты, или же устраняли нарушения, возникшие во внутренних системах доспехов, охотники дрейфовали в наркогенных грезах, чем-то средним между сном и трансом.

Кейн воспринимал это состояние как чувство глубокого покоя, ощущение закутанности в кокон мягкого белого света. Из белизны без спроса сгущались образы, и он вновь наслаждался переживаниями охоты:

Крики изумления и тревоги торговцев-падалюг, когда те обнаружили - раздетыми, спутанными паутиной «Малкадона» и выставленными на перекрестке в одном из лабиринтов дорог между поселениями - сопровождающих, которые ранее охраняли тыл их каравана фургонов.

Были и другие крики, из ветхого зала собраний, где одного из братьев-Искупителей, назначенных стеречь дверь, опустили вниз - опять же при помощи паутиных мундштуков Вольк - через импровизированный световой люк, пробитый Кейном в крыше. Экстатические возгласы и истеричный плач, вызванные проповедью священника, не шли ни в какое сравнение с воплями, которыми взорвалась паства, когда, бросившись к выходу, чтобы спастись от нечестивого видения «парящего» брата, они обнаружили, что двери заперты на засов снаружи.

Свита жреца успела достаточно оправиться и обратить свое оружие в направлении крыши, хотя их первый залп успешно справился лишь с отправкой беспомощного болтавшегося брата к Императору. Кейн и Вольк, буйно хохоча, уже спрыгнули с крыши, дабы избежать дальнейшего обстрела. Прежде чем последовать за ними, Айдор задержался на достаточное время, чтобы соскочить через дыру туда, где охранял дверь второй из братьев. К тому моменту, как оставшиеся при помощи выстрелов проложили себе дорогу сквозь заднюю стену зала, охотники успели раствориться в тенях на извилистых, забитых мусором улочках поселения.

Завывая, будто неупокоенные духи, они преследовали мутантов по пепельно-серому окаменелому лесу, где деревья были настолько хрупкими от времени и отравленными той землей, в которой росли, что один удар кулака «Орруса» превращал их в порошок. Молча стояли в тенях за пределами света бивачного костра, слушая песни, распеваемые группой бездомных бродячих падалюг, чтобы отгонять страхи, и каждый выбирал себе цель.

Они охотились. Они убивали. И они упивались осознанием того, что властвуют над жизнью и смертью всех, кто, вольно или невольно, попадался им на пути.

- Отец говорил мне, что для этого мы и охотимся, - сказал ему Баэль, когда ловушки были расставлены, и охотники готовились перейти в текущий цикл отдыха. Они облюбовали узкий проход посреди замусоренной местности. Громадные, покатые дюны из отходов тянулись на лигу во всех направлениях. На краю холмистого района охотники видели жителей улья, которые рылись в высоченных грудях отбросов, жаря Хельмавр-знает-что на маленьких костерках при входе в пещеры, прорытые в склонах дюн.

Расходясь веером в поисках подходящего места отдыха, они как будто углубились во внутреннее пространство чужого мира. Забравшись на дюну, Кейн с изумлением обнаружил перед своими глазами сточный пруд, на берегу которого сидел жутко уродливый ребенок, рыбачивший при помощи палки и куска проволоки. Дитя посмотрело вверх, но не издало ни звука, увидев его. Долгое мгновение они разглядывали друг друга: сын одной из благородных семей правящего Дома Улья Примус и едва похожий на человека побочный продукт тысячелетий работы и роста улья. Ребенок отвел глаза, явно

утратив интерес к странной фигуре, стоявшей над ним. Подумав, что тот, скорее всего, повидал много более странных вещей, чем он, Кейн двинулся прочь.

Пока он брел вверх по склону следующей дюны, неожиданно раздавшееся чириканье, похожее на птичье, заставило его остановиться и осмотреть пространство над собой. От вершук самых высоких дюн до пола следующего уровня все еще было несколько сотен метров. Он почти что ожидал увидеть одну из заводных птиц из Большой Галереи апартаментов Дома Тай, по спирали спускающуюся к нему. Однако не увидел ничего и возобновил подъем.

- Отец говорил, что Дома отправляют юных аристократов под Стену на охоту, чтобы те начали понимать власть, которую будут иметь над нижестоящими, - сказал ему Баэль. - Ведь когда они поймут эту власть, то поймут, что значит править.

Слова брата были последним, что услышал Кейн, прежде чем подкожные впрыскиватели, встроенные во внутренний покров его костюма, беззвучно подали снотворное. Спрессованные слои мусора под ногами как будто растеклись, и он остался висеть, а мир поблек и превратился в мягкое белое ничто.

Когда с его глаз сорвало молочную пелену - стимулятор, вколотый автономными дозаторами костюма, вымывал наркотик из организма - датчики движения визжали. Затем быстро застучали несколько сторожевых установок, за которыми последовал низкий глухой удар: кто-то выстрелил из болтера. Был и еще один шум, который Кейн недавно слышал. Чириканье, усилившееся в сотню, а может и в тысячу раз.

- Откуда они взялись, Ллуд их побери?

Выкрикнутый Баэлем вопрос затерялся в очереди из спаренных болтеров, которую он выпустил, как оказалось, в вал обитателей подулья - падалюг, мутантов, крысокожих, более-менее людей - надвигавшихся на них по проходу. Болты Джорджи уже пробивали в приближавшемся потоке дыры, быстро заполнявшиеся по мере того, как орда продолжала свое наступление.

Вопль Айдора, за которым снова последовала стрельба из болтеров, заставил Кейна обернуться и поднять взгляд на один из крутых откосов прохода. Они были и там, скользили, съезжали, а перед ними вниз по склону катились куски сдвинутого мусора. Болты Айдора давали такой же результат, как и у Баэля. Сколько бы атакующих не превращалось в кровавые клочья, все новые выступали вперед и занимали их место.

«Атакующие» едва ли являлось точным описанием, осознал Кейн. Похоже, те были безоружны. Они размеренным прогулочным шагом двигались в зубы оружия охотников. Кейну показалось, что они не сбивались с темпа, несмотря на обстрел высокоскоростными снарядами из сторожевых установок. Те, чьи лица не были обмякшими и лишенными выражения, как будто улыбались, даже лишаясь конечностей под огнем лазера Питар, или когда болтерные заряды размазывали им грудь в кашу.

А еще, улыбаясь или нет, они пели - то птичье чириканье, перемежавшееся странными пронзительными щелчками и писком.

- Мы не можем просто стоять тут и давать им идти на нас! - грянул в коммуникаторе Кейна голос Баэля.

- Питар, набери высоту, выясни, сколько их.

- Иду! - Питар развернула свои крылья... и погубила их всех.

Тембр их чириканья изменился, стал еще выше, быстрее, интенсивнее. Коммуникатор Кейна завизжал, как за компанию. Словно приняв раскрытие крыльев Питар за какой-то сигнал, они устремились вперед, вытягивая руки, спотыкаясь друг о друга от нетерпения добраться до охотников. Прежде невыразительные лица оживились, будто от какого-то экзотического безумия. Кейн со внезапной, ужасной ясностью понял, что у охотников нет ни единого шанса их остановить.

Питар уже почти успела подняться в воздух, когда цепкие руки схватили ее за ноги. Покрытое струпами существо запрыгнуло на спины своих товарищей и обхватило ее руками за талию, увеличив вес толпы, тянувшей ее обратно к земле. Из-под горы тел, сомкнувшейся над Питар, зашипели лазеры, поджаривавшие плоть, но этого было мало.

Трое крысокожих бросились на Кейна. Инстинктивно среагировав, он размазал их огнем болтера, но лишь увидел, как вместо них перед ним оказались более похожие на людей подульевичи. Они тянули руки, словно торопясь поприветствовать давно потерянного друга, а их лица светились от не поддающейся названию радости.

Кейн раздавил череп, раздробил грудь, потом развернулся и сшиб в сторону мутанта, который, похоже, намеревался вскарабкаться ему на плечи. В проходе звучала какофония выстрелов. В коммуникаторе ухали и завывали помехи, из которых возникали крики и проклятия Баэля, Милы и остальных. Не было времени проверять их статус и местоположение. Не было времени думать, только действовать в ответ – молотить, давить, отстреливать заряд за зарядом.

Он не помнил, как пробился вверх по склону прохода или сколько времени провел в одиночестве. Просто обнаружил, что стоит там, глядя на бурлящую массу тел, заполнявшую проход. У Кейна было такое ощущение, словно он перевернул камень и смотрит на гнездо разъяренных насекомых.

- Кейн! - раздался у него в ухе голос Баэля. Канал связи на миг расчистился от помех. Кейн обвел взглядом проход, пытаясь отыскать брата.

И вдруг увидел его, в центре открытого пространства, возникшего посреди чирикающего потока. Визор был сорван. От обоих опустевших, перегревшихся болтеров лениво поднимались спирали дыма. Баэль медленно поворачивался, озирая толпу и неспешно, угрожающе покачивая массивными руками, словно великан из детской сказки, праздно выбирающий себе следующую жертву.

Должно быть, он заметил фигуру, одиноко стоящую на склоне. Его голова дернулась вверх.

- Кейн! - снова заорал он.

Кейн уже почти пришел в движение, почти кинулся вниз по склону, обратно в пасть толпы, чтобы прорубить путь для спасения брата, однако за миг перед тем, как сделать шаг, он увидел, что в его направлении оборачиваются и другие головы. На их лицах застыла гримаса экстаза, исступленные глаза остановились на нем. По краям толпы фигуры стали разворачиваться, двигаться к склону.

- Кейн! - в последний раз услышал он голос своего брата, а потом из коммуникатора вырвался невыносимый визг помех, который как будто пронзал череп. Вырвав устройство из уха, Кейн отвернулся.

Отвернулся и побежал.

- Кейн!

За криком Мота последовал трескучий звук автоматного огня, такой громкий, что мог порвать барабанную перепонку. Судя по тому, как Шулар, бежавшая перед ним вверх по наклонной тропе между горами шлака, хлопнула себя ладонью по уху, Кейн предположил, что Мот вел передачу по общему каналу - и забыл завершить соединение.

- Мот! - заорал в свой коммуникатор Гизе, находившийся в нескольких метрах впереди и выше Кейна, Шулар, Маас и Тельмака, обходя заброшенное транспортное депо. Остовы тяжелых тяговых машин были разбросаны по двору, словно останки давно умерших чудовищ. Штабеля контейнеров, которые с тех пор, как их там оставили, успели срастись воедино из-за ржавчины, походили на древние монолиты. Покрытые узорами мха и лишайников, они стояли, будто могильные камни на кладбище титанов.

Между штабелей перемещались силуэты, которые пригибались, уклонялись, расходились, чтобы окружить одинокую фигуру, облаченную в костюм иномировой конструкции. Тени, отбрасываемые штабелями, озарились дульными вспышками. Фигура присела, застыла, а затем двинулась дальше.

- Мот! Хельмавра ради, закрой канал связи! - прокричал Гизе. В ушах звенело от шума пуль, рикошетивших от металла. - Я тебя засек. Остальные на подходе. Они придут к воротам слева от тебя, на дальнем конце депо. Иди туда, я тебя прикрою!

Приступая к пикированию, Гизе бросил взгляд на высокую колонию - изначально огромный комплекс жилья рабочих, а ныне, как ему представлялось, дом для всевозможных отбросов Дна Улья - стоявшую немного поодаль. Он увидел группы фигур, которые направлялись к депо, привлеченные звуком стрельбы и рассчитывающие на свежую добычу.

- В нашу сторону движется пополнение, - сообщил он в свой коммуникатор. - И я побьюсь об заклад, что они не единственные. Нам правда не хочется еще оставаться тут, когда они доберутся!

Гизе наклонил свои крылья, подал энергию на лазерные трубки, установленные на предплечьях его костюма, и начал пикировать.

Шулар промчалась между пьяно раскачивавшихся воротных столбов - и была вынуждена отпрыгнуть вбок, подныривая и перекатываясь, чтобы избежать выстрелов, которые врезались в землю вокруг нее. Из-за штабеля контейнеров появился отряд, выцеливавший ее из своего оружия. Бандиты, которые, судя по их мощной мускулатуре и разноцветным гребням волос, были связаны с Домом Голиаф.

- Ха! Гля, как тощий пошел! - взревел один из них.

- Это женщина! - заорал другой. - Оставьте целой, я первым ее хочу!

Их крики и хохот превратились в вопли изумления и боли, когда через ворота ворвались Кейн, Маас и Тельмак, болтеры которых плевались смертью. Трое боевиков упали с зияющими дырами в груди, прежде чем их оставшиеся товарищи собрались и обратили свой огонь против новоприбывших.

Схватив труп бандита за ремни, крест-накрест пересекавшие грудь, Кейн оторвал мертвеца от земли, используя его в качестве щита, чтобы поглотить импульс стабберного снаряда, который выпустил в его сторону другой боевик, а потом швырнул уже дважды выпотрошенное тело в лицо нападавшему. К тому времени, как Голиаф со стаббером спихнул с себя мертвого товарища и начал подниматься на ноги,

Кейн уже стоял над ним, занеся кулак.

Тельмак дал очередь по боевику, который направил в его сторону мелту. Два болта прошли мимо цели, пробив дыры в штабеле неподалеку. Монолит зазвенел от ударов, на миг покачнулся, но не упал. Последний заряд попал в оружие, а не в человека, который его держал, однако эффект оказался таким же: Голиафа испарила внезапно выпущенная на волю мощь полностью заряженной пушки. Остаточный образ почти комичного выражения удивления на лице бандита еще мгновение висел у Тельмака перед глазами.

Шулар, снова поднявшейся на ноги, практически сразу же пришлось присесть, чтобы избежать бешеного взмаха цепного меча боевика. Когда стучащее оружие пролетело, она встала за ним, при этом скидывая собственный мономолекулярный клинок.

Рассеченный надвое бандит завалился назад. За ним стоял еще один, вооруженный лазпистолетом. Увидев кровь, которая фонтаном била из обеих половин его мертвого товарища, он не сразу открыл огонь. Эта пауза его погубила.

Лазерный луч как будто исчез, когда ударил в кулачный щит Шулар. Драгоценные камни, которыми была утыкана его кромка, сверкнули – а потом луч возник снова, двигаясь в ту сторону, откуда пришел. У боевика не осталось времени осознать, что произошло, прежде чем его безголовый труп упал наземь.

С дальнего конца депо раздалась быстрая череда взрывов, за которой последовал скрежет и шум чего-то рвущегося, и штабель контейнеров опрокинулся. Опять послышались крики – боевые кличи – и звук пальбы: болтеры, автоматы, глухой выстрел тяжелого стаббера.

- Похоже, прибыло то пополнение, о котором упоминал Гизе, – произнесла Маас. В каждом ее кулаке висело по обмякшему Голиафу.

- Должно быть, это отребье пришло с другой стороны, – добавил Тельмак, пнув труп, от которого после попадания множества болтерных зарядов осталось немногим больше, чем дымящийся торс. – Присутствие Мота здесь привлекло уйму внимания не тех людей.

- Я хочу знать, что этот идиот вообще тут делал, – сказала Шулар.

- Скорее всего, гонялся за трофеями, – отозвалась Маас. – А я ему говорила: будут и другие охоты.

- Нет, если не мы не окажемся где-нибудь в другом месте, да поскорее. – Кейн открыл канал связи. – Мот, мы ждали достаточно долго. Мы уходим. С тобой или без тебя.

- Не нужно кричать, брат. Я здесь. – Ответ Мота донесся из сумрака между двумя соседними штабелями.

- Нам следует выдвигаться. Гизе отвлек их на достаточное время, чтобы я ускользнул, но в конце концов они неизбежно пойдут в эту сторону.

- Нас бы тут не было, не улизни ты создавать проблемы местным, – заметила Шулар.

- Их было всего двое, – объяснил Мот, защищаясь. – Пара шелудивых старателей. Я шел следом досюда, рассчитывая разобраться с ними, а потом забрать какие-нибудь мизерные сокровища, которые они могли складировать где-нибудь здесь. Откуда мне было знать, что их окажется больше?

- От этой чуши нам никакой пользы, – заявил Кейн. Снова разорвались гранатометные заряды, ближе, чем раньше. Кейн опять открыл канал связи.

- Гизе. Мот с нами. Возвращайся сюда. Мы уходим, пока эти любители гранат с низовых уровней не обрушили это место нам на головы.

- Пригнись! - прозвучал ответ Гизе. Кейн резко вскинул голову, оглядывая воздух.

- Вон там! - закричала Маас, указывая в направлении крылатого охотника, который вылетел между двумя штабелями повыше. Плавные очертания одного крыла испортило близкое попадание лазерного заряда, однако в остальном его доспех «Йелд» выглядел неповрежденным. Гизе стрелой понесся к ожидавшим охотникам.

- Не ждите меня, - посоветовал он через коммуникатор. - Идите...

Первые выстрелы из автомата пробиты металл крыла Гизе практически прежде, чем кто-либо успел уловить дробное рывканье оружия. Присоединился еще один, пули пробороздили воздух, а затем врезались в тело Гизе, прочертив линию ран от попаданий от бедра до плеча. Теперь крылатый охотник уже падал, кувыркаясь в воздухе, а земля неслась ему навстречу.

- Гизе! - закричала Шулар. Не ответив, Гизе ударился оземь, резко отскочил, а затем остался лежать без движения. Между штабелей появилась орда подульевиков - все хорошо вооруженные, все жаждущие крови.

- Их столько не было, когда я в последний раз смотрел! - выдохнул Мот. Кейн бросил на сводного брата непонимающий взгляд, не в силах решить, был ли Мот слишком глуп, чтобы осознать фатальную цепочку событий, которую привел в действие, или же просто-напросто безумен.

- Гизе! - повторила Шулар, сделав шаг в направлении неподвижного охотника. Маас положила руку ей на плечо, удерживая, и когда Шулар обернулась к ней, покачала головой. Посмотрев назад, та увидела, что орущая толпа уже почти добралась до тела Гизе. Несколько лидеров вырвалось вперед, жадно стремясь сорвать с его костюма все трофеи, какие получится.

- Кровь Хельмавра, Мот! - завопил Тельмак. - Ты убил нас всех!

Низкий, скрежещущий рокот последовал за словами Тельмака так быстро, что было похоже, будто в ответ заговорил сам улей. Земля под ногами охотников шевельнулась, словно осела, а потом поднялась, напомнив Кейну ощущение пребывания на борту летучей машины, когда она отрывается от посадочной площадки.

Снова раздался рокот. По депо разнесся звук, с которым контейнеры разрывали свои ржавые объятия и опрокидывались наземь. Кейн посмотрел себе под ноги, ожидая увидеть, что пол идет волнами, как поверхность одного из декоративных прудов Большой Галереи. Вместо этого он увидел, что там появился узор из трещин. Они расходились, становясь шире.

- Ультрясение! - закричал он. - Пора уходить!

Схватив Мота обеими руками, он развернул его, после чего вытолкнул через ворота депо, стойки которых, и без того выглядевшие неустойчивыми, уже полностью завалились. Мот едва не споткнулся об один из упавших столбов, оступился, восстановил равновесие, метнул взгляд на Кейна, и затем продолжил двигаться по дороге.

- Тельмак, присматривай за Мотом. направился за Мотом через проход. Кейн окликнул Маас и Шулар, поманив их следовать за ним. Позади них он увидел, что землю неподалеку от тела Гизе рассекла

широкая расщелина. Толпа подульевиков отпрянула от нее так, словно они были единым существом. Их встревоженные крики перешли в вопли страха, когда ближайший штабель контейнеров опрокинулся. Его составные части разжали свою вековую хватку и закувыркались в середину орды. Кейн получил немного удовлетворения от знания, что убийцы Гизе, возможно, лежали раздавленными под одним из тяжелых металлических ящиков.

- Давай! - заорала Маас, ударив его по плечу, когда они с Шулар пронеслись мимо него и через ворота. - Нет времени начинать восхищаться видом!

- Пусть он твой сводный брат, - произнесла Шулар, когда она и Кейн тяжеловесно двинулись по дороге следом за Маас, - но когда я до него доберусь, он пожалеет, что не остался попытать удачу с ульетрясением.

- Тебе придется встать в очередь, - мрачно отозвался Кейн.

Они вернулись тем же путем к вспомогательной шахте, где раньше ждали Мота, пока наконец не отправились на поиски отбившегося охотника. Ульетрясение закончилось так же внезапно, как и началось, оставив после себя жутковатую тишину. Тельмак предположил, что гранатометные залпы подульевиков подействовали на какую-то слабинку в окружающей структуре, но никто не удосужился вступить в геологический спор. Сперва Николь, теперь Гизе. В задумчивом молчании они один за другим забрались в шахту, а потом понемногу стали осторожно продвигаться по сети наклонных туннелей, куда она вывела, высматривая крыс, миллиазавров или прочих подобных чудовищ, которые, как было известно, таились в подобных местах. Мот то ли от некоего чувства стыда, то ли попросту из самосохранения решил держать рот на замке.

Всякий раз, натыкаясь на очередной зияющий вход в шахту, они пользовались возможностью спуститься и в конце концов оказались в широком коридоре, в котором тек поток вязких испражнений глубиной по голень. Не смутившись этим, они прошли по нему, направляясь в ту сторону, откуда слышался низкий мощный рев падающей воды - возможно, какая-нибудь плотина, или дренажный колодец. Шум суеты доносился и спереди, и сзади, но не становился громче. Какая бы жизнь ни существовала здесь, она явно предпочла оставаться на безопасном расстоянии.

Поток падал через край вертикальной шахты, вызывая головокружение. Сток, рассчитанный на огромные объемы канализационных отходов, был слишком широким, чтобы его можно было пересечь и добраться до туннеля на противоположной стороне, и в нем отсутствовали лестницы или опоры для рук, которые позволили бы охотникам слезть вниз. Вернувшись немного назад по собственным следам, они нашли ржавую металлическую лесенку, и у них не осталось особого выбора, кроме как подниматься по ней.

Взбираясь наверх, Кейн беззвучно вознес молитву о том, чтобы, когда они выйдут из шахты, там оказалась местность, которая будет ему знакома по обратному пути в Шпиль.

Когда он оглядел дюны из пепла, круто поднимавшиеся от двери насосной станции, куда их вывела служебная шахта, ему показалось, что это ответ на его молитву. Пепельный ландшафт шел волнами, как песок на кромке океана. Волны постепенно становились крупнее, превращаясь в дюны, которые разрастались по мере удаления к горизонту. Кейн вспомнил, как тащился по тропам между этими дюнами будто целую вечность, временами поднимаясь на вершину одного из холмов повыше в пустой надежде получить какой-то ориентир, какую-то подсказку, что движется в правильном направлении. В

конце концов он решил идти вверх по общему уклону дюнной местности.

Смотря на дюны от самого дверного проема насосной станции, которая одиноко стояла посреди пейзажа, будто причудливый монумент забытой цивилизации, Кейн ощутил практически ликование. Ему пришлось несколько мгновений покопаться в себе, прежде чем он сумел распознать это чувство: надежда.

- Мы не одни.

Похоже, Маас не радовало передавать эту информацию с тыла их колонны из пяти человек, которые на достаточном удалении друг от друга двигались по тропе между двумя гребнями пепельных дюн. Кейн на ходу развернулся вполоборота, посмотрел назад вдоль их линии, ничего не увидел.

А потом он поднял взгляд вверх.

На длинной плоской дюне, которая окаймляла один край дороги, стояли три фигуры в балахонах и капюшонах. Позади них располагалась шеренга бандитов - Дом Делака, судя по длинным пыльникам и облегающим очкам.

- О нет, - голос Тельмака, шагавшего в середине колонны за Шулар и перед Мотом, звучал еще менее радостно, чем у Маас. Он глядел на дюну с другой стороны от дороги. Кейн посмотрел туда - и вся надежда обратилась в пепел под стать высившимся вокруг него холмам.

На этой второй дюне стояла еще пара фигур, закутанных в плащи и окруженная примерно таким же числом боевиков, как и первая тройка, которую видел Кейн.

Словно повинуясь какому-то неслышимому сигналу, фигуры в плащах откинули капюшоны. Под теми они носили шлемы и очки знакомого вида.

Не просто бандиты.

- Шпилевики!

Кейн неосознанно использовал термин подулья для охотников вроде него. Ему на ум невольно пришел раненый падальщик, которого он в последний раз видел бегущим между опор транспортера в плавильне, много уровней и как будто в десять раз больше лет назад. Это вот так чувствовал себя тот человек в долгий миг, пока глядел на Кейна, несколькими секундами ранее оторвавшего его другу лицо?

- Охотники Дома Тай, - окликнул их один из новоприбывших. Судя по шлему с визором и громоздким очертаниям плаща, он носил костюм «Оррус». - Согласно Правилам Боя сообщаю вам, что я Мордекай Гир из Дома Уланти. Сообщаю вам, что мы могли напасть на вас в канализации, однако это было бы неподобающе.

Во время речи Гира Мот медленно смещался по дороге, пока не оказался возле Тельмака.

- Что это? - прошептал Тельмак, все еще не отводя глаз от Гира. - Они собираются отвести нас обратно в Шпиль? Вернуть Дому Тай за выкуп?

Мот медленно покачал головой, ничего не говоря.

- Также сообщаю вам, что это не охота. Это убийство, заказанное и оплаченное, - продолжал литься с

вершины дюны голос Гира.

- Помнишь, в том депо, перед самым сотрясением, ты мне сказал, что я вас всех убил? - спросил Мот Тельмака. Тельмак опустил взгляд на него, не понимая.

- А еще сообщаю вам, - закончил Гир, - что вас предали.

- Ну, - продолжил Мот, улыбаясь под своей маской. - Ты был прав!

Тельмак почувствовал, как что-то длинное и твердое ударило его в грудь, в ту точку, где сходились две толстых пластины брони его доспеха. Он автоматически отступил на шаг, а потом посмотрел вниз. Виден был только кулак Мота, словно тот просто стукнул его в грудь, однако Тельмак знал, что все иначе. Когти, приделанные к боевому костюму Мота, сейчас глубоко погрузились в его тело.

- Почему? - спросил он, уже ощущая слабую отрешенность от творящегося вокруг. Он осознал, что вдруг стало очень сложно дышать.

- Почему нет? - отозвался Мот, а затем косым полосующим движением вытащил когти, при этом еще сильнее раскрывая рану, сдирая плоть и материал костюма. Одна из нагрудных пластин отвалилась от доспеха. Тельмак сделал еще один шаг назад, после чего тяжело рухнул на колени.

Шулар подбежала к Тельмаку, упала на колени и поддержала его. Тельмак поднял на нее отяжелевшие глаза. Медленно нахмурился, словно был озадачен.

- Николь? - спросил он, а потом умер. Его голова качнулась на грудь, и изо рта внезапным потоком хлынула кровь.

К тому моменту, как Шулар добралась до Тельмака, Мот уже одолел половину пути вверх по склону дюны, перемещаясь длинными, усиленными костюмом шагами и направляясь к другим охотникам с их поддержкой из бандитов. Несколько Делаков открыло огонь. Мот прыгнул в сторону, чтобы избежать внезапного ливня пуль.

- Не «Малкадона»! - рявкнул приказ Гир. - Других!

Боевики послушно перенесли прицел. Вокруг Маас и Шулар взметнулся пепел. Маас немедленно открыла ответный огонь, отбросив нескольких бандитов назад, через кромку дюны и за пределы видимости. Она развернулась, рассчитывая уничтожить кого-то из нападавших, которые сейчас спускались по склону противоположного холма. Из-за скользящего пепла их движение было неустойчивым. Никто - ни бандиты, ни охотники - не желал рисковать и стрелять, пока они наполовину шагали, наполовину съезжали в направлении дороги. Маас привела в действие оба болтера.

Ничего. На переднем дисплее ее окуляра замигали два красных огонька.

- Кейн! - закричала она, посмотрев мимо того места, где за трупом Тельмака полулежала Шулар, чей меч был бесполезен против атак издали, а энергопоглощающие свойства зеркального щита обнуляло то обстоятельство, что боевики - несомненно, по указанию своих командиров из Уланти - поголовно пользовались пулевым оружием. До Маас дошло, что еще боевикам велели просто прижимать их к земле, чтобы дать охотникам возможность подойти для убийства вблизи.

- Кейн! У меня кончились боеприпасы! - позвала Маас. - Прикрой меня!

Кейн и не помнил, как отступил на столько шагов по тропе, не отрывая своего взгляда от Маас, Шулар и

мертвого Тельмака. Голосок где-то в затылке говорил ему, что Маас носила дополнительный боезапас в подсумках, встроенных в набедренную броню ее доспеха. Ей требовалось лишь время, чтобы дотянуться до них и перезарядиться.

Его глаза метнулись из стороны в сторону, впитывая происходящее на каждом из холмов. Охотники и часть их свиты спускались по обоим склонам, остальные вели подавляющий огонь с вершин. Он увидел Мота, который стоял с боевиками на одной из дюн.

- На сей раз это я стану единственным охотником, кто вернулся с охоты. - Кейн дернулся от голоса Мота в коммуникаторе. - Я буду готов занять место нашего отца, когда старик, наконец, сдастся. Это почти сработало с тобой. Почему бы и не со мной? Как видишь, я уже развил чрезвычайно плодотворные взаимоотношения между семейством Гелиос и определенными членами Дома Уланты.

- Мот, ты безродный кусок сточной грязи! - слова Маас впились Кейну в ухо. - Кейн! Ты нам нужен!

Но Кейн уже отвернулся, уже топал по дороге, преследуемый автоматным огнем с вершущек дюн. Как и прежде, словно во сне, он на бегу вырвал из уха коммуникатор.

Тропа впереди разделялась, огибая высокий, крутобокий холм. Кейн проигнорировал оба пути и погнал себя вверх по склону, едва не упав, когда одна нога по колено погрузилась в подвижный пепел. Выровнявшись, он двинулся дальше.

Выстрелы бороздили пепел повсюду вокруг него, отскакивали от брони на спине. Что-то обожгло щеку, пустив кровь. Но он продолжал бежать, достиг вершины дюны вдруг обнаружил перед глазами неожиданно длинный, отвесный обрыв. Нога опять ушла в пепел, и он потерял равновесие. Без толку крутя руками, он повалился вперед, кувыркаясь и не имея возможности контролировать свой спуск.

9

Кейн сидел на корточках под сливным выпуском и старался не думать. Из трубы у него над головой kloкотала мерзко пахнущая жидкость, с жизнерадостным плеском падавшая в открытый колодец где-то в метре от его ног. Он заполз в это пространство под трубой некоторое время назад. Насколько именно давно, он не был уверен. Уверенность означала бы необходимость думать. Необходимость вспоминать. Предстоит забава, а?

Кейн вздрогнул и резко повернул голову, ожидая - нет, боясь - увидеть Баэля, который вот-вот побратски хлопнет его по плечу. А вспомнив Баэля, не смог не подумать о прочих из его охотничьего отряда. Джорджи, который на его глазах нарезал ликующих, чирикающих нападавших на куски необычного размера, пока его не задавили тотальным численным превосходством. Питар, увлекаемую на землю столь многими цепкими руками. Он не помнил, чтобы видел, как встретили свою участь Мила, Вольк и Айдор, но догадка не требовала особой фантазии. Он вполне хорошо помнил, как атакующие, казалось, заполнили собой проход между мусорными дюнами, будто приливная волна, которая из ниоткуда пронеслась по лощине и смыла охотников с глаз долой.

Он помнил, как вал словно расступился, явив его брата. Помнил Баэля, который выкрикивал его имя, глядя на него.

Помнил, как увидел, что нападавшие тоже разворачиваются и смотрят в его сторону.

Но в первую очередь он помнил бегство – поначалу без мыслей о направлении. Потом, позднее, он думал только об одном: о Шпиле. Требовалось добраться в верхнюю часть улья, снова подняться выше Стены и уйти от кошмаров, рыскавших по нижним уровням.

Судя по состоянию его доспеха, это было непросто сделать. Передний дисплей визора представлял собой калейдоскоп из предупреждающих индикаторов, которые все либо горели, либо обвинительно мигали. Следовало остановиться, позволить механизмам самовосстановления костюма хотя бы начать возвращать доспех к чему-то около оптимальной эффективности. Но чтобы сделать это, ему бы пришлось перестать бежать.

Он помнил, как карабкался вверх по желобу, не уступавшему в поперечнике самой широкой улице Шпиля и забитому еще большим количеством отходов, пока не добрался до галереи, вдоль которой были расставлены огромные компакторы, предположительно предназначенные для переработки мусора с верхних уровней. Большинство из них безмолвствовало, несколько до сих пор работало, собирая, перемалывая и прессуя, как они делали с того самого момента, когда их запустили в работу – сотни, а может и тысячи лет назад.

По нему стала стрелять группа падалюг, стоявших лагерем среди компакторов. Попытавшись открыть ответный огонь, чтобы прикрыть свой отход, он обнаружил, что ударный механизм одного из болтеров заклинило, а в другом пуст магазин. Он не припоминал, чтобы высаживал столько болтов в лица чирикающих нападавших, однако налицо был индикатор, светившийся красным на краю визора. Схватив контейнер на колесах, стоявший рядом с одним из компакторов, он швырнул его куда-то в сторону падалюг и убрался прочь. Его бегство очертя голову вновь приобрело торопливость из-за выстрелов, которые стучали по машинерии вокруг него.

Кейн сменил свою позицию под трубой и скорее ощутил, чем услышал, как заскрежетало одно из коленных сочленений костюма. Возможно, шальная пуля падалюги повредила гидравлику. Голень доспеха пятнала желто-зеленая жидкость, хотя разобраться было сложно, учитывая скользкую бурую кашу, в которой он сидел, и которая теперь покрывала большую часть нижней половины тела.

Если оставить без ремонта, сустав наверняка заклинит, и ему останется ковылять по подулью, словно раненое животное, легкая добыча для хищников – людей и прочих – таившихся здесь внизу. Однако, чтобы запустить ремонт, пришлось бы активировать восстановительный режим костюма и отдаться наркотическому сну. Принимая во внимание нынешнее состояние доспеха, как мог он быть уверен, что тот назначит верную дозу успокоительного? Возможно, он так и не проснется, умрет от голода, пока костюм починит себя, а затем будет неподвижно лежать в грязи. Спустя годы его могут найти, вскрыв доспех, словно погребальный саркофаг забытой расы, и его иссохший труп распадется в прах при первом же дуновении воздуха.

В равной мере уstraшенный как очевидной безнадежностью своего положения, так и теми гротескными путями, по которым бежало его воображение, он выбрался из-под трубы, с плеском пересек открытый колодец и как будто впервые за несколько дней встал в полный рост. При этом стало ясно, что внимания требует не только коленный сустав. Правое плечо громко щелкнуло, а потом, на один ужасный миг, полностью застыло. Резкое нисходящее движение расцепило сочленение, приводы снова работали плавно. Но надолго ли?

Кейн впервые позволил себе обдумать то, что при нормальных условиях было бы немислимо: возможно, ему придется бросить костюм.

С тем же успехом он мог выйти на арену голым.

Подавляя поднявшуюся панику, которая грозила задушить решимость и погнать его обратно по трубе, он заставил себя прикинуть варианты. Был всего один: раздобыть какое-то другое оружие, пусть и менее изощренное, чем иномировые чудеса его боевого доспеха.

- Прямо сейчас меня бы устроил и старинный стаб-пистолет, знай я, что он будет работать.

Звук собственного голоса удивил его: он не намеревался говорить вслух. Забеспокоившись, что его могли услышать, он посмотрел в обе стороны по каналу, в котором проходил трубопровод. По правую руку труба исчезала под чем-то, похожим на полуразрушенное скопление зданий. За время, проведенное в подулье, он усвоил: каким бы старым, каким бы ветхим ни выглядело строение, как бы давно ни позабылось его исходное назначение, но если оно дает укрытие, то будет обитаемым. Падалюги, мутанты - неважно, что за отбросы, едва похожие на людей, могли там жить. У них было оружие - и Кейну вдруг очень захотелось с ними повстречаться.

Здания, как он выяснил, представляли собой всего лишь пустые оболочки. Изначально имея высоту в несколько этажей, они были как будто скошены, словно секирой какого-то темного божества. Стены наклонились наружу, или же могли вот-вот обрушиться на горы мусора, которые уже устлали внутреннее пространство. Любой, кому хватило бы глупости искать здесь приют, скорее всего пробудился бы от дремы, обнаружив, что на него падает стена.

Стало быть, не убежище. Однако строения явно кого-то заинтересовали.

Их было десять, может пятнадцать - больше, чем Кейн предпочел бы встретить при нынешнем состоянии костюма. Основная масса походила на падалюг, но двое, раздетые до пояса, были обезображены серьезнее. Кейн с удивлением увидел, что они работают сообща, вытаскивая строительные материалы из руин, тянувшихся по дальней стороне того, что когда-то могло быть улицей - напротив осыпающегося остова, в котором он засел, поджидая их. Мутанты являлись наименее привечаемой частью населения подулья, и прочие виды ульевиков проявляли к ним неприкрытое отвращение, если не прямую агрессию.

Один из членов рабочей бригады отличался от остальных. Высокий, более мускулистый, он, похоже, руководил действиями. Пока Кейн наблюдал, этот человек указал на балку, торчавшую из кучи бетонных плит, а затем присоединился к остальным собравшимся вокруг, стараясь ее высвободить.

Трое ульевиков не участвовали в операции по сбору трофеев. Они стояли, баюкая в руках автоматы и просматривая улицу в обе стороны. Раз это те, кто с оружием, решил Кейн, значит они - его цель.

Мутант и падалюга по-крабьи ковыляли к одному из фургонов на тракторной тяге, стоявших неподалеку от развалин, где они трудились. Они тащили увесистую на вид плиту из шероховатого рокрита. Когда они приблизились к фургону, падалюга оступился и едва не уронил свой край плиты. Ближайший к ним охранник обернулся. Увидев ситуацию, он прислонил свое оружие к колесу фургона и двинулся на помощь. Втроем они стали разворачивать плиту к наклонному настилу, который вел на платформу фургона.

Кейн воспользовался шансом. Прорвавшись через неровную дыру, когда-то бывшую дверью того здания, где он прятался, он прицелился в одного из двух охранников, еще державших оружие, и выстрелил.

Болт попал в угол соседнего здания, пробив в обваливающемся сооружении большую дыру. Кейн беззвучно проклял сбоящие системы своего доспеха, но продолжил бежать. Он решил. Обратного пути

не было.

Рабочая бригада отреагировала на его появление и разрыв болта с неожиданной расторопностью. Побросав все инструменты, которыми они пользовались, чтобы высвободить из-под камней плиты и балки, люди бросились к фуругону и тракторам. Возможно, они и искали укрытие, но двигались спокойнее, чем рассчитывал Кейн. Не было никаких тревожных криков, никакого ощущения паники.

Огонь автомата пробороzdил грязь перед Кейном, заставив его затормозить и остановиться. Он вильнул вбок, но лишь для того, чтобы отскочить назад, когда еще одна очередь взметнула крошечные пыльные вихри у его ступней. Снова сменив направление, он развернулся на одной ноге.

Не той ногой.

Поврежденный коленный сустав щелкнул – такой знакомый звук – и заблокировался. Кейн завершил разворот, раскинув руки, будто какая-то нелепая детская игрушка, а затем распростерся в грязи лицом вниз. Лежа там, пока от его дыхания в лицо поднимались маленькие облачка пыли, а последние остатки сил утекали, он услышал это: хрип изуродованных глоток, чрезвычайно глумливый лай, или просто такие смачные раскаты, которые обычно ассоциируются с чертовски славной ночной попойкой. Смех.

Они смеялись над ним.

Уязвленный этим звуком, он поднял лицо из грязи и обнаружил, что смотрит на высокого человека, которого уже заметил ранее – видимо, лидера рабочей бригады. Тот расслабленно держал в одной руке болт-пистолет, но оружие не было направлено на Кейна. Он смотрел на охотника сверху вниз, не смеясь, однако широкая улыбка на его лице показывала, что абсурдность ситуации от него не укрылась.

Кейн с размаху вскинул из-под своего тела еще работавший болтер, нацелив его прямо в это улыбающееся лицо.

– Ты мог бы убить меня, – без тени страха произнес мужчина. У него был глубокий голос: такой голос, который Кейн легко мог представить обращающимся к толпе и удерживающим ее внимание. Голос политика, может быть, или жреца. – Но какой толк тебе с того будет?

Он жестом предложил Кейну взглянуть мимо него, в направлении фуругонов и тракторов, вокруг и между которых выстроилась остальная рабочая бригада, поголовно вооруженная. Это были не типичные подульевичи, неорганизованные и озабоченные лишь собственным выживанием. Этим натренировали.

– Норм, пастор? – окликнул невысокий, коренастый экземпляр. Кейн отметил, что с его лицом, похоже, что-то было не так.

– Я в порядке, Микк, – отозвался мужчина, не сводя глаз с Кейна. Несмотря на все его успокаивающие заверения, будто Кейн имеет преимущество в их противостоянии, в глазах этого человека было нечто, заставившее Кейна заподозрить, что правдой вполне может оказаться противоположное. – Наш друг тут просто взвешивает расклады.

– Пастор? – переспросил Кейн, не зная точно, поступил ли он так, чтобы выиграть время, или же из искреннего интереса. Не поэтому ли он бросил Баэля – чтобы отложить собственную смерть на несколько часов?

– Это обращение – пережиток, – последовал ответ. К удивлению Кейна, мужчина выглядел практически смущенным. Затем он протянул вниз свободную руку, предлагая Кейну помощь, чтобы подняться на

ноги. – Мое имя Монад. А фамилия Векс.

– Пастор?

Векс закрыл книгу и обернулся к двери. Он читал слова Архизелота о Последних Днях и Финальном Походе, которым их встретит Искупление. Все последователи Искупления поднимутся, возьмут оружие и, под руководством своих священников, сметут грехи улья огнем и кровью. Векс помнил, как в молодости по ночам лежал без сна на голом деревянном поддоне в спальне для послушников Сокрушения Греха, одной из старейших твердынь Искупления в подулье, и молился о том, чтобы дожить до этого, принять участие.

А теперь, похоже, молитвы получили ответ – хотя и не в том виде, который ожидала бы его более юная версия.

По какой-то причине, пока он читал, его мысли вернулись также и к Кейну, охотнику из Шпиля, ненадолго прошедшему через их жизни еще в ту пору. С момента, когда он покинул Конец Надежд, миновало уже больше года, за которые у Векса было более чем достаточно поводов для раздумий. Поселение выросло до трудноуправляемых размеров, поскольку обитатели подулья бросали свои дома, сталкиваясь с нарастающей паранойей, с суеверным ужасом, взращиваемым Искущением, а также, разумеется, со старым-добрым праведным насилием. Так много людей обращалось к пастору за наставлением, за защитой, которую, как ему было известно, он не смог бы им предоставить.

Так с чего бы ему думать об одном более привилегированном искателе приключений, который, когда Векс его встретил, никак не мог осознать, что он не так непобедим, как его приучила верить жизнь в лоне Шпиля?

– Микк вернулся.

В дверном проеме стояла Ниса. Со времени своего прибытия в Конец Надежд она каким-то образом успела стать частью неофициальной свиты Векса. Векс был уверен, что к этому причастен Микк: он проявил к девушке почти отеческий интерес после того, как они спасли ее оборванную группу беженцев от внимания бродячей банды боевиков Кавдора. К тому моменту количество подобных отрядов кровожадных фанатиков, рыскавших по подулью, уже тревожно возросло. Вскоре после этого их численность удвоилась.

«И праведные поднимутся и поразят неверующих. Их души сгорят на кострах Искущения, и Человечество будет очищено, ибо такова наша судьба!»

Ему снова вспомнились последние слова, которые он прочел перед тем, как закрыл книгу. Когда-то он бы рассматривал их как Святое Писание. Сейчас же они звучали как оправдание резни в промышленных масштабах.

– Спасибо, Ниса, – ответил Векс. – Он в казармах?

Дом, в котором ополчение отдыхало во время несения службы, прежде был школой. Теперь в Конце Надежд находилось слишком много детей, чтобы они смогли поместиться в здании, поэтому занятия перенесли туда, где, судя по размерам и планировке, раньше располагалась церковь. Всякий раз при мысли об этом Векс позволял себе на мгновение оценить иронию.

- Нет, - произнесла Ниса. - Он в лазарете.

- Их было слишком много, чтобы пересчитать. Шли по пепельным дюнам. Не помещались на дорогах.

Микк сидел на краю койки. Вокруг раны на голове была намотана грязная полоса ткани, и ему велели отдохнуть несколько часов - чему, конечно же, не суждено было произойти.

- Мы не попадались на глаза, следили, как они идут мимо. Это заняло много времени. Там были все породы: священник, само собой...

- Само собой, - повторил Векс. Когда он вошел в длинное здание с низким потолком, всё притихло. Разговоры остановились на середине, все головы повернулись в его сторону. На каждом лице читался один и тот же вопрос: кого он пришел благословить? Кто умирает?

- Пастор. - Микк сбился со своего рассказа. - Я не хотел...

- Знаю. - Векс сочувственно улыбнулся Микку и взмахом руки велел ему продолжать. - Мы все совершаем ошибки по молодости. - Он подергал за свою выцветшую, изодранную рясу. - Это была моя. Давай дальше.

- Ага, ну все равно извини, - Микк закашлялся, а затем возобновил рассказ. - Как я и сказал, там был священник, дьяконы, братья, больше фанатиков, чем мне когда-либо хотелось увидеть в одном месте, а еще армия бандитов. Кавдорцы, шли первыми, охраняли фланги. Похоже было, что они идут на войну.

- Так и есть, - тихо, почти про себя, добавил Векс.

- Потом были обычные ульевики: поселенцы, торговцы, я видел даже горстку в гильдейских цветах.

Микк сделал паузу, неосознанно подняв руку к ране на голове.

- Мы направлялись обратно, старались держаться не на виду. Должно быть, действовали недостаточно осторожно, - продолжил он. - Кавдорцы застали нас врасплох. Мы пытались обойти их с фланга. А это они нас обошли. Почти забавно.

Он снова помедлил, уставился в пол. Когда он снова заговорил, голос звучал немногим громче шепота.

- Потерял троих - Комо, Люди и Дьеко - прежде чем нам удалось их стряхнуть. Потерял много времени. С тем темпом, в котором двигалась эта толпа, они...

- Пастор.

Векс обернулся. Рядом дожидалась Ниса.

- Вы кое-что должны увидеть. За стенами.

- Я пойду с вами. - Микк медленно поднялся с койки и зашагал к двери вместе с ними.

- Я заметил одну вещь насчет священника, - сказал он. - На нем был черный капюшон.

- Зидо, - задумчиво произнес Векс. - Старый знакомый. Известен своей набожностью и пылом. Я с ним учился. Ему очень не понравилось мое предположение, что люди могут с большей готовностью принять искупление, если его не предлагать под дулом пушки. Он долго ждал такой возможности. Финальный

Поход – всего лишь повод, которого он искал.

Пока они выходили из лазарета следом за Вексом, Микк повернулся к Нисе и ухмыльнулся.

– Мне от этого знания так полегчало, а тебе?

10

Это Векс предложил Кейну снять костюм.

– Из-за него ты больше похож на боевую машину, чем на человека, – сказал Векс, на губах которого играла тень улыбки. Кейн задался вопросом, не наслаждается ли он воспоминанием о том, как непродуманно и самоубийственно эта боевая машина выступила против его бойцов. – Когда здешние люди видели подобные вещи, зачастую они – или кто-то, дорогой им – становились следующей жертвой.

Люди? При нормальных обстоятельствах Кейн не стал бы использовать это слово для описания оборванного сборища безродных созданий, которых он успел увидеть с момента прибытия в поселение. Караван из пары фургонов с трудом добрался с места операции по сбору утиля, тракторы хрипели и кашляли от напряжения. Кейн сидел среди кучи трофейных материалов в заднем фургоне, плотно окруженный основной частью людей Векса. Все молчали. У Кейна сложилось ощущение, что большинство из них предпочли бы, чтобы Векс убил его на месте, а не помог подняться на ноги и предложил подвезти. Однако, как отметил Кейн, никто не стал спорить с Вексом.

По первому впечатлению Кейна от Конца Надежд, тот мало чем отличался внешне от группы необитаемых островов, оставленной ими позади. Когда тракторы понемногу начали спускаться по одной из дорог в низину, где располагалось поселение, за которым возвышалась всякая скала, он увидел всего лишь еще одно скопление зданий, чье назначение – возможно, жизненно-важное для развития и сооружения Шпиля, ныне высившегося на неодолимые лиги над их крышами – теперь уже давно позабылось.

Однако на месте сбора утиля не было никого, кроме восстановительной бригады Векса, а Конец Надежд кишел как будто всеми видами человеческих или получеловеческих отбросов. Большая часть активности была сосредоточена на стене, которую возвели вокруг городка, соорудив, похоже, из всех сломанных машин с верхних и нижних уровней, подперев собранными брусьями и неодинаковыми кусками рокрита.

Пройдя через ворота, караван был встречен криками обитателей поселения. Те, кто не участвовал в сооружении пары башен неустойчивого вида по обе стороны от ворот, поспешили помочь с разгрузкой. Впрочем, они застыли на месте, когда заметили Кейна.

– Шпилевик!

Тот, кто прошипел это слово, мог бы быть человеком, если бы его костлявое тело не было так жутко искорежено, а кожа не была покрыта струпьями и не представляла собой пеструю комбинацию серого и зеленого цветов. Он проковылял на шаг вперед и плюнул в грязь.

– В Конце Надежд принимают каждого, кому нужна помощь. – Векс уже успел слезть с переднего фургона. В тот же миг, как он заговорил, все головы повернулись к нему. – Принимают каждого, ведь каждого можно спасти. Каждый может найти покой.

Векс подал знак своим людям во втором фургоне, которые спешились, а затем подождали, пока и Кейн скованно слезет вниз. Все сочленения доспеха задубели. Заблокированное плечо до сих пор отказывалось шевелиться, но немного подвижности вернулось к коленному суставу, из-за которого он упал в грязь. Предупреждающие индикаторы на дисплее визора продолжали сердито сверкать. Кейн даже не был уверен, что в костюме осталось достаточно энергии, чтобы позволить ему без помощи дойти туда, где Векс намеревался его заточить.

- В мою квартиру, - распорядился Векс. - Если он сумеет пройти через дверной проем в этой броне.

Кейн, которого все еще окружали с боков люди Векса, проследовал за пастором через пространство, где прежде, возможно, располагалась городская площадь. Появлялось все больше и больше жителей поселения, привлеченных новостями о нежеланном визитере. Они держались на расстоянии, и Кейн оказался идущим по широкой улице, которую обрамляли лица с выражениями страха и ненависти.

Его подвели к осыпавшемуся двухэтажному зданию - какому-то залу собраний, как он предположил. В нескольких шагах от двери Кейн запнулся, коленный сустав на миг заклинило. Двое членов сопровождения схватили его за руки, не дав второй раз за день упасть лицом вниз. Кто-то в толпе отпустил шипящий комментарий. Кейн не уловил слов, но интонацию было ни с чем не спутать. Не страх. Даже не ненависть. Презрение.

Векс велел закрыть за ними двойные двери зала собраний, после чего провел Кейна в маленькую комнату, которая отходила вбок на дальнем конце вестибюля. Кейну пришлось осторожно протискиваться в проем, скрипя пластинами на груди и спине доспеха о старинную древесину рамы. Падалюга со скособоченным лицом попытался было зайти в помещение следом за Вексом, однако высокий мужчина покачал головой и запер дверь.

- Ты знаешь, что я такое? - спросил Кейн в ответ на предложение Векса снять доспех. - Твои люди явно знают.

Векс кивнул.

- О вашей породе в подулье слагают легенды, - произнес он. - Матери предостерегают детей, чтобы те вели себя хорошо, не то придут шпилевики и унесут их.

- Тогда почему я еще жив?

Глядя мимо мигающего калейдоскопа тревожных индикаторов, окаймлявших поле зрения, Кейн прикинул свои шансы взять Векса в заложники, использовать его, чтобы пробиться из поселения. Неблагоприятные. Пастор был мужчиной мощного телосложения, и что-то в его манере держаться указывало на то, что он знаком с физическими единоборствами. А будучи заключенным в этот изувеченный образчик иномировой технологии, Кейн был все равно что спутан по рукам и ногам железной паутиной «Малкадона». Ему бы повезло вообще суметь прикоснуться к Вексу, не говоря уж о том, чтобы удерживать его сколько-либо долгое время.

- Хороший вопрос, - отозвался Векс. - Подобные тебе обычно охотятся стаями. Однако ты напал на нас в одиночку, а твое снаряжение явно нуждается в ремонте. Это наводит меня на подозрение, что твои товарищи-шпилевики мертвы, или же находятся слишком далеко, чтобы тебе помочь - в каком случае они с тем же успехом могли бы быть мертвы.

- Охотники! - бросил в ответ Кейн, уязвленный термином, которым в подулье называли их с сородичами.

- Мы охотники!

- Сомневаюсь, что ваша добыча увидит в этом названии много чести, - мягко сказал Векс, не смущенный внезапным проявлением злости Кейна. - Для них вы убийцы, чисто и просто.

Векс сделал паузу, бросил взгляд на свои руки, а потом потер обесцвеченный лоскут на драном подоле рясы.

- В убийстве нет чести, - тихо добавил он.

В комнате на долгий миг повисла тишина, во время которой у Кейна возникло острое чувство, что Векс внезапно позабыл о его присутствии, а он невольно нарушает чрезвычайно уединенные раздумья пастора. И он вдруг очень порадовался, что не попытался атаковать священника.

Векс поднял глаза от своей рясы.

- Мы можем дать тебе убежище, - произнес он. - Время, чтобы починить твою экипировку, хотя не уверен, что какие-либо из наших инструментов особо сгодятся.

- Мой костюм восстановит себя сам, насколько это возможно, - ответил Кейн, удивившись от прилива благодарности, которую испытал, когда услышал предложение Векса. Беспредельное ощущение собственного изнеможения уже успело накрыть его, словно железный плащ.

- Все, что ему нужно - все, что мне нужно - это время.

До своего последнего дня в Конце Надежд Кейн больше не видел Векса. Священник предоставил в распоряжение охотника свою квартиру; Кейн понятия не имел, где Векс спал. Он никогда особо не тяготел к чтению, и скудная библиотека Векса - две полки с потрепанными печатными томами - никак не спасала от овладевшей им скуки. Увидев едва скрываемую враждебность жителей подулья при своем первом обходе поселения - без костюма, в позаимствованных обносках поверх облегающего поддоспешника - Кейн решил, что повторно покинув зал собраний накличет клинок между ребер.

Дважды в день двое вооруженных членов того, что Кейн считал личной свитой Векса, доставляли в его комнату миску с харчами. Внешний вид и консистенция еды напоминали Кейну нечто такое, что он скорее ожидал бы смыть в систему утилизации отходов. Его посещали мысли, что пешки Векса могли пытаться заразить его какой-то смертельной болезнью. Когда он наконец-то собирался с духом и пробовал ложку, то неизменно обнаруживал, что ее вкус напоминал масло, зачерпнутое со дна тракторного стока, но поскольку Кейна больше не поддерживала внутривенная питающая система «Орруса», ему всегда слишком хотелось есть, чтобы отставить миску в сторону.

Когда он не ел, то расхаживал по комнате, слушая звуки деятельности снаружи зала: крики, натужный хрип трактора, шум стройки. Его занимал вопрос, закончены ли надвратные башни - и как долго простоят эти наспех сделанные сооружения.

Когда он не ел и не расхаживал, то спал. Без поддержки биостимуляторов костюма его тело как будто оседало под накопленным бременем каждого шага охоты, с момента, когда он, Баэль и остальные покинули Шпиль и до момента, когда он упал в грязь у ног Векса. Он чувствовал себя опустошенным, слабым, едва способным подняться с жесткой металлической койки священника. Будто заводная птица, чей механизм исчерпал ход.

Спал он крепко, как ребенок. А когда спал, то видел сон - и этот сон всегда был одинаковым.

Они вторглись в Шпиль. Их нечеловеческое чириканье заполняло коридоры апартаментов семьи Гелиос, и они двигались от комнаты к комнате, ища. Ища его.

Он убегал от них по опустевшим залам и галереям. Бесмысленный шум насекомых становился громче, они настигали его.

Не смея оглянуться назад, он покидал апартаменты Гелиос, мчась по брошенным вестибюлям и малым галереям. Легкие горели, дыхание давалось судорожно. Он знал: если попытается закричать, голос прозвучит немногим громче шепота.

Бегство всегда приводило Кейна в одно и то же место - в Большую Галерею, где его дожидались остальные, чтобы скрепить охоту. Баэль, Питар, Вольк, Айдор, Джорджи и Мила. Живые. И всякий раз при виде них он чувствовал все тот же прилив облегчения.

Пока они с улыбкой не открывали рты и не приветствовали его потоком пронзительных щелчков и пискосов.

Он проснулся с криком, уставившись расширенными глазами на «Оррус», бесстрастно стоявший у стены в ногах койки. Кейн секунду лежал, давая своему паническому дыханию замедлиться, позволяя звукам поселения снова утвердиться поверх призрачного чириканья, которое все еще отдавалось в его разуме. Затем он понемногу поднимался с койки и подходил к доспеху, чтобы проверить прогресс систем самовосстановления. Отображаемая визором оценка количества циклов, требуемых для того, чтобы костюм стал хотя бы приблизительно готов к бою, уменьшалась мучительно медленно. Кейн отмерял свое время по этим часам, а не по чередовавшимся периодам активности и затишья, которые слышал сквозь стену.

- Крысокожие рассказывают истории о создании, которое называют халем!

Кейн не слышал, как Векс входил в комнату. Он повернулся от своего костюма, держа шлем в одной руке. Как долго Векс стоял в открытом дверном проеме, наблюдая, как он проверяет функционал доспеха? Все системы, кроме нескольких второстепенных, уже вернулись к оперативной эффективности. Кейн обдумывал, когда будет лучший момент, чтобы покинуть Конец Надежд. И словно услышав его мысли, появился Векс.

- Что?

- Согласно рассказам, халем - это человекоподобное существо, сделанное на основе пустой оболочки из грязи и палок, которую обжигают, после чего наполняют кучей механических деталей. Шаман создает его, а потом посредством некоего нечестивого ритуала вдыхает жизнь в свое творение, магически приводя в движение механизмы внутри, и посылает его исполнять свою волю. Вид твоей брони, стоящей там, напомнил мне об этой истории.

Кейн опустил взгляд на шлем, затем посмотрел на костюм. Пустой человек? Описание почему-то казалось подходящим.

- Микк говорит, что ты восстановил силы. Я пришел сообщить тебе, что, если пожелаешь, то можешь остаться. Здешний народ привыкнет к твоему присутствию. Им уже известно мое мнение по этому вопросу. Тебе не навредят. Если решишь остаться, то тебе следует знать: жизнь здесь тяжела, гораздо тяжелее, чем та, к которой, как мне кажется, ты привык, но и в ней есть свои блага. Также должен

сказать тебе, что времена меняются. Хотя я и не пользуюсь благосклонностью моих бывших братьев, но их попытки потревожить покой этого поселения до нынешних пор были немногочисленны.

Глядя на стоящего Векса, который практически полностью заслонял собой проем, и слушая его обманчиво мягкий голос, Кейн вполне представлял, в чем заключалась причина.

- Тем не менее, с недавних пор их нападения на наши рабочие группы участились. Новоприбывшие в Конце Надежд говорят о налетах на менее крупные, менее защищенные поселения, насильственных обращениях и чистках. Боюсь, что Архизелот провозгласил священный поход. Если это так, мне на ум приходит как минимум один из моих братьев, кто будет рад возможности привести его в Конец Надежд.

- Зачем ты мне это рассказываешь? - спросил Кейн. - Я шпилевик. Охотник на тех, кого ты зовешь своим народом. Я пришел сюда завоевать честь и славу для самого себя, моей семьи и моего Дома. Вот и все.

- Здесь принимают всех. Нет такого человека, который не смог бы найти искупления, если готов его искать. - Векс сочувственно улыбнулся. - Хотя мои братья могли бы возразить, что единственный истинный путь к спасению лежит через огонь. Но есть и другая причина: явись поход в Конец Надежд, человек в иномировом боевом костюме стал бы полезным дополнением к нашей обороне. И даже если мои опасения окажутся беспочвенными, ходят еще и слухи.

- Какие слухи? - не удержался от вопроса Кейн, хотя был вовсе не уверен, что хочет услышать ответ.

- Кое-кто утверждает, будто Улей породил новый вид существ, которые выглядят как человек, но говорят, как машина. Которых становится больше. Которые могут, когда-то в будущем, подняться наверх и одолеть всех нас.

- Это не слухи, - тихо произнес Кейн. Векс уставился на него, ничего не говоря. Между ними повисла тишина.

- Они напали на нас, - продолжил Кейн, которому вдруг очень захотелось нарушить молчание. - Засада. Мы были не готовы. Выжил только я.

Векс еще секунду удерживал взгляд Кейна, а затем кивнул, из-за чего у того возникло некомфортное ощущение, что он сообщил священнику куда больше, чем намеревался - куда больше, чем передали слова сами по себе.

- Тогда, возможно, халем - это не просто легенда, - сказал Векс. - Мое предложение остается в силе, - добавил он, шагнув назад в дверь и отворачиваясь, чтобы уйти.

- Я обдумаю его, - отозвался Кейн, уже зная, что принял решение.

Костюм принял его обратно в свои объятия, словно давно утраченного любовника. Позвоночник защищало обратной связью от биостимулятора. Разминая руки в массивных перчатках, Кейн ощущал себя в состоянии снести окружавшее его здание, выкорчевать целое поселение, даже не вспотев. Снова ощущал себя охотником.

Он медленно открыл двойные двери зала собраний, обвел взглядом опустевшую площадь. Перед тем, как надеть костюм, он дождался, пока не стихли звуки активности снаружи, а затем медленно прошел через узкий входной проем комнаты Векса и тихо двинулся к главным дверям строения.

Сторожевые башни были закончены. На вышке слева от ворот стоял охранник. Светоусилители визора показали Кейну, что страж обращен лицом наружу, за пределы поселения. Если перемещаться быстро, караульный не заметит его до тех пор, пока он уже не окажется за воротами. Те были заперты, но он чувствовал уверенность в своей способности снести их при необходимости.

- Отваливаешь? - Из-за угла зала собраний вышел Микк. Кейн, отошедший от двери не более чем на четыре-пять шагов, обернулся. Коренастый падалюга с перекошенным лицом покачивал в руках стаббер. Он выглядел расслабленным, не испуганным.

- Люблю тут позависать, когда все тихо, - продолжил Микк. - Убедиться, что проблем нету.

- Проблем нету, - повторил Кейн, ощущая себя идиотом, которого застигли врасплох.

- Это хорошо, - Микк кивнул. - Пошли. Давай тебя провожу.

Дорога поднималась до кромки низины, в которой располагался Конец Надежд. Стоя на вершине склона, Кейн оглянулся на поселение. Ворота за ним закрыли, и он быстро вышел за пределы досягаемости автомата охранника на башне. Усовершенствованный визор Кейна различал фигуру караульного, но тот смотрел в другом направлении, не обращая на него никакого внимания. Микка видно не было.

Падалюга дал Кейну набор инструкций, которые, как он сказал, позволили бы пройти незамеченным через следующие десять уровней. Кейн обдумал возможность того, что они должны были завести его в какой-нибудь Хельмавром забытый тупик, где обитают существа, человекоподобные или нет, не разделяющие отношения Векса к неожиданным посетителям, но откинул ее. Микку, решил он, просто хотелось от него избавиться.

Как полагал Кейн, Векс уже услышал о его уходе. Не было никаких причин, по которым ему - сыну семейства одного из Правящих Домов Улья Примус - следовало бы хоть на йоту беспокоиться о мнении сломленного жреца-отступника, живущего в нищете глубин подулья. Однако это совершенно не ослабляло донимавшее его ощущение, будто он разочаровал Векса - сделав в точности то самое, чего от него ожидал священник.

Повернувшись спиной к Концу Надежд, Кейн стряхнул эти мысли и заставил себя сосредоточиться на путешествии, которое еще предстояло. Далеко над ним высился Шпиль, его дом. К тому времени, как он туда доберется, у него уже будет подготовлена история. На них напали, на его товарищей по охоте и на него. Остальные погибли в бою с атакующими, которые, разумеется, были мощно вооружены. Превратности сражения унесли его от них. Он убил тех, кто пытался убить его, однако к тому моменту прочие уже были мертвы. Он ничем не мог помочь им - это, по крайней мере, являлось правдой. И было еще кое-что. Самое важное: он не сбежал.

Так почему же, пока он шагал прочь от поселения, его разум заполняла одна мысль - что он все еще продолжает убегать?

11

Теперь Кейн стоял на краю низины и смотрел на поле битвы, в которое превратился Конец Надежд.

Большую часть картину скрывал густой дым от горящих остатков лачуг. Он низко висел в неподвижном воздухе, преимущественно превращая сражение в театр теней. Группы непонятных фигур сталкивались друг с другом; короткие дульные вспышки сверкали во мраке, будто светлячки, перемежаясь более гулкими взрывами гранат. Подпалив хибары, нападавшие невольно сыграли на руку защитникам. Под прикрытием дыма люди Векса малыми группами выскальзывали за ворота, атаковали Искупителей, изводя тех и сея сумятицу в их рядах, а потом отходили обратно.

Кейн отступил на шаг назад, когда к склону вернулась группа нападавших, которая несла множество раненых. Он наклонил голову, беспокоясь о том, скроют ли его костюм «Оррус» складки недавно раздобытой дьяконской рясы. Дьякон был массивным мужчиной с неожиданно пронзительным голосом для человека таких габаритов. Он стоял позади колонны Искупителей, подгоняя их вперед дикими криками и проповедями. Кейн дождался, пока он сделал паузу, чтобы набрать воздуха, а затем вышел из-за неровной груды обломков камня - возможно, каких-то давно брошенных остатков раскопок, которые сформировали ту низину, где находился конец Надежд - и обхватил его за лицо своей громадной рукой.

Закрепив на себе рясу и натянув на лицо капюшон, Кейн присоединился к людскому валу, двигавшемуся по пересеченному, усыпанному шлаком ландшафту этого уровня. Хотя ему и удалось оторваться от охотников и их приспешников-Делаков среди пепельных дюн, прежде чем он свалился вниз по череде сопряженных рамп, но было件нятно, что они не откажутся от погони. Для охотников из Дома Уланги это был вопрос чести. Для Мота это был вопрос выживания: если бы Кейн вернулся в Шпиль и изобличил его предательство, Мот был бы обречен закончить свои дни в одном из ублиетов Дома Тай. Запертым в камеру, высоты которой едва хватает, чтобы встать, с питанием все реже, брошенным чахнуть со знанием, что его имя выброшено из записей семейства и Дома. Забытым. Вычеркнутым.

Кейн намеревался затеряться в толпе, члены которой были хорошо вооружены, а их лица светились религиозным пылом, на достаточно долгое время, чтобы сориентироваться и двинуться по одной из дорог, ведущих к Концу Надежд. Он и не представлял, что поселение Векса будет конечной целью этого дикого карнавала.

«Боюсь, что Архизелот провозгласил священный поход».

Слова Векса вспомнились ему, пока он наблюдал, как раненые фанатики карабкаются мимо, уже без огня праведной кровожадности в глазах. На ходу они даже не посмотрели на него.

Кейн закашлялся. Когда он упал, уходя от выстрелов охотников, пепельная дюна забила ему нос и рот. Тяжело поднимаясь на ноги у подножия крутого склона и торопясь удалиться от своих потенциальных убийц, он обнаружил, что дышать буквально невозможно. Тонкие частицы пепла забили его носовые затычки, сделав их хуже, чем бесполезными. Чтобы вынуть их, потребовались драгоценные мгновения, работе мешали громоздкие перчатки «Орруса». Каждую проходившую секунду Кейн ожидал, что сверху его начнут поливать огнем. Он задавался вопросом, не могла ли Маас или Шулар дать последний бой, задержав Уланги, но потом выбросил эту мысль из головы. Ему следовало быть там, с ними.

Однако он снова был один. Один и бежал.

Страхнув нежеланное воспоминание, Кейн посмотрел вдоль изогнутого края низины. Казалось, на каждого участника похода, кто вернулся раненым или не вернулся вовсе, приходилось еще трое, которым не терпелось броситься в затянутый дымом амфитеатр. Возглавлявший их жрец собрал колоссальные силы, привлеченные, похоже, из всех слоев общества подулья. В конечном итоге пожар

угаснет, дым развеется, и абсолютное численное превосходство принесет победу.

Кейн отметил, что священник и его свита остались на вершине склона, далеко за пределами досягаемости оружия. Полка он наблюдал, жрец в черной рясе как будто переговаривался со своими советниками. Руки стали указывать в сторону Кейна, и на мгновение тот испугался, что его маскировку раскрыли. Однако они были нацелены выше него, на другой край низины, в направлении утеса, который угрожающе нависал над поселением. Жрец уже кивал, раздавая приказы. Несколько боевиков Кавдора вслед за дьяконом отделились от основного отряда и исчезли в толкавшейся толпе.

Кейн подумал о Вексе, о его спокойном принятии ситуации, которую он считал безнадежной, и обнаружил, что до сих пор не может решить, герой тот, или же наихудший из глупцов. Ему предстояло умереть тут, в этом Кейн был уверен. Возможно, он уже погиб, унеся с собой информацию, которую Кейн надеялся получить.

Пора выдвигаться.

- Мне ведь не нужно говорить тебе, что у них в тех сумках, верно?

- Взрывчатка, - ответил Векс, продолжая прижимать глаз к макролинзе. Он помогал раненому мутанту добраться до лазарета, когда Микк догнал его, вручил трубу из металла и стекла и указал в направлении утеса.

Векс увидел - их было восемь. Шедший впереди дьякон и один из бандитов несли тяжелые кожаные сумки, закинутые за плечи.

- Шахтерское снаряжение, скорее всего, - сказал Микк. - Заряды для раскопок. Они собираются уронить всю эту штуку на нас. Должно быть, их достало глотать дым.

- Думаешь, они могут это сделать? - поинтересовался Векс, опуская трубу и глядя на приземистого падалюгу.

- Кто знает? - отозвался Микк, моргая, чтобы смахнуть кровь, которая стекала по одной стороне его лица из свежей раны на голове. Он вывел за ворота три группы, чтобы бить нападающих, и каждый раз возвращался с все меньшим числом людей. - Повезло нам с этим дымом. Может, другого везения и не будет.

Словно в подтверждение этих слов по поселению раскатился оглушительный резкий треск. Векс и Микк инстинктивно пригнулись, а затем повернулись к источнику шума. Платформа, установленная на башне справа от ворот, исчезла. Добытые строительные брусья, из которых состояла вышка, торчали в затянута дымом воздухе.

- Крак-граната, - пробормотал Микк. - И хороший бросок. Точно в цель.

Векс уже не в первый раз задался вопросом, какую жизнь вел Микк до их встречи. Раньше тот выглядел как очередной странствующий торговец, оказавшийся на мели после слишком большого количества неудачных сделок, однако его знания об оружии и тактики постоянно указывали на иное, более воинственное прошлое. Микку, похоже, никогда не было интересно об этом поговорить, поэтому Векс никогда не спрашивал. Теперь казалось, что шанса уже не представится.

- Дай мне столько твоих лучших людей, сколько можешь выделить, - крикнул Векс. В ушах до сих пор

звенело от взрыва.

- Нет! - встревоженно заорал в ответ Микк. - Это моя работа.

- Я узнаю дьякона, который их ведет. Он был одним из моих братьев. Похоже, под началом Зидо он продвинулся. - Векс с улыбкой посмотрел на Микка. - Жаль было бы не воспользоваться возможностью возобновить знакомство.

Дым уже начинал рассеиваться, когда ворота открылись, и Векс с Микком вывели своих людей из Конца Надежд. Ливень выстрелов и остатки небольшого запаса гранат в поселении расчистили пространство прямо перед воротами, которые захлопнулись за последней ударной группой. Искупители отступили по устланной трупами и изрытой воронками, ища укрытия за выгоревшими руинами убогих жилищ и ожидая, что за страшной бомбардировкой последует полномасштабное контрнаступление.

Увидев, что из-за ворот вышло всего двадцать пять человек, они поднялись и бросились вперед.

Векс не стал дожидаться, пока они приблизятся. Он и те девятеро, кому было поручено идти с ним, побежали в сторону, держась возле стены поселения. Размещенные вдоль нее защитники кое-как прикрывали их огнем, но основной отвлекающий маневр должна была провести команда Микка.

Держа в одной руке стаббер, а в другой автомат, Микк возглавил атаку навстречу Искупителям. Стабберный заряд снес с ног фанатика с топором. После этого Микк с размаху ударил опустевшим оружием по лицу бандита, кинувшегося на него сбоку. Боевик повалился, дергаясь и брызгая кровью с зубами, но при падении вырвал стаббер из хватки падаюги. Возле уха Микка что-то пропело, и он крутанулся на пятке, поддержал автомат свободной рукой и открыл ответный огонь, уложив еще одного бандита.

- Не останавливайтесь! - заорал он своим людям. - Выиграем время, чтобы пастор оторвался, потом двигаемся назад к воротам!

Он оглянулся через плечо проверить, как дела у Векса, и потому не видел пули, которая врезалась ему в висок. Микк качнулся вбок, а затем грохнулся на колени. Казалось, что он валится вперед, но земля исчезла. На ее месте была бескрайняя зияющая темнота. Ничто не могло остановить его, и он упал - и падение как будто длилось вечно.

Корвек оступился, схватился за ногу и рухнул. Услышав его крик, Векс обернулся. Позади упавшего он увидел цепочку Искупителей, бежавших к нему. Судя по всему, людям Микка не удалось отвлечь их внимание от команды Векса, направлявшейся к ступеням, которые сотни лет назад высекли неведомые шахтеры, раскопавшие эту часть подулья.

Корвек извернулся в грязи, направил свою винтовку на приближавшийся отряд и открыл огонь. Боль от раны сбила ему прицел: выстрелы ушли мимо цели.

- Пастор? - окликнул Гореш. Векс оглянулся и увидел, что оставшаяся часть его группы остановилась немного впереди. Он махнул рукой в направлении лестницы.

- Идите! - распорядился он. Те помедлили, их взгляды перескакивали с Векса на раненого Корвека.

- Мы догоним через секунду! - крикнул Векс. - А теперь идите!

На сей раз они пришли в движение, побежав к скальной стене, нависавшей над ними. Векс кинулся в противоположном направлении: к упавшему Корвеку.

- Я... Простите, пастор, - задыхаясь, выговорил тот, когда Векс присел на колено рядом с ним. Корвек был молод, хотя его пестрая обвисшая кожа создавала иллюзию старости. Ткань штанов ниже колена уже пропиталась кровью. Это была скверная рана: его пришлось бы тащить.

- Давай не будем прямо сейчас беспокоиться насчет извинений, - отозвался Векс, а затем вдавил спуск своего болтера. Один из приближавшихся бандитов отлетел назад с развороченной грудью. Темп бега атакующих на миг сбился, пока один из их числа не навел свою винтовку и не выстрелил.

Голова Корвека резко запрокинулась назад, а потом упала в грязь. У него на затылке зияло мокрое выходное отверстие, глядевшее снизу вверх на Векса, который открыл ответный огонь, попав еще одному боевику в низ тела и испарив бедро вместе с верхней частью ноги. В этот раз, впрочем, остальные не сбавили хода. Они атаковали еще быстрее, чем раньше, поливая пространство очередями.

Нечто, звучавшее похоже на разозленное насекомое, хлестнуло над головой Векса, и тот упал в позу для стрельбы лежа возле тела Корвека, которое дернулось, когда в него ударило еще два заряда. От пальбы на бегу меткость Искупителей давала сбои. Скоро они окажутся слишком близко, чтобы промахнуться.

Векс взял на мушку одного из приближавшейся шеренги, но увидел, что человек пошатнулся, словно его сильно толкнули сзади. У него было что-то не то с грудью: большая ее часть пропала.

Пока первоначальная мишень Векса падала в грязь, боевика справа жестоко швырнуло в сторону. Одна из его рук рассталась с телом и завертелась, удаляясь по собственной траектории. Лобовой натиск остальных снова остановился, и половина из них развернулась навстречу новой, неожиданной угрозе. Еще одного бандита и падалюгу снесло назад, отправив в небытие еще до того, как они успели нацелить свое оружие.

Выбирая себе другой объект, пастор невольно улыбнулся. Микк в очередной раз нарушил его указания. Вместо того, чтобы увести своих людей обратно за ворота поселения, он повел их защитить тыл группы Векса.

Векс выстрелил. Лишившись головы, его цель крутанулась вокруг своей оси, мертвой хваткой сжимая палец на спусковом крючке своей винтовки. Дуга очереди срезала двоих товарищей погибшего. Краем глаза Векс увидел, что еще один нападавший развернулся и побежал. Ворочаясь в грязи, он стал искать мишень среди тех, кто двинулся навстречу Микку и его людям.

Трупы боевиков устилали землю, а над ними возвышалась огромная фигура в рясе. Тонкие струйки дыма поднимались от стволов, закрепленных на суставах громадных перчаток, которые торчали из рукавов. Капюшон рясы был откинут, так что стали видны шлем-колпак и визор. Не Микк.

Векс тяжело поднялся, положив болтер на руки в позе, которая выглядела расслабленной, не угрожающей, но при этом позволила бы ему в один миг пустить оружие в ход. Гигантская фигура двинулась к нему, в процессе приближения снимая с себя рясу.

- Пастор Векс, - произнесла она.

- А, Кейн, - отозвался пастор.

12

Заряды уже были установлены. Милек, боевик, который имел некоторый опыт в работе со взрывчаткой, проверил запалы и подключил их к детонатору. Он провернул кривошипную рукоятку, торчавшую на боку детонатора - помятой черной коробочки - после чего отступил на шаг назад и кивнул дьякону.

- Все готово, ваша милость, - пробурчал он.

Дьякон Фек прошел мимо него - на выступе практически не было места, чтобы двое людей смогли встать бок о бок - и, декламируя молитву Императору и его представителю на этом мире, Архизелоту, опустился на колени перед детонатором.

Это простое действие спасло ему жизнь.

Болт ударил в скалу над головой Фека, окатив его острыми осколками. Дьякон отпрянул от изумления со страхом и едва не свалился с уступа. Повсюду вокруг него грянули крики, сопровождавшиеся резким треском автоматного огня и более низкими, раскатистыми выстрелами болтеров. На ноги Феку упало что-то тяжелое. Вертясь и брыкаясь, чтобы высвободиться, он увидел, что это был Милек, у которого не хватало половины лица.

Оглянувшись на выступ, он понял, что несколько нечестивых ублюдков из поселения каким-то образом поднялись наверх и атаковали его подрывную команду с тыла. В суматохе люди Фека пытались развернуться и дать бой нападавшим, однако против них работали внезапность и ширина уступа. Позади атакующих стояла огромная фигура, облаченная в какой-то доспех и выпускавшая болты в гущу его людей, пока отребье без брони спешило вперед. Половина бойцов Фека уже пала, но, как удовлетворенно заметил дьякон, оставшиеся уложили одного из нечистых подонков, разрубив того надвое залпом с ближнего расстояния.

Отвернувшись от схватки, Фек приподнялся на колени и пополз к детонатору. Пусть гибридные чудовища Векса лишат жизни его и его людей, но, поклялся себе дьякон, утес обрушится, словно кулак Архизелота, раздавив собой поселение.

Вцепившись в плунжерную рукоятку, встроенную в верхнюю часть детонатора, Фек потянул. Рукоятка плавно пошла вверх, после чего со щелчком остановилась. Фек помедлил. Последняя молитва, и он принесет вечные муки тем, кого Векс кощунственно называл достойными спасения.

А затем ему показалось, будто какой-то гигант схватил его за плечо, встряхнул и потом отшвырнул в сторону. Последовал миг изумления, а за ним - жгучая боль. И чернота.

- Выньте запалы, - распорядился Векс, выдергивая провода из контактов на верхушке коробки детонатора. - Заряды соберите: уверен, мы можем найти им лучшее применение.

Пятеро оставшихся членов его команды заторопились по выступу, пригибаясь под нависающим карнизом.

Пастор опустил взгляд на Фека, рука которого была сжата на поршне детонатора в тот момент, когда выпущенный Вексом болт оторвал ее от плеча. Кисть и короткий кусок предплечья до сих пор гротескно болтались на рукоятке.

- Векс? - голос Фека звучал не громче шепота. Медленно моргая, дьякон уставился на Венкса закатывающимися, нефокусированными глазами. Его лицо было мертвенно-бледным, ряса пропиталась кровью. Векс опустился на колени рядом с ним, вспоминая молодого сына торговца, который появился после сбора среди развалин поселения мутантов, недавно очищенного от тех, кого Векс в ту пору искренне считал нечистыми. Фек умолял позволить присоединиться к его свите, стать орудием Искупления. Векс узнал огонь в глазах юноши и принял его в свой круг. Тот был способным учеником, голодным до знаний, и его пыл нарастал, в то время, как у Венкса начал слабеть.

- Значит, вот к чему мы тебя привели, Зидо и я. - Посмотрев Феку в лицо, Векс ощутил колоссальную грусть. В глазах дьякона продолжало гореть пламя.

- Моя вера все еще крепка, отступник! - с вызовом прохрипел Фек. Его глаза начинали стекленеть. Венкса поражало, что у него до сих пор оставались силы говорить. - Я отправляюсь за своей наградой.

- Для твоего же блага надеюсь, что ты прав, - мягко ответил Векс, но Фек его уже не слышал.

- Векс. - Над ним стоял Кейн, от стволов болтеров которого продолжали подниматься струйки дыма. - У нас был уговор.

Векс выпрямился и посмотрел мимо Кейна, на выступ, тянувшийся под скалой. Его люди уже направлялись к нему, бережно держа в руках взрывчатку. Снова повернувшись к Кейну, пастор кивнул.

- Ты хотел информации, - произнес он. - Я был чем-то занят. Благодарю, что решил помочь нам. Теперь спрашивай.

Кейн секунду разглядывал Венкса, будучи все еще не в силах решить, герой тот, или же безумец. Если бы он не заметил, как Векс со своей командой бежит в сторону от поселения, к скальной стене, священник сейчас был бы мертв, лежал в пыли рядом с тем падаюгой, которого пытался спасти. Позаимствованная ряса позволила Кейну беспрепятственно пройти через толпу на краю поля боя, после чего добежать до зоны, где болтеры доставали до бандитов, атаковавших Венкса. И когда он предстал перед священником, окруженный мертвыми кавдорцами, что тот сказал на требование Кейна?

«Позже».

Векс выдерживал взгляд Кейна и молчал. Мимо них пробрался первый из членов его группы, направлявшийся к ступеням, по которым они забрались на выступ.

- Ну? - спросил Векс.

- Я тебе говорил, мы попали в засаду, - начал Кейн. - Что я был единственным выжившим. Я ошибался. Остальные все еще живы. Я вернулся за ними. Надеюсь, что ты сможешь указать мне дорогу.

Кейн описал мусорный ландшафт, где он, Баэль и прочие подверглись нападению. Векс слушал, стреляя глазами вбок и отмечая каждого из своих людей, кто проходил рядом.

- Не помню, как добрался туда, где... встретил тебя, - закончил Кейн, удивляясь тому чувству облегчения, которое накатило на него, когда он заговорил. Чувству, что он наконец-то избавляется от губительного секрета. - Я бежал и карабкался... ну, не знаю, как долго. Я заблудился. По идее, я должен

был умереть. По идее, вы должны были убить меня.

Векс промолчал. Мимо медленно прошел Гореш, последний из его людей. Тот помедлил, посмотрел на Векса, а затем вопросительно бросил взгляд на Кейна. Векс кивнул в ответ на невысказанный вопрос Гореша, после чего жестом велел ему двигаться дальше по выступу.

- Ты знаешь дорогу? Поможешь мне? - спросил Кейн более умоляюще, чем намеревался. Он вдруг усомнился в мудрости возвращения в Конец Надежд, всего спуска. Зачем он был здесь? Ради Баэля и прочих? Ради чести и славы? Ради себя самого? Какова бы ни была причина, она уже обошлась слишком дорого.

- Уровень, который ты описываешь, находится еще несколько ниже нас, - в итоге ответил Векс. - Пара трофейных команд спускалась так глубоко, но нашла не слишком много того, что мы сумели бы использовать. Думаю, мы можем тебя проводить.

Последние слова Векса напомнили Кейну о том падалюге со скособоченным лицом, который встал перед ним, когда он в прошлый раз покидал Конец Надежд. Почему-то сейчас он чувствовал такую же смесь смущения и стыда, как тогда.

Векс оглядел поле боя внизу. Дым уже практически развеялся. Орда Зидо собиралась для очередного штурма Конец Надежд. Несмотря на все нанесенные им потери, было похоже, что их еще более чем достаточно, чтобы задавить поселение.

- В конце концов, - добавил он, снова посмотрев на Кейна, - ты был бы безумцем, если бы остался тут.

- Пастор!

Векс с Кейном дружно повернулись на крик Гореша как раз вовремя, чтобы увидеть, как падалюгу, который стоял в нескольких шагах впереди него, впечатало в скальную стену залпом. Группа Искупителей - братья при поддержке отряда бандитов - подбиралась к ним по выступу. Поскольку тот изгибался вместе со стеной, у атакующих в тылу была отличная позиция для стрельбы по людям Векса, пока те, кто находился в авангарде, продвигались вперед. Гореш и остальные открыли ответный огонь. Первые резные ступени были до боли близко, но для спуска им пришлось бы закинуть оружие за плечи.

- Пора тебе уходить, я думаю, - сказал Векс Кейну, проверяя боезапас в магазине своего болтера. Прошипев крайне неподобающее для священника ругательство, он отбросил пустое оружие в сторону. Снова опустился на колено около Фека, а затем выпрямился, держа в одной руке автомат дьякона, а в другой - его цепной меч.

- Нет, - твердо произнес Кейн. - У меня лучше дальнобойность и броня. Один мой вид может выиграть вам какое-то время. Веди своих людей на землю, а потом прикройте меня.

Векс на миг уставился на него, после чего кивнул. Быстро переместившись по выступу и встав перед Кейном, он стал рвать приказы своим людям. Обернувшись, Гореш бросил озадаченный взгляд сперва на Векса, потом на Кейна. Охотник остановился чуть позади Векса и остальных, поднял оба кулака и выпустил поверх их голов очередь болтов. Первая линия приближавшихся Искупителей растворилась в мешанину из крови и костей. Тех, кто находился за ними, посеколо дождем каменных осколков. Наступление остановилось под хор воплей.

По броне, словно сильный ливень, застучал автоматный огонь. Рикошет прочертил горячий след на одной щеке. Переведя прицел на тыл колонны атакующих, он выстрелил снова. Опять крики. Опять

изуродованные тела. В отчаянной попытке избежать болтов несколько бандитов бросилось с выступа.

Кейн рискнул мельком глянуть в направлении лестницы. Голова Гореша как раз скрывалась из виду. На карнизе оставался только Векс, который разряжал автопистолет в толкущихся Искупителей из авангарда колонны. Другая его рука безвольно свисала. Кейн увидел свежую кровь, запятнавшую рясу.

- Иди! - заорал он. Векс посмотрел на него, а затем, отшвырнув пустой пистолет, неловко слез за край.

Возможно, это сработали биостимуляторы костюма, или же дело было в примере Векса и его людей, имевших в качестве повода для жизни одну лишь идею, однако все равно готовых умереть ради ее защиты, но Кейн ощутил внутри возбуждение бешеного восторга. Никакого больше бегства, каковы бы ни были шансы. Он - Тай Гелиос Кейн, и он даст свой бой здесь.

Он снова привел в действие свои болтеры, вызвав только хор сухих щелчков. На дисплее визора вспыхнули два красных огонька. Пусто. Канонада Искупителей вынудила его развернуться вполоборота, принимая удары на толстую броню на плечах. Замигал еще один предупреждающий сигнал. Пуля зацепила проводку привода.

Все это неважно, решил он, и снова повернулся лицом к Искупителям. Авангард колонны был всего в нескольких метрах от него - слишком близко, чтобы те, кто находился в тылу, стали рисковать обстрелять своих. Двое братьев во главе колонны наводили свое оружие, но все это было неважно, ведь...

Никто не охотится так, как Дом Тай!

Из его горла вырвался дикий, воющий хохот, и он бросился на братьев, вытянув руки вперед.

13

- Я на миг решил, что ты передумал, - сказал ему Векс, пока они быстрой рысцой бежали к Концу Надежд. Открытое пространство вокруг поселения было жутковато опустевшим, если не считать разрушенных лачуг и бесчисленных трупов. Орда Зидо оттянулась обратно на вершину склона. Предстоял еще один штурм, это было очевидно, и этот бы уже не остановился, пока стену не пробьют.

В ушах у Кейна все еще звенело от взрыва, который обрушил часть выступа, где он стоял несколько минут назад. Первый человек во главе колонны уже превратился в размазанное пятно на скальной стене, а второй получил удар кулаком и с воплем свалился с карниза, когда в Искупителей врезался залп выстрелов, который унес две жизни и отогнал остальных от него. Крик Векса напомнил ему о плане. С гудящей головой и практически неконтролируемой дрожью в конечностях Кейн нетвердо стал слезать по высеченным ступеням. На полпути вниз он поскользнулся, потерял равновесие и тяжело приземлился у ног священника.

Гореш успел заложить один из раскопных зарядов у основания лестницы и отмотал кусок запала. Он присел около детонатора в нескольких шагах от стены. Стоявшие перед ним остатки команды Векса прикрывали огнем, пока Кейн и священник неслись прочь от ступеней. Когда они пробежали мимо Гореша, тот вдавил поршень.

- На миг я вообще не думал, - ответил пастору Кейн. - Никаких мыслей. Понимаешь?

- Чрезвычайно хорошо, - отозвался Векс. Он замедлил ход и остановился. - Благодарю. Пора тебе идти

своей дорогой.

Он жестом подозвал к себе Гореша, который замыкал шествие.

- Вот этому нашему другу нужен проводник, - произнес Векс. - Пустошь. Сколько там, пять уровней вниз? Возьми с собой Филепа.

Гореш выглядел так, словно собирался спорить, но Векс отмахнулся от всех его возможных возражений.

- Ты видел, что он был готов сделать для нас. У нас был уговор, у него и меня. Мне нужно, чтобы ты выполнил мою часть сделки.

Гореш кивнул, бросил на Кейна безрадостный, раздосадованный взгляд, а потом окликнул остальных, которые уже успели оторваться. Он трусой побежал к ним, передал одному из них детонатор, а другого поманил за собой.

Не останавливаясь, они миновали Кейна с Вексом. Кейн посмотрел мимо них на будто бы безликую каменную стену, окутанную тенью от нависавшей скалы, и его усиленное визором зрение смогло вычленить область, где тень была глубже: зев туннеля.

- Если у вас есть выход, то почему, во имя Хельмавра, вы им не воспользуетесь? - спросил он.

- Ты наверняка представляешь, сколько людей здесь, в конце Надежд, - объяснил Векс. - Чтобы пройти через эту дыру, им потребовались бы дни. - Он указал на плотные ряды священного похода Зидо. - А я не думаю, что они намерены дать нам больше нескольких минут, верно?

- Тогда идем со мной, - предложил Кейн. - Тебе нет смысла оставаться. Ты и так уже сделал для этих тва... в смысле, этих людей, больше, чем они когда-либо могли ожидать.

- Я остаюсь, потому что так правильно, - ответил Векс. - Потому что все, во что я верю, значит, что я должен быть именно здесь. Искупление имеет свою цену. Моя в расплате за те вещи, которые я делал, когда следовал за Архизелотом. Если ты не чувствовал того же, то почему вернулся?

Кейн тупо уставился на него, силясь найти ответ.

- Давай, шпилевик! - Гореш стоял на краю тени утеса, маня Кейна к себе.

- Иди, - велел Векс, кивая в сторону Гореша. - Знаешь ты о том, или нет, но ты ищешь искупления. Надеюсь, что ты найдешь его - и что цена не слишком высока.

Кейн открыл было рот, чтобы заговорить, но Векс уже отвернулся. Кейн проследил, как священник бежит к оставшимся членам своей группы. Он прокричал какую-то фразу, слов которой Кейн не разобрал, и люди, опережая его, бросились к поселению.

Гореш снова позвал. Кейн повернулся спиной к Вексу, к обреченному поселению Конец Надежд, и побежал к нему.

Туннель был достаточно широким, чтобы позволить двум людям войти бок о бок, но вскоре сузился. Кейну едва хватало места для прохода между тяжелыми металлическими балками, подпиравшими неровный каменный потолок. Гореш отцепил с пояса маленький фонарь на батареях и указывал дорогу. Филеп замыкал шествие. Оба молчали и были мрачными, явно не радуясь тому, что оставили Векса.

Они добрались до перекрестка, где туннель разделялся. Один проход становился шире и уходил наверх. Гореш повел их по второй ветке, резко загибавшейся вниз и остававшейся такой же тесной, как тот туннель, из которого они вышли.

Пол был грубым и недоделанным. Несколько раз Кейн оступался, поскольку нога уезжала в сторону на куче незакрепленных кусков, и врезался плечом в одну из опор потолка. Когда такое случилось впервые, Гореш остановился и обернулся, оглядев его с насмешливой улыбкой.

- Хочешь уронить на нас Улей? - рыкнул он. - Смотри, куда ноги ставишь.

Коридор раздваивался снова и снова. Гореш как будто выбирал самые тесные варианты, даже когда альтернативы вели вниз. Кейн начал задаваться вопросом, не задумали ли провожатые, оказавшись за пределами влияния Векса, завести его в такой узкий проход, где он упрется, крепко застрянет, и где они смогут оставить его умирать от голода.

Туннель вышел на открытое пространство посередине стены высокой галереи. Гореш повернулся, свесился за край проема и, секунду повисев на кончиках пальцев, легко соскочил на пол.

У Кейна не было иного выбора, кроме как прыгать. Он тяжело приземлился, но устоял на ногах. Из одного коленного сустава доспеха донесся сухой, механический лязг, а предупреждающий огонек на дисплее визора вспыхнул более настойчиво - прыжок совершенно не помог и без того уже поврежденной системе приводов костюма.

Филеп без труда выпрыгнул из проема, и Гореш повел их по полу галереи. Около стен были расставлены громадные машины, оснащенные приспособлениями для бурения, а другие - с челюстями, которые казались способными перемолоть камень в пасту, мобильными конвейерами и безбортовыми прицепами. Внимание Кейна привлекло цветное пятно, показавшееся в луче фонаря Гореша. Сфокусировав увеличитель визора, он увидел, что это желтая каска, небрежно пристроенная на решетку двигателя одной из чудовищных паровых землеройных машин. Кейн задумался, сколько же столетий миновало с тех пор, как владелец оставил ее там.

Там было шесть или семь возможных выходов, достаточно широких и высоких для забытых монстров, спавших в галерее. Гореш повел их к самому дальнему от того проема, через который они пришли. Кейн с облегчением обнаружил, что пол был покрыт плитами из ребристого металла, чтобы способствовать движению машин вверх и вниз по скату. Странное дело, несколько осветительных панелей, прикрученных к высокому потолку, до сих пор продолжало гореть, испещряя пол туннеля широкими озерцами желтоватого света. Рампа спускалась к еще одной, которая не уступала по ширине одной из процессионных магистралей, проходивших через Шпиль, и по спирали пронизывала скалу сверху и снизу.

На нижнем уровне тоже были машины, а также давно не используемые квартиры рабочих - высокие блочные гнездовья, где могло разместиться более тысячи человек. Прохода широкий вход в галерею, Кейн бросил на них взгляд, но Гореш нетерпеливо повел группу дальше вниз по спиральной дороге.

Вход на следующий уровень был запечатан упавшей скалой. Кейн удивил сам себя, понадеявшись, что обвал произошел после того, как галерею забросили. С чего ему было волноваться, раздавило ли миллионами тонн камня сотни безымянных, лишенных Дома бездельников?

Гореш остановился возле широкого овального отверстия в одной из стен.

- Вот туда, - произнес он, указывая в темноту.

- Мусоропровод, - добавил Филеп с заметным весельем в голосе.

- Пустошь там? - Кейн хотел быть уверен. Гореш кивнул.

- Дальше мы не пойдем. Пастор попросил нас указать тебе дорогу. Вот она.

Он кивнул Филепу, и оба повернулись, готовясь возвращаться по собственным следам.

- Я знаю, что вы хотели остаться с Вексом, - сказал Кейн. Гореш и Филеп помедлили, оглянулись на него. Кейн вдруг совершенно перестал понимать, зачем открыл рот, но ему на ум приходила еще лишь одна фраза. - Мне жаль.

Филеп фыркнул. То ли весело, то ли с пренебрежением, то ли от удивления - Кейн не сумел определить.

- Шпилевiku жаль? - отозвался Гореш. В его голосе однозначно слышалась издевка. - Да быть того не может.

- Надеюсь, Векс выживет. Надеюсь, у Конца Надежд есть будущее, - произнес Кейн, уязвленный словами Гореша, но тот и Филеп уже повернулись к нему спинами и быстро поднимались вверх по скату. Кейн секунду проследил за ними, а потом развернулся к овалному зеву мусоропровода и аккуратно шагнул внутрь.

- Так чего мы будем делать?

Гореш посмотрел на Филепа, но не сбавил шага. Они шли во мраке между двумя пятнами света, парой уровней выше того места, где оставили шпилевика, и ему не хотелось продолжать тратить время на это дурацкую затею.

- Что? - переспросил он.

- Я к тому, что все ведь уже кончится, верно? Ты же видел, Искупители готовились идти по-крупному. К тому времени, как мы вернемся, Конец Надежд уже на куски разнесут.

- Поэтому, по-твоему, мы должны сделать ноги? - Гореш внезапно остановился и встал лицом к лицу с Филепом. - По-твоему, мы должны оставить пастора и все остальное гореть?

- Пастор знал, что так случится, - возразил Филеп. - Он бы не хотел, чтобы мы туда возвращались.

- Делай, что хочешь. - Гореш с пренебрежением ухмыльнулся. - Я иду назад. Если смогу забрать с собой еще несколько этих мразей, фонтанирующих святыми писаниями, это будет моим искуплением.

- Твоя награда ближе, чем ты думаешь, подульевик.

Гореш с Филепом крутанулись, пытаясь определить, откуда исходит голос. Гореш вскинул свой автомат, положив оружие на руку, в которой держал фонарь.

Он ощутил легкий удар по стволу, а потом неожиданное онемение в руке. Луч фонаря подпрыгнул, бешено завертелся, после чего ткнулся вверх, когда светильник упал на пол. На миг Гореш решил, что тот выскользнул у него из пальцев.

Тревожный вскрик Филепа заставил его опустить взгляд на фонарь – и на кисть руки, которая так и сжимала устройство. Его руки.

Боли все еще не было, даже когда он выронил винтовку и прижал свежий обрубок запястья к груди. Глаза были широко раскрыты от изумления, и ему показалось, что он видит, как нечто промелькнуло в его направлении через луч фонаря.

Тело Гореша продолжало стоять, брызжа кровью из шеи, еще несколько мгновений после того, как его голова ударилась об пол. Колени подогнулись – сперва медленно, а затем, словно наверстывая упущенное время, он грохнулся, как тяжелый мешок, сброшенный с большой высоты.

Его убийца выступил на свет. Он носил какую-то облегающую броню. Маленький круглый щит, закрепленный на одном его предплечье, искрился так, будто был выложен драгоценными камнями. В другой руке он держал тонкий меч.

Он был не один.

Оступаясь, Филеп сделал полный оборот вокруг своей оси по мере того, как вокруг него выходили остальные. Их было пятеро – шесть, считая убийцу Гореша. Двое носили такие же громоздкие доспехи, как тот шпилевик, которого они с Горешем недавно покинули, двое – облегающие костюмы, сделанные, возможно, из какой-то полированной кожи. Из их выпуклых предплечий выступали длинные и острые на вид когти. Последнего было сложнее всего рассмотреть: похоже, на нем был какой-то плащ, размывавший очертания тела.

– Мы думали, что потеряли вас в туннелях, – произнес один из шпилевиков в тяжелой броне.

Филеп знал: он должен поднять свою винтовку, хотя бы попробовать забрать парочку из них с собой, однако обнаружил, что не в силах пошевелиться. Что-то прижимало его руки к бокам. Посмотрев вниз, он увидел, что вокруг него обвилась какая-то проволока.

– Я – Мордекай Гир из Дома Уланти, – продолжил шпилевик, игнорируя тщетные попытки Филепа вырваться из железной паутины. – Мы с товарищами по охоте ищем подобного нам, которого вы сопровождали по этим уровням. Если желаешь отчасти избавиться себя от боли, то расскажешь нам, где его найти. Если же предпочтешь упорствовать, боль будет сильнее, чем это строго необходимо.

Но поверь мне, подульевик, ты нам расскажешь.

14

Спуск Кейна прошел быстрее, чем он планировал. Вогнутый металлический пол мусоропровода был скользким от гнилых остатков многовековых отходов. Он успел сделать всего три или четыре осторожных шага вниз по крутому уклону, прежде чем потерял равновесие и проехал остаток пути на спине, взметая руками и ногами брызги серо-зеленой дряни.

Его падение остановила масса чуть более твердого мусора, которая забила почти половину выхода из желоба. Погружая конечности в полузамерзшее месиво, он перелез через нее и на четвереньках выбрался в памятную ему местность.

Поверхность уходила вниз от мусоропровода. Поднявшись на ноги, Кейн обнаружил перед глазами

волнистые дюны. Разум заполнили непрошенные образы с его первого визита в это место: восхождение на холмы в компании Баэля и прочих; мальчик, уходящий в сточной луже; установка датчиков движения и расстановка сторожевых устройств вокруг того прохода, в котором они решили провести следующий цикл отдыха; и, неизбежно, засада.

Словно преследуемый воспоминанием о безумном чириканье нападавших, Кейн заторопился вниз по склону. На ходу из сочленений его костюма брызгала жидкая мерзость, скопившаяся там, пока он съезжал вниз по желобу.

«Мы все еще там, где ты нас оставил».

Последние слова Баэля пробегали у него в голове, пока он тащился вверх по склону очередной дюны. Добравшись до вершины, Кейн осмотрел местность, выискивая какие-то следы Питар, Айдора и остальных, хотя довольно слабо представлял себе, какую форму мог бы принять такой след. Вероятно, дым от костра или какой-нибудь лагерь? Если они не сумели сопровождать Баэля в его последнем, фатальном путешествии обратно в Шпиль, значит их костюмы, должно быть, вышли из строя в ходе внезапной атаки, или, возможно, они сами были слишком серьезно ранены, чтобы рисковать, совершая переход. Может статься, они провели прошедшее время, влача существование тут внизу, опустившись до уровня жалких созданий, которые обитали среди мусора всю свою жизнь.

И даже если он их найдет, как они его встретят? Насколько рады они будут видеть человека, который бросил их перед суетливой ордой нападавших?

А какие слова сможет для них отыскать он? Следует ли ему молить о прощении, или же придумать какой-то вымысел, чтобы прикрыть свою трусость? Должен ли он сказать им, что пришел отвести их домой – но если они хотят снова увидеть Шпиль, то придется сразиться с охотниками из Уланти, их приспешниками-Делаками и его собственным вероломным братом? Одного, с пустыми болтерами и в поврежденном доспехе, его наверняка сочтут жалким спасителем.

Вход в пещеру был маленьким, легко теряющимся. Поначалу Кейн решил, что это просто тень, отброшенная небольшим выступом на нижней части склона следующей дюны по курсу. Он уже наткнулся на два подобных убогих жилища, оба из которых были пусты. Осторожно вглядываясь в проемы, он отметил, как выровняли пол, как добытые предметы были размещены в низких, тесных помещениях в порядке, имевшем смысл лишь для обитателей. В глубине каждой пещеры лежала смрадная гора чего-то, показавшегося ему подстилкой. Мысль о том, что Мила и другие живут в таких условиях, заставила его содрогнуться и вспыхнуть от стыда.

Посреди первой обследованной им пещеры располагался очаг, где еще тускло грели угли. Пещерные жители знали о его приближении? Возможно, они прятались за соседней дюной, дожидаясь, когда он уйдет дальше – или же притаились, пока он полностью не окажется внутри, а потом нападут.

Кейн поспешно попятился наружу из пещеры, выпрямился и, вдруг насторожившись, осмотрел окрестности. Ничего. Двигаясь по дюнам, он не видел никаких признаков активности, памятных ему по первому визиту – никаких признаков того, что сходило за жизнь на такой глубине в подулье.

Эта новая пещера, вероятно, также пустовала, но он должен был убедиться. Кейн сделал первый шаг – и крутанул на месте, когда в спрессованный мусор справа от него ударил лазерный импульс.

Сперва он ничего не увидел, а затем поднял глаза. В воздухе, в нескольких метрах наверху, описывала

круги фигура. Кейн узнал форму крыльев: «Йелд». Он инстинктивно вскинул кулак, прежде чем мигающие красные огоньки на дисплее визора напомнили ему, что болтеры пусты. Вниз пронеслись еще два рубиновых луча, попавшие в дюну слева. Что-то на сыпучей поверхности с хлопком загорелось. Кейн снова развернулся и сбивчивым бегом рванул вниз по склону холма, направляясь к пещере.

Очередь выстрелов лазера врезалась в землю перед ним, вынудив резко отвернуть от пещеры. Пока он бежал, перед глазами горели остаточные образы лучей.

Кейн не помнил, чтобы видел «Йелд» в числе охотников Уланги, хотя те плащи, что они носили, замаскировали бы силуэт костюма. То, что летучий охотник не возглавил засаду среди пепельных дюн, подтвердило уже имевшееся у Кейна подозрение насчет Гиры: тот был не из тех, кого устраивает убивать издалека. Ему нравилось подбираться к добыче близко – достаточно близко, чтобы наблюдать, как в ее глазах гаснет свет.

Следующая очередь сверху, должно быть, попала в полость с газом. Столб голубого пламени вырвался из земли перед Кейном, который рванулся вправо, а потом еще раз вправо, снова направляясь к пещере в надежде на то, что она может не только предоставить укрытие, но еще и содержать внутри нечто такое, что он смог бы использовать в качестве метательного снаряда. Хотя у него было бы мало шансов сбить охотника в «Йелде», но он мог хотя бы заставить того отступить, дать себе возможность подумать. Зайдя так далеко, Кейн был полон решимости не умирать жалко, словно какое-то загнанное в угол животное.

Словно уловив его намерение, следующий выстрел «Йелда» прожег ему левое колено. Завалившись вперед, Кейн вскрикнул – в равной мере от досады и боли. Когда он перекатился на спину и наклонился вперед, чтобы схватиться за изуродованный сустав, из раны засочился тошнотворный запах жареного мяса.

«Йелд» сделал круг, спикировал пониже, потом опять свернул и, наконец, остановился на середине склона той дюны, где он стоял, когда только заметил пещеру.

– Он никуда не денется, – услышал Кейн доклад «Йелда» в коммуникатор. Голос женщины был мягким, благовоспитанным. – Ожидает твоей воли.

К счастью, поскольку лазерный луч прижиг нервные окончания, нога Кейна ниже колена онемела. Сидя и уставившись на «Йелд», он бесился на самого себя. Встать на вершине одной из самых высоких дюн на несколько километров вокруг – как он мог быть настолько глуп? С тем же успехом можно было поставить указатель, запустить сигнальную ракету, чтобы сообщить Уланги, где его искать.

– Здравствуй, брат.

Кейн поднял взгляд на вершину холма. Там стоял Мот, явно наслаждавшийся сценой и окруженный Уланги, которые уже поголовно избавились от своих накидок.

– Что случилось с вашими лакеями-Делаками? – крикнул Кейн Гиру. – Уверен, что без них за спиной вас хватит, чтобы справиться с одной искалеченной целью? На твоём месте я бы не ожидал никакой помощи от моего брата.

– Перестань, Кейн, где твоя гордость? – глумливо улыбнулся Мот. – Уж наверняка ты способен встретить свою судьбу, как бы неприятна она ни была, не прибегая к детским оскорблениям.

– В Делаках более нет необходимости, – ответил Гир Кейну. – Ты был нашей главной целью. Твои спутники являлись лишь неудачливыми очевидцами, которым нельзя было позволить остаться в живых.

Представлялось уместным завершить эту охоту без их участия.

Гир повел охотников вниз по склону. Кейн следил за их приближением – пока внезапный шум не заставил его посмотреть выше, поверх их голов, на вершину дюны. Там стояла шеренга оборванных людей, которые сгрудились плечом к плечу и слегка покачивались, словно от едва сдерживаемого возбуждения. На глазах Кейна к строю присоединились новые фигуры, поднявшиеся с дальнего края холма, и стал громче тот звук, что оповестил его об их появлении: сухое чириканье, будто от насекомых.

Первым их заметил Мот. Он обернулся, испустил испуганный вопль и, потеряв равновесие, налетел на Гира. Остальные развернулись, впервые мельком увидели новоприбывших и открыли огонь. Заряды болтеров и лазерные лучи врезались в шеренгу, но проделанные ими бреши быстро заполнились. Чириканье стало еще громче, и строй начал двигаться вниз по склону, оказавшись огромным истрепанным валом.

Лежа у основания склона, Кейн улыбнулся. Его охота закончилась. Он умрет тут, как и должен был несколько месяцев назад.

И на сей раз не будет никакого бегства.

15

- Кейн!

Имя, словно призрак, проплыло среди щелчков и писков, фоновой болтовни созданий, которые несли его по туннелям под дюнами. Кейн не знал, что кажется ему более удивительным: то, что кто-то пробурил эти узкие, извилистые проходы сквозь спрессованный тысячетный мусор, залегающий под текучими дюнами, или же то, что эти утратившие человечность существа все еще могли произнести узнаваемое слово.

Впрочем, он точно знал, что ему казалось удивительнее всего – он до сих пор был жив.

Ощущение было такое, словно он стал зрителем в собственном кошмаре, когда чирикающий вал понесся вниз по склону дюны. Их крики делались более исступленными и перемежались выстрелами охотников-Уланты. Первым под волной деформированных тел, продолжая бешено полосовать своими длинными когтями, пропал тот из них, кто носил костюм «Малкадон». «Йелд», как и Питар, попытался подняться в воздух, но его увлекли вниз цепкие руки толпы. Вместо каждого тела, которое резала на кровавые куски охотница в костюме «Джакара», на этом месте появлялись еще трое, которые тянулись к ней с лицами, искаженными в одной и той же гримасе экстаза.

Кейн с мрачным удовлетворением наблюдал, как Мот попытался броситься бежать и помчался вниз по склону, а потом резко вильнул, стараясь обогнуть надвигающийся вал, но лишь обнаружил, что те, кто находился на концах строя, уже успели миновать позиции охотников и теперь поворачивали, чтобы взять тех в кольцо. Увидев это, Мот споткнулся, остановился – и через миг сгинул.

Дольше всех продержались Гир и другой Уланта в «Оррусе». Кейну неодолимо вспомнился последний бой Баэля, но, странное дело, при этом он не ощутил никакой вины. Вид толпы, осознание того, что его жизни осталось течь считанные мгновения, начисто лишили его эмоций, оставив лишь смутную жажду могильного покоя.

К тому моменту, как болтеры охотников смолкли, они уже скрылись из виду Кейна. Он был окружен.

- Ну? - спросил он. - Чего вы ждете?

Их неистовство как будто улеглось. Лица, глядевшие на него в ответ, сделались вялыми. Одна женщина из их числа наклонилась посмотреть поближе. У нее дергалась щека. Нет, осознал Кейн, не дергалась.

Под ее кожей что-то двигалось.

- Кейн!

Это слово донеслось не от женщины. Оно словно развернулось из непонятных трелей тех, кто стоял над ним. Кейн решил, что ему почудилось, но затем оно раздалось снова, будто обрывок разговора, услышанный сквозь бормотание громадной толпы.

Прочие наклонились, присоединившись к женщине. Протянув руки, они начали расстегивать на нем костюм, сняли шлем. Кейн знал, что должен попытаться остановить их, но обнаружил, что у него больше не было ни сил, ни желания. Только когда они убрали пластины вокруг изуродованного колена, он вскрикнул и забился в их хватке, используя последние остатки энергии. Те, кто трудился над его ногой, выждали, пока он не перестал сопротивляться, а затем практически заботливо закончили свою работу.

Освободив Кейна от доспеха, они аккуратно подняли его и понесли по дюнам, словно героя, павшего в битве.

Когда вокруг сомкнулась темнота, он предположил, что его доставили в пещеру, хотя и понятия не имел, с какой целью. Однако они продолжали движение. Наклон пола вдруг изменился, уводя вниз. У Кейна появилось чувство, будто его проглатывает сам Улей. Темнота была абсолютной, уничтожала всякое ощущение времени и направления. Кейн задался вопросом, не мертв ли он уже на самом деле, и не лежат ли куски его тела у подножия дюны. Возможно, это путешествие являлось последней галлюцинацией, или же дорогой, по которой все трусы и неудачники отправляются в особый ад, придерживаемый для них Императором.

Искушение? Продолжая скользить во мраке, он подумал о Вексе. Сомневаюсь.

Кейн открыл глаза от шума воды. Он не помнил, как закрывал их, равно как не имел и никакого представления, сколько времени пробыл без сознания.

Он медленно открыл глаза и приподнял голову с груди. Он стоял, подпираемый под каждое плечо одним из тех, кто нес его по туннелям, на каменистом берегу чего-то, похожего на широкий открытый коллектор. Вонь была ужасающей; вода двигалась медленно, словно ее отягощали переносимые стоки. Оглядевшись, Кейн увидел, что у кромки воды собралась толпа, некоторые держали примитивные факелы. По рядам пробежало тихое неразборчивое бормотание, и они стояли, слегка покачиваясь, будто предавались какой-то общей молитве.

Кейн вспомнил истории, которые ему доводилось слышать о силах, существующих по ту сторону варпа - незримого межзвездного океана, который простирался между мирами и по которому перемещались корабли Империи, дабы исполнять волю Императора. Как он слышал, эти силы могли изменять умы и тела людей, подчиняя тех своей извращенной воле. Империя теряла целые планеты, когда их обитатели обращались к поклонению этим силам. С внезапным приступом страха ему пришло в голову, что он мог

попасть в лапы как раз такого нечестивого тайного общества здесь, в Улье Примус, и его привели сюда стать свидетелем одного из их кощунственных ритуалов. А для подобного ритуала, как ему представлялось, требовалось жертвоприношение.

По воде начала расходиться рябь. Снизу стало подниматься все больше и больше пузырей. Гладкая переливающаяся поверхность как будто закипела.

Кейн обмяк в поддерживавших его руках, едва не свалившись от облегчения, когда увидел, что из глубин возникла машина, а не какая-то неопишуемая мерзость, вызванная извне. Продолговатая, конусообразная капля из металла, увенчанная невысокой башенкой, еще немного покачалась после своего появления. Вода плавно стекала по клепаным пластинам корпуса. Ближе к корме корабля с лязгом открылся люк. Из него вылезли фигуры, которые начали развязывать канаты, крепившие к корпусу одно из нескольких суденышек поменьше. Ялик спустили на воду, несколько неизвестных забралось на борт. Закашлялся оживший двигатель, и экипаж повел лодку к берегу.

Кейн обнаружил, что приближается к кромке воды. На секунду он уперся было пятками, попытался остановить движение, однако поддерживавшие попросту приподняли его над землей. Его вынесли на узкий пляж, а тем временем нос ялика высунулся на берег, и на сушу выпрыгнуло трое из команды. Один из них был огромным субъектом с телосложением гладиатора, но на его лице, как и двух его товарищей, было такое же обмякшее выражение, как и всех тех, кто собрался на берегу встретить их.

Кейна передали на их попечение. Гладиатор подхватил его под плечи, а один из остальных поднял ноги. Всякая надежда на побег испарилась в тот же миг, как Кейн ощутил мощь в руках великана. Третий член команды ялика, вылезший на сушу, помог им занести его на борт лодки, потом оттолкнул нос от пляжа и легко запрыгнул внутрь, а двигатель снова с кашлем заработал. Четвертый из экипажа повел лодку к ожидавшемуся подводному судну.

Когда ялик поравнялся с кораблем-маткой, Кейн заметил латунную табличку, приклепанную к стене приземистой башенки. На ней было вытравлено одно слово: «Квиквег».

Кейна подняли на борт субмарины, проявив не больше церемонности, чем к мешку с провизией. Гладиатор придержал его на вытянутых руках, как кто-то мог бы держать новорожденного, и опустил через отверстие в ждущие ладони, пока остальная команда ялика закрепляла лодку. Когда Кейна поволокли по тесному коридору, который вел к широкому концу корабля, он услышал, как позади захлопнулся люк. Судно завибрировало, двигатели набирали мощность, и палуба, по которой он ковылял, начала крениться.

Уклон пола успел стать еще круче к тому моменту, как он добрался до рубки. Чуть менее тесное помещение заполнял низкий непрерывный гул – звук, который, как был уверен Кейн, исходил не от корабельных машин. Комната была покрыта переплетением труб и манометров; с потолка плотными связками свисали кабели. В тусклом красноватом свете казалось, будто кабели также висят между всевозможными рабочими постами и теми, кто их занимал.

Когда глаза привыкли к мраку, Кейн увидел, что эти кабели были более толстыми и светлыми, чем те, которые тянулись по потолку. И они были живыми. Усики из плоти соединяли всех членов экипажа с их панелями управления. Бледные отростки напряглись, качнулись, и люди без какой-либо опознаваемой команды вывели «Квиквег» на горизонтальный курс.

Один из экипажа стоял посреди рубки, прижавшись глазом к окуляру, встроенному в толстую трубу, которая входила в помещение через потолок – какая-то смотровая труба, как решил Кейн. Человек был

одет в массивный жилет из плотной звериной шкуры, до сих пор покрытой слоем короткой и грубой шерсти ее предыдущего владельца. Он отвернулся от трубы и бросил взгляд на Кейна – ободряюще человеческий жест любопытства, подумал тот, пока не заметил отросток, который змеился от дальнего края трубы и оканчивался на виске человека. Кейн с ужасом следил, как по всей длине мясистого щупальца пробежала волна. Под кожей что-то двигалось, используя ее в качестве туннеля из плоти, чтобы переместиться от механических деталей корабля в органическое убежище внутри черепа члена команды.

В тот момент он понял то, чего лишь опасался, стоя на берегу: судьба привела его в руки проклятых.

Человек у окуляра издал короткую череду щелчков, и те, кто так и продолжал поддерживать Кейна, переправили его в крошечную каюту в средней секции корабля. Из мебели в комнате имелись маленькая койка, металлический стол и стул. Каютка выглядела запущенной, неиспользуемой, так же, как и мельком замеченные Кейном потертые гамаки, которые одиноко висели между переборками подводного судна. Судя по всему, существам из команды этого корабля когда-то требовался сон, как и всем прочим людям. Лежа на тесной койке после того, как конвоиры ушли, Кейн задумался, не было ли милосердие еще одной человеческой чертой, утраченной ими при трансформации.

Он рывком проснулся, поначалу гадая, когда же закрыл глаза и сколько проспал. Затем он заметил, что глухая, монотонная пульсация двигателей сменила тональность. Пол и стены кабины были наклонены под острым углом. Корабль всплывал. Скоро за ним придут.

Он скинул ноги с койки – и вскрикнул от мучительной боли, которая взорвалась в поврежденном колене, стирая всякую надежду сбежать в последний момент. Что бы для него ни приберегла судьба, не оставалось иного выбора, кроме как принять это.

Дверь каюты открылась. В помещение вошли двое из команды, которых он прежде не видел. Они протянули руки к нему.

Не сопротивлявшегося Кейна перенесли на корму подводного судна, а затем подняли через уже открытый люк. Тот член экипажа, который по мнению Кейна когда-то мог быть гладиатором, встал над проемом, опустил свои массивные руки вниз и с легкостью вытащил его в смрадную атмосферу. На воду рядом с «Квиквегом» уже был спущен ялик. Кейна грубо переправили на борт покачивавшейся лодки, гладиатор последовал за ним.

Подводный корабль всплыл в широкой пещере с куполообразным сводом. С потолка лентами свисали какие-то светящиеся грибы. Ялик понесся к широкому выступу, тянувшемуся вдоль части изогнутой стены. Дальняя часть каменной платформы была окутана тенями.

На выступе стояли фигуры, ожидавшие прибытия ялика. Рулевой лодки не стал глушить двигатель, удерживая судно плотно прижатым к вертикальной скале, а Кейна тем временем подняли – в очередной раз гладиатор – в ждущие наверху руки. Охотник посмотрел вниз, на гладиатора, ожидая, что он последует за ним, однако тот остался на борту ялика. Его работа, похоже, была выполнена.

Хотя Кейн бы не поверил, что такое возможно, но те, в чьи руки его передали, представляли собой еще более нервирующее зрелище, чем и орда чирикающих идиотов, донесших его до берега, и команда «Квиквега». Между ними висели отростки плоти, поверхность которых постоянно пребывала в движении, словно под кожей происходила бешеная деятельность. Один из них, похоже, был результатом

слияния двух тел. Он отбежал вбок на четырех ногах, ухмыльнулся Кейну двумя обвисшими ртами. В бледном свете влажно сверкнули четыре глаза.

Кейна перенесли подальше от края, в направлении теней и чего-то, выглядевшего как большой камень, который выдавался из неровной поверхности выступа. Нет, не камень, подумал Кейн: какая-то скульптура. Его привели, чтобы принести в жертву перед изображением нечестивого божества этих созданий? В рассеянном освещении тускло блеснул металл. Кейн различил выпуклые пластины, очертания которых что-то ему напоминали.

Конвоиры Кейна остановились, и на его глазах статуя пришла в движение, распадаясь на части по невидимым стыкам. Единый сплошной силуэт превратился в пять, в шесть отдельных фигур, соединенных уже слишком хорошо знакомыми усиками плоти. Мясистые туннели тоже разорвались, быстро втягиваясь, пропадая из виду в самостоятельно затягивавшихся щелях на броне фигур.

Внутри Кейна забурлила паника. Он забился в удерживавших его руках, стал тщетно пинать воздух. Он знал, что вот-вот увидит - и всем сердцем желал, чтобы его швырнули в ядовитую мглу у подножия выступа, а не заставляли это видеть.

Одна из фигур выступила вперед, поднимая огромные перчатки, отстегивая шлем, скрывавший ее глаза. Когда шлем был снят, Кейн обнаружил, что неотрывно глядит в лицо, которое в последний раз видел безжизненным на полу Большой Галереи.

- Приветствую, Кейн, - произнес Баэль. Слова явно давались ему с некоторым трудом. - Нам так тебя не хватало.

16

- Если бы ты только не сбежал, - сказал ему Баэль, - то уже познал бы нашу радость.

Долгие секунды Кейн не мог заговорить, поскольку его разум силился осмыслить увиденное. Баэль был мертв, однако он стоял здесь, вместе с Милой, Питар, Вольк, Джорджи и смеющимся Айдором, и все они выглядели так же, как в тот день, когда покинули Шпиль, и у всех их на лицах была одинаковая вялая улыбка.

Упоминание Баэля о его трусости разрушило чары, и слова посыпались из него потоком: запинаящиеся извинения, полуоформленные оправдания, попытки объяснить, почему он вернулся. И, наконец, отчаянное:

- Что они с вами сделали?

- Они дали нам свободу, - ответил Баэль. - Свободу от оков индивидуальности. Свободу от тоскливой темницы одного тела, узких рамок одного сознания.

Кейн бешено затряс головой. Он бы прижал руки к ушам, чтобы заглушить слова Баэля - и сопровождавшее их нечеловеческое пощелкивание - но конвоиры продолжали держать их железной хваткой.

- Это безумие! - задыхаясь, выговорил он. - Кошунство.

- Это наука, - отозвался Баэль. - Утраченное, давно забытое знание, погребенное среди корней Улья.

- Подульевики называют подобное знание археотехом: потерянными образцами могучих, преобразующих мир технологий, которые наши родоначальники использовали, чтобы распространить человеческую расу по всей галактике, чтобы колонизировать найденные ими миры, чтобы возвести этот и другие города-ульи Некромунды. Однако не весь археотех существует в таких масштабах. Часть его миниатюрна, создана для того, чтобы манипулировать не примитивными материалами вроде металла и камня, а кровью, плотью и костями. Чтобы двигаться внутри нас и между нами, делать разум и телом одним целым и сводить все разумы воедино.

Баэль повел рукой, охватив этим жестом прочих охотников и тех чудовищ, что продолжали удерживать Кейна, у которого голова шла кругом.

- Вот что течет в нас теперь, - продолжил Баэль. - Его сотворение затеряно во времени, но мы считаем, что оно было создано для облегчения процесса, посредством которого можно было бы перекраивать миры, делать их более подходящими для обитания людей - или же изменять тела колонистов в соответствии с планетой, где они решили жить. Будучи утраченным, оно, должно быть, дремало сотни лет, пока его не нашли, достав треснувший контейнер из-под завалов ульетрясения. Нам известно об этом, так как мы разделяем воспоминания первого, кто его обнаружил - изгоя, сборщика мусора по имени Дрелл. Наконец-то освободившись, оно вошло в тело своего первого носителя, а потом быстро распространилось среди его товарищей. Они первыми познали отраду единения, когда их разумы и память переплелись, и в своей радости захотели поделиться ею с другими.

- Это не свобода! - закричал Кейн. - Это контроль над разумом! Вы стали рабами этой нечистой бессмыслицы!

Баэль спокойно оглядел Кейна. Идиотская ухмылка не померкла.

- Разве безумие знать, что никогда больше не ощутишь одиночества? - спросил Баэль. - Никогда больше не жить в страхе за своих товарищей, знать, что они делят с тобой мысли и чувства? Это дар. Это свобода.

Те, кто нашел нас среди мусора, хотели лишь поделиться с нами этим даром. Уничтожение тела ничего не значит, коль скоро разум остается жить. Если возникнет желание, еще одно тело можно сконструировать из любого органического материала. Мы создали такое тело по моему подобию, чтобы позвать тебя обратно к нам. Мы знали, что ты придешь. Ты наш брат.

Говоря, Баэль сделал шаг ближе и поднял руку. Перчатка «Орруса» сдвинулась назад, словно лепестки какого-то невозможного цветка из керамики и металла, обнажив бледную руку с длинными пальцами.

Когда брат потянулся к нему, Кейн увидел, что под кожей его ладони что-то движется. Появилась трещина, тянувшаяся от основания большого пальца до безымянного.

Кейн отчаянно задергал головой из стороны в сторону. Позади него пара рук сомкнулась на затылке, заставляя неотрывно глядеть расширенными от страха глазами на ладонь брата, которая накрыла его лицо, придушив последний человеческий крик.

Они поднимались сквозь полосы света. Кабина лифта вокруг них лязгала и дергалась, поднимая их по шахте. Кейн стоял, снова облаченный в свой доспех «Оррус», в сопровождении Айдора и Мота. Его брат присоединился к ним, с радостью и изумлением болтая о своем новом, освобожденном состоянии, и они двинулись вверх по Улью, мимо покинутых дымящихся руин, где когда-то находился Конец Надежд, и

дальше, дальше, в направлении Шпиля.

«Знаешь ты о том, или нет, но ты ищешь искупления», – вспомнились Кейну последние слова, сказанные Вексом тому человеку, которым он прежде был. «Надеюсь, что ты найдешь его – и что цена не слишком высока».

Цена заключалась лишь в том, чтобы отбросить жизнь в одиночестве, страхе и изоляции – и это была вообще не цена. Теперь ему не терпелось поделиться своим искуплением с остальной своей семьей, со своим Домом, с каждым жителем Улья Примус, всей Некромунды. Представьте – никакой больше необходимости в мелочном политиканстве между Домами, между ульями! Никакого страха. Никакой лжи.

На его губах болталась улыбка, а в сознании гудели и жужжали жизни всех, с кем он успел пообщаться за время подъема – и жизни тех, с кем пообщались они. Расстояние не являлось преградой: язык, создаваемый и переводимый крошечными машинами, которые сейчас струились внутри него, мог передавать невероятные объемы информации на гигантские дистанции за пределами человеческого восприятия. Слова теперь казались такими медленными, такими неуклюжими, однако ему предстояло снова прибегнуть к ним, когда лифт прибудет в апартаменты Дома Тай.

Он расскажет членам своего Дома то, что им хотелось услышать: что он и Мот отыскали пропавших охотников, хотя и ценой собственных спутников. Они с Мотом вернутся в лоно клана Гелиос, Мила, Айдор и остальные – к своим. Потом, оказавшись под надежной защитой, они начнут делиться тем даром, который уже получили сами. Обман прискорбен, но цель – великолепный замысел объединенного улья, объединенного мира! – оправдывает средства.

Лифт загремел в последний раз, достигнув вершины шахты. Сквозь решетку двери кабины Кейн увидел собравшийся почетный караул, всегда встречавший возвращавшихся охотников. Один из гвардейцев Дома в изукрашенной униформе открыл дверь и отсалютовал. Два ряда стражи были выстроены по бокам коридора, в конце которого стоял сам лорд Тай, великолепный в одеянии, приберегаемом им для важных церемоний. Рядом с лордом Таем находился отец Кейна, Тай Гелиос Кэл, лицо которого было бледным от столь долго донимавшей его болезни. Старика поддерживали двое персональных охранников. Кейн удивился, увидев их здесь – как правило, формальное приветствие происходило в Большой Галерее.

- Мы возвращаемся с честью и славой, – провозгласил он в соответствии с давно сложившимся ритуалом, ведя охотников между шеренг почетного караула.

- И вам рады, – дал установленный ответ лорд Тай, после чего повернулся и первым зашагал по коридорам. Отец Кейна нетвердо поковылял за ним. Охотники, сопровождаемые почетным караулом, направились следом.

Согласно обычной практике, коридоры были очищены от слуг Дома. Процессия двигалась молча, пока не добралась до дверей, ведущих в Большую Галерею. Двое членов свиты лорда Тая заторопились вперед открыть их. Когда лорд Тай, отец Кейна и остальные зашли в галерею, камергер лорда повернулся к почетному караулу и поднял руку, чтобы они остановились.

- Подождите здесь немного, – заявил он, – дабы позволить нашему господину занять его место.

Затем камергер скрылся за дверями. Кейн заметил, что стражник справа от него как будто нервозно переступил с ноги на ногу. Обычно эти парадные солдаты являлись образцом приличия. Прежде чем он

успел сколько-либо еще подумать об этом, двери вновь распахнулись, и стража двинулась вперед, сопровождая охотников в галерею.

По практически пустому помещению коротко разнесся шум тяжелых засовов, задвигаемых поперек дверей, за которым быстро последовал звук бегущих ног – почетный караул стремительно кинулся прочь от охотников. Кейн непонимающе уставился на группу фигур в тяжелой броне, которые стояли напротив них, направив оружие на него и его товарищей. Их было пятнадцать, сосчитал Кейн. Они в полтор раза превосходили ростом человека, а их доспехи были цвета полуночи, если не считать эмблем подразделения на наплечниках и серых сердец, украшавших нагрудники. Половина из них держала болтеры с выгравированным двуглавым имперским орлом, у остальных было более громоздкое оружие – мелты.

- Добро пожаловать домой, Тай Гелиос Кэл – если это действительно ты.

Сбоку от фигур в броне стоял человек в черном, окруженный свитой в таких же одеждах. Цинар, вспомнил Кейн, инквизитор. А затем Кейн вспомнил еще кое-что: среди свиты Цинара был техноадепт. Этот адепт изучил остатки подобию, которое послали, чтобы позвать его? Он что-то нашел?

Кейн посмотрел мимо Цинара – туда, где стоял лорд Тай и его свита. Он отчаянно выискивал лицо.

- Отец? – позвал он.

Единственным ответом, который он получил, стал глухой рев сработавшей мелты.

Тай Гелиос Кэл опустил взгляд на останки своего сына. Конечно, старик горевал, но еще ему было больно от того, что он точно знал: позору его семьи предстоит длиться поколениями. Репутация, отточенная и сформированная за десятки лет долгой жизни, те услуги, что он оказал этому лорду Таю и его отцу до него, не будут стоять ничего. Истории он станет известен как отец не одного, а троих сыновей, связавшихся с ересью.

- Пример ваших сыновей будет предостережением всем, кто ищет запретных знаний. – Рядом с ним стоял инквизитор. – Не изучи мой техноадепт труп вашего первенца, не обнаружь он нечистых существ внутри него, подумайте, какие ужасы могли бы разыгаться в улье.

Цинар не стал упоминать, что эти существа теперь были безопасно упакованы на борту «Громого ястреба», стоявшего на одной из наиболее крупных посадочных площадок Шпиля, и готовы к транспортировке в далекие лаборатории Адептус Механикус.

- У меня нет сыновей! – слабо выплюнул Кэл. У него в ушах до сих пор звенел жутковатый, нечеловеческий визг, который вырывался из глоток Кейна и остальных, когда они умирали. – Я отрекаюсь от них!

- Так тому и надлежит быть, – Цинар кивнул, а затем повернулся, чтобы обратиться к сержанту Лицидию из Железных Сердец, чьи люди под надзором техноадепта инквизитора занимались сбором еще дымившихся останков прочих охотников. – Как и планировалось, я отбуду на «Благословенном искуплении» и представлю отчет руководству моего Ордоса. Я уведомил лорда Тая, что ваше подразделение останется здесь, в готовности на тот случай, если другие такие создания попытаются попасть в Шпиль. Если это произойдет, вам будут предоставлены все полномочия, чтобы разобраться с ними. Лорда Хельмавра уже поставили в известность о ситуации.

Огромный космический десантник кивнул и шагнул назад в строй. Цинар снова повернулся к старику, который продолжал неотрывно глядеть на своего сына.

- Да святится Император, что «Благословенное искупление» прибыло по графику. Только божественным провидением на борту мог оказаться орден лучших воинов Империиума. Кампания на Ливии-девять прошла хорошо, как они говорят.

Кэл кивнул.

- Да святится Император, - тихо повторил он.

17

Человек, который когда-то был Таем Гелиосом Баэлем, стоял на выступе в окружении своих братьев и товарищей по охоте. Было пустяком создать для них новые тела, чтобы вместить копии разумов, хранившихся в археотехе, что тек в их жилах. Разумеется, это не являлось необходимостью. Личности мужчин и женщин, прежде бывших Кейном, Мотом, Вольк, Питар, Айдором, Милой и Джорджи, могли бы оставаться внутри него вечно, но он отчего-то находил их физическое присутствие успокаивающим.

Все вместе они наблюдали, как «Квиквег» скользнул под воду пруда, где кораблю и его команде предстояло оставаться, бездействуя, пока они не понадобятся снова. Ожидая на дне лифтовой шахты, Баэль принял последнюю передачу Кейна из Большой Галереи. Быстро спустившись назад по Улью, он распространил весть: засада.

Каким-то образом их стратегию раскрыли, однако это не имело значения. Время было на их стороне. Со временем их род опять станет просто слухами. Со временем эти слухи стихнут, превратятся в полузабытые истории. Никто не выставляет охрану от историй.

Но он знал: однажды, через десятки, возможно сотни лет, они поднимутся. И Некромунда будет принадлежать им.

1. Эхолот - разновидность гидролокатора, средство обнаружения подводных объектов с помощью акустического излучения.
2. Нактоуз - тумба с ящиком для хранения навигационных инструментов на корабле.
3. Конкубина - исторически женщина низшего сословия, сожительствующая с мужчиной вне брака.
4. Видимо, вымышленное междометие-ругательство.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Спуск_/_Descent_\(новелла\)&oldid=22345](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Спуск_/_Descent_(новелла)&oldid=22345)

Эта страница в последний раз была отредактирована 3 марта 2023 в 19:02.